Лит. И. и А. Давиденко въ Кіевѣ

ВѢСТНИКЪ

ЮГО-ЗАПАДНОЙ И ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. Говорскимъ.

АПРѢЛЬ.

ГОДЪ ВТОРОЙ

ТОМЪ IV.

КІЕВЪ.

Въ типографіи И. и А. Давиденко.

1864.

Дозволено цензурой. Кіевъ, іюня 10 1864 года.

Цензоръ Малышевскій.

I.

—

№ 17-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ БРАТСТВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ *).

1.

Выпись изъ книгъ виленскихъ бургомистровъ, съ явкою грамоты братству виленскому кушнерскому, закона греческаго, данной королемъ Сигизмундомъ III, апрѣля 14 1590 года.

Лѣта Божего Нароженя ахи (1608) в пятницу мсца июня ѕ (6) дня.—

Пред шляхетными Паны бурмистры и радцы места виленского, того року на ратуши на справахъ будучими, постановившисе обличне учтивые денис костентинович, А федор алексеевич мещане и купцы места виленского старшие того року братства названого кушнерского виленского, сами зособ своих,

*) Такъ какъ вопросъ о необходимости въ настоящее время учрежденія церковныхъ братствъ въ западныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ разрѣшенъ уже дозволеніемъ правительства заводить ихъ при приходскихъ церквахъ и монастыряхъ, то мы не лишнимъ считаемъ знакомить русскую-православную публику съ документами, относящимися къ древнимъ братствамъ, повсемѣстно существовавшимъ при церквахъ и монастыряхъ этого края, печатая ихъ по временамъ на страницахъ нашего журнала. Ред.

и именем всее брати того братства помененого, оказали привилею своего братского потвержене привилием от тепер нам щасливе пануючого Пана короля его млсти, Жикгимонта третего, жодаючи Абы до книг местских гадецких, актыкованый был, што на прозбу их позволено ест, И таксе всобе слово от слова мает. ЖИКГИМОНТ третий божю млстю Корол Полски велики Княз литовски руски пруски жомоитски мазовецки ифлянтски. И королевства шведского наблизши дедич и пришлы король.—Чиним знаменито сим листом нашим всим вобец, и кождому зособна кому бы ведати належало, билинам чолом мещане места нашого виленского братства кушнерского люди закону греческого, и покладали перед нами привилей продка нашого славное памети короля его млсти стефана на братство их кушнерское з сыченьем волных медов и напевные артыкулы для порадку добраго втом братстве их постановленое, водлуг давных звычаев утвержаючи им даный и просили нас помененые мещане виленские абыхмо им тот привилей продка нщого, листомъ нщим потвердили, што мы чинечи на чолом бите их тогож привилея продка нашого огледавши велели есмо всес наш лист вписати, и слово от слово таксе всобе мает.—СТЕФАН божю млстю Корол Полски велики Княз литовски руски пруски жомоитски мазовецки ифлянтски княже седмикгродское ииных. Чиним знаменито сим листом нашим хто наего посмотрит, Або чтучи его услышит нинешним и на потом будучим, кому будет потреба тог ведати, били нам чолом подданые нши мещане места виленского всег братства кушнерского и покладали перед нами привилие свтое и славное памети, королей их млсти и великих кнзей литовских продков наших Жикгимонта старог, и Жикгимонта августа даные им на братство кушнерское на склады братские, под которым обычаем и скоторыми артыкулы и як теж то им меновите, и достаточне тыми привилеями утвержоно, што все ширей втых привилиях ест описано чого дей всего они уживали подле тых привилиев от оных мест якъ им наданы, аж до сих часов; и били нам чолом, Абыхмо ласку гдрскую нашу учинили, на то дали им наш лист и тые привилея королей их млсти подтвердили нащим листом, мы иж звыкли завжды яко всих посполите, так кождого зособна подданыхъ наших привилиях и листех продков нщихъ захо́вати и тым подданым нашим братству кушнерскому

втом ласки нашое неотмаваючи казали есмо оные привилея королей их млсти перво помененые всес наш лист уписати докладаючи внем меновите волности и свободы, водле артыкулов в том листе ншом нижей описаных з ласки ншое грдское на чолобите их тому братству кушнерскому наданое, которые то привилия слово от слова таксе всобе мают. ЖИКГИМОНТ август божю млстю Корол Полски велики княз литовски, руски пруски Жомоитси Мазовецки Ифлянтски и иных.—Чиним знаменито сим листом нашимъ, хто на его посмотрит, Албо чтучи его услышит, нинешним и на потом будучим кому будет потреба того ведати, били нам чолом подданые нши мещане места виленского всего братства кушнерског и покладали перед нами привилей свтое и славное памети короля его млсти и великог Кнзя Жикгимонта, Пана отца Ншого даные им на братство кушнерское на склады братские под которым обычаем, и скоторыми артыкулы, и як теж то им меновите, и досыт достаточне тым привилеем утвержоно, то внем широкими словы доложоно и описано, чого дей они всего уживали подле того привилея от оных мест яко им наданы, аж до сих часов, И били нам чолом, Абыхмо ласку ншу гдрскую вчинили, На то дали им наш лист и тот привилей Короля Его млсти потвердили нашим листом, Мы иж звыкли завжды, яко всих посполите, так и каждого зособна подданых наших при привилиях и листех продков наших заховывати и тымъ подданым нашим братству кушнерскому втом ласки ншое неотмовяючи, казали есмо оный привилей Короля Его млсти перво помененый всес наш лист уписать которы привилей слово от слова таксе всобе мает. ЖИКГИМОНТ Божю млстю корол Полски велики Княз литовски руски пруски Жомоитски Мазовецки и иных. Чиним знаменито тым листом нашим хто на его посмотрит, Албо чтучи его услышит нинешним и на потом будучим кому будетъ потреба того ведати били нам чолом подданые нши мещане места виленского всего братства кушнерског о том иж перед тым некоторые кушнери виленские найме клим А якубъ зъиншых людей помочю зволили и встановили собе братство свое кушнерское у томъ месте виленскомъ мети, и за свой власны наклад меды куповали и сычивали на врочистые свята тоест ко дню свтого дха и миколе свтому ку бжему нароженю и свечи восковые до церквей бжих завжды на тые свта давали,

А оны мед розсычоны братством своимъ пивали, А потомъ якосе оное братство их розмножало, Тогды они особны дом братски втом месте виленском справили, и хотечи ег добре а слушне вести и розмножати некоторые артыкулы тому братетву их потребные зложили и выписали, которым се обычаем мает кожды, хтоколвек бы до оного братства их пришол радити и справовати, и чим теж винный за выступы свои мают караны быти, Которыеж артыкулы выписаные у дому братском они ховают и подле них се справуют, и того братства своего от осмидесят лет свободне и доброволне аж до тог часу уживаючи А врады дховные, и свецкие, и войтъ бурмистры и радцы места виленского того им николи незаборонили, и тепер неборонят, якож они выпис тых артыкулов под печатю братетвaих кушнерскаго переднами покладали, и били нам чолом, А быхмо тое братство их при моцы заховали и оные артыкулы што они собе зложили и выписали листом нашим им потверидили, Атак мы упыпис тых артыкулов братству их кушнерского огледавши казали их всем нашом листе выписати, которыеж таксе в собе мают, Наперве которого году брятя старшая и молодшая оного братства кушнерского собе старостами межи собою оберут, тым мают пнзи братские, и вес статок, и справы братские у моц подати, и поручити им спорадою братскою тым всим справовати, и шафовати, а так тым старостамъ годовым мают ключники установаны быти к послудзе братской, А старосты годовые мают всего добра оного братства спилностю досмотрети жебы ни вчом ему шкоды небыло. Але лепи бысе вовссм множило. А додержавши року справы своее зо всего того рахунок пред братею старшою и молодшою мают вчинити и личбу выдати, ч тому старосты годовые при беседах ихъ братских мают як сами так и през ключники свои пилне того смотрети, жебы вся братя в оно братство уписаные и гости приходячие упочтивости у дому братском седели, слов збытнихъ межи собою немовили, и на стол не взлегали и меду их братского нерозливали, однобы слушне а подлуг меры пили, А никоторыхъ шкод неделали, А пакли бысе хто упивши, и якие збытки почипал слова непочтивые мовил, Або на столъ узлегал, и пите розливал, тогды старосты таковаго мают первей словы карати, А если хто упорны будетъ. и от того се неповстянет таковоrо яко упорного виною братскою маютъ карать, чим братя

обложатъ, при том естлибы хто в дому их братском ростырькъ або зваду с кимъ учинил и кому на ког жал будет, таковы миет тогож часу реч жал свой старостамъ тамошнимъ обжаловат. А старосты жалобы его выслухавши мают на завтрешни ден отложит, а потом вся братя оного братства на завтрее се до дому братского зышедши, того дела судовным обычаем межи ними мают досмотрети, и правого перед судом братским обложити, А винного виною братскою карати, А жадному в таковых се речахъ до инших прав як духовныхъ так и свецкихъ, земского, и местског римское вери и грецкое от суда их неотзывати, Але кажды мает права достояти перед старостами и братею в том дому их братском где се оная звада або ростыркъ кому станет, бо таковыхъ речей передтым жадные врады духовные и свецкие николи несуживали, кромя завжды в дому их братском справовано и сужоно то бывает, теж естлибы хто в дому их братском старосту зганил Або зсоромотил, тогды того мают виною братскою карати, А хтобы тежъ ключника тамошнего зсоромотил, албо вдарил, и таковы маетъ за то виною братскою каранъ быти, Так теж если будет ключник которог коли братства старосты непослушон всыченю и зливаню и спущаню медов на братство часов врочистых сычоных и на кажды час коли братство их бываетъ, тогды первей за то словы каран быти мает, А естли втом недбалы будет, маетъ потом братскою виною быти каран, за тым естли бы староста в том братстве перед братею которы выступ учинилъ, Тогды братя старшая и молодшая словы мают его карати, А паклибы вины годен был мают его виною братскою карати, теж которые бы люди духовные якого колвек стану римское веры и кгрецкое будучи вписаные втое их братство хотябы теж не вписаные до оного братства их приходили прошоные от кого на свою учту, Або се хто на ден вкупит хотечи меду их братского напити, и беседу збратею мети, и придалобы се ему ским втом их братстве ростыркъ албо зваду почати, тогды о тыхъ делех таковые дховные люди яко римское вери до князя бискупа а грецкое до митрополита и до врадников ихъ як вписаные так и невписаные вбратство немают се от судов их отзывати, Ани жадное помочи з ударовъ своих, на то собе брати одно мусит у том братстве кождому права достояти, кром судку ихъ братского послушон быти, далей если бы которы шлях-

тич, Або дврании, и инши обчи члкъ невписаны до того братства их пришолъ хотечи братскую беседу межи ними мети, и на ден ку трунку их братскому се вкупити, Або откого на чест будет прошон таковы не мает местцем узгоржати, Але гдесе придаст там маеть седети, А старосты знаючи кождого по стану местце им давати мают, А збронями жадными до светлицы братское нихто немает ходити, ани слуги за паномъ своимъ одно тые маютъ у светлицы братской без брони седети, которыеся у мед их братски укупять, Теж естли бы которы брат ихъ уписъны хотел с того братства их у иншое братство пойти тогды се мает старостамъ и брати оповедати, и выпис з реестру их узяти, А пакли будетъ у реестре братства их именем описанъ стояти, А индей братство будет полнити, тэковаго ани собе за брата мети немають и по смерти его тых потреб што на погреб тела прислухают збратства своего немают давати, При том естлибы которы члвкъ у братство их уписны змер тогды мают они на погребы его оксамит и свечи братские давати и сами тело его провадити за тым они установыли иж которые колвек гости дому их братского придут, хотечи межи братею беседу мети, тогды жаден з нихъ немает никоторыхъ збытних, Ани потребныхъ речей там мовити, Ани в которых своих потребах розмовляти одно учтиве мает седети, и старостам послушенство мети, А бурмистры и радцы места виленского римские и кгрецкое стороны немают никоторыхъ людей у братство их уписаныхъ до своихъ братствъ на послугу собе брати, и братству их ущипку и переказы тымъ чинити, бо кожное братство особныхъ слуг з своего братста обираеть, и для послугъ своих ховает про то кгдыж тое братство ихъ кушнерское от давных часов вместе виленском уфундовало и разиножило, и теперь они его доброволье уживают, и водле тых артыкулов вышей мененыхъ завждысе радят, и справают, А врад местски и того имъ при бытности нашой в тамошнем панстве великом князсте литовском николи неборонил, А нисе вто вступовал. Мы з ласки ншое на чоломъ бите их то учинили, На то дали имъ сес наш лист нехай они того братства кушнерског свободне и доброволье уживают подле давнаго обычаю, нижли без шкоды нашое и без нарушеня прав и волности враду нашого места виленского, А на твердость того и печат нашу казали есмо привесити ксему ншому листу, Писан

ч: кракове, -под лет божего нароженя тысеча пятсот тридцат осмого року мца декабра тридцат первого дня индикта второгонадцат, подпис руки гдра короля его млсти Жикгимонта. Михайло писар державца кормяловски и стоклишски з ласки ншое гдрское, и на чолом бите оных подданных наших мещан виленскихъ братъства кушнерского то есмо учинили, тот привилей Короля Его млсти пана отца нашого в сем листе выображоный во всихъ речахъ, и артыкрлах внемъ описаныхъ вмоцы зоставуючи потвержаем им сим нашим листом нехай они на вси потомъные часы, того братства своего кушнерского, свободне и доброволне уживают, подле давного обычаю, во всем потому яко втомъ привилию Короля его млсти поменено и описано, нижли без шкоды нашое и без нарушеня прав, и волностей враду места ншого виленского, А на твердость того, и печат ншу казали есмо привесити и сему нашому листу. Писан у вилни, Лета божего нароженя тысеча пятсот шестдесят первого, мца Августа пятог дня, А так мы гдръ з ласки ншое гдрское, казали есмо втом месте ншомъ свободы и волности натое братство кушнерское от нас гдра наданые меновите описити и доложити тыми словы, НАПЕРВЕЙ иж в том братстве кущнерском подлуг звыклости застановенья ихъ всее братьи, за свой властны накладъ меды купуючи мають они сычити на врочистые свята крот до року, тоест ко дню светаго дха, ку панне марии, и покрову, и миколе свтому, ку божему нароженью, и великодню, и тот медъ сходитисе у кожъдое свято верху помененые по три дни братством пюти почому старосты роковые на тот час установят, и естлибы за тые три дни оного меду ку которомуж колвек святу розсычоного невыпили, тогды остаток того меду, и по тых трех днехъ волно им з дому братског за пнзи выдати, а за то Капъщизъны што от коръчомъ посполитых в рокъ по копе грошей бываеть давано, и померного от медницъ, никоторого чопового не повинни давати николи, кгдыж они стого дому братского свечи до церквей бжих в кождый рок вставичне дают, так тежъ шпитали тепломъ и людей внем мешкаючих убогихъ вшелякого стану выживеньем опатрують, ку тому ижъ втомъ дому ихъ братъскомъ вшеляки гость господою такъ при бытности нашой гдрской, яко и в не бытности нашой стояли немаютъ, ани з ураду в вом дому ихъ братскомъ, никому господа немаетъ быти дава-

на, Аии записована, якож на чоломъ битье оныхъ подданыхъ нтшихъ мещанъ виленскихъ братства Кушнеръского то есмо учинили, тые привилие королей их млсти продков нших в семъ листе выображоные во всих речах и артикулахъ в немъ описаныхъ, и то што есмо особливе в семъ привилею нашом з ласки нашое, бачечи их быти немалые наклады, придали якосе звыш в том потверженю нашом меновите описано в моцы зоставуючи потвержаемо сим нашим листом, нехай они во всемъ потому яко въ томъ листе нашом помянено и описано, на вси потомные часы того братства своего кушнерского свободне и добровольне уживають, На што дали есмо имъ сес наш листъ сподписомъ руки нашое гдрское, А на твердость до того печать нашу казали есмо привесити к сему нашему листу, Писан у вилни, Лета божего нароженья, тисеча пятьсотъ осмъдесятъ второго мца февраля двадъцать четвертого дня, у того листу печать Великого Князства литовского привесистая и подпис руки его королевъское милости, тыми словы Stephanus Rex, и подписъ руки писеръское Левъ Сапега писаръ, которы привилей продка нашого в весь ншъ листъ вписаны видечи мы слушны и ни в чом не нарушоны, во всихъ пунктехъ и артыкулех при моцы оставуемъ, и симъ листомъ ншим на вечность стверждаемъ, а ижъ тежъ доносили до насъ прозбы свои звышъ менованые подданые наши братства кушнерского в тыхъ речахъ нижей описаныхъ то естъ ижъ штожъ в привилию продка нашого Короля Его млсти Стефана описано естъ, около выданя меду, чоге бы по котором святе невыпили за три дни, А зосталобысе штоколвек, тогды волно то им ест выдати за пнзи кром вшелякое переказы, А ведже иж в томъ артыкуле з стороны чопового ниякое зменки небыло тогды показали нам декрет продка нашого Короля Его млсти стефана, которым их водлугъ давного звычаю заховуючи от даваня чопового, так яко иншие братства места виленского, волным их учинити рачил.— Про то мы гдръ за чоломъ битем их во длуг давного звычаю, и декрету продка нашог заховуюч от даваня того чопового волными чиним, А иж теж сут межи ними некоторые непослушные вбратстве, тогды они на таковых вси сполне межи собою застановили, еслибы хто з брати уписное для якоеколвек потребы будучим обосланым очевисто от старост рочных до братства не прибыл, повинен будет таковы вины дат в братстве

фунт воску за кожды раз выступу своего, которы воскъ оборочан будет до церкви на свечи. И на то есмо помененымъ подданымъ нашимъ мещаномъ виленским братства кушнерского людем закону греческого, дали сес наш лист с подписом руки ншое гдрское, до которого на твердост, и печат ншу привесити есмо казали. Писан у варшаве на сойме валном, Лета божего нароженя тысеча пятсот девятдесятого мца Апреля чотырнадцотог дня, у того привилию пачат привесистая великого Князства литовского, и подпис руки Его Кор милости тыми словы Sigismundus Rex, и подписъ руки писара Его Кор млсти тыми словы, ярош воловичъ писар. А по вписанью до книг меских радецких виленских, тот привилей самъ ориинал братству преречоному Кушнерскому ест отдан. Випис с книгъ шляхетныхъ пановъ бурмистровъ и радец места виленского.

(Подлин Печать притиснута отпадшая).

2.

Выпись изъ книгъ земскихъ виленскихъ; съ прописаніемъ грамоты Сигизмунда II, 1538 года, данной братству кушнерскому виленскому.

Выпис скнигъ земских воеводства виленьског.

Лета от нароженьа Сына божог тисеча шестьсот девятого мца генъвара двадцат четвертого дня.

На рокох судовых земъских на завтрее По трехъ кролях римъскомъ святе Припалыхъ и судовне у вилни отправованых переднами врадниками судовыми земскими воеводства виленьского Яном остикомъ судею Жикгимонътомъ кгедройтем подсудъком А яном колендою Писаромъ Постановившысе очевисто землянин гдръски Повету Берестейского Пан янъ Лебедевъски именем всего братства Кушнерского виленского Оповедал и покладалъ Лист привилей светое памети Его Королевъское Млсти Жикгимонта першого братству кушнерскому виленскому На волности их наданы которы тотъ лист его корвское млсти Перед нами Положивщы и до ведомости нашой донесщи просил абы до

книг земских виленских Актыкованъ и вписанъ былъ которог листу мы врадъ огледавшы и тотъ привилей зъ пристойною учтивостью Принявши велели есмо его до книгъ въписати которы уписуючи слово от слова таксе всобе мает. Жикгимонътъ Божъю млтью корол Полски велики князь литовски руски пруски Жимоитски Мазовецки и иныхъ. ЧИНИМЪ знаменито симъ нашимъ листомъ хтобы на него посмотрить або чтути его услышит нынешним и потомъ будучимъ, кому будет того потреба того ведати были намъ чоломъ подданые наши мѣщане места виленского всего братства кушнерского о томъ иж перед тымъ некоторые кушнеры Виленские наймя клим якубъ зъинших людей помочю зволили и встановили собе братство свое кушнерское втомъ месте виленскомъ мети, и за свой властны наклад меды куповали и сычивали на врочистые свята Тоест ко дню светого дха. А ку светому николе и ку божему нароженю и свечи восковые до церквей божих завжды на тые свята давали А оны медъ розсычоны братством своимъ пивали А потомъ якъся оное братство их розмножило, тогды они особны домъ братски втомъ месте виленском справили и хотечы его добре а слушне вести и размножити некоторые артыкулы тому братству их потребные зложили и выписали которымъся обычаемъ мает кожды хтобы кольве до оного братства их пришолъ радити исправовати, Ичим тежъ винны за выступы свое мают караны быти которыежъ артыкулы выписаные у дому братском они ховают и подленихся справуют, и того братства своего от осмидесятъ лет свободне и доброволне аж до того часу вжывают, Аврады духовные и светские и войтъ бурмистры и радцы места виленского того им николи неборонили и тепер неборонят, якож они выпис тыхъ артыкуловъ под печатю братства их кушнерского переднами покладали, и били нам чолом обыхмы тое тое братства их при моцы заховали и оные артыкулы што они собе зъложили и выписали листом нашим им потвердили А так мы выпису тых артыкуловъ братства ихъ кушнерского огледавшы казали их всем нашом листе выписати которыежъ такся всобе мают, Напервей: которого году братя старшая и молодшая оного братства кушнерского кого собе старостами межи собою оберут, тым маютъ инзи братские и вес статок исправы братские у моц подати и поручити и спорадою братскою тым всим справовати и шафовати, а ктымъ старостам годовым

мают ключники уставливаны быти к послузе братской А старосты годовые маютъ всего добра оного братства спилностью досмотрети жебыниввчом шкоды ему небыло А лепей бысе во всемъ множило а додержавшы року справы своее со всего того рахунокъ перед братею старшою и молодшою мают вчинити и личбу выдати, ктому старостове годовые при беседах их братских мают якъ сами такъ и через ключники свое пилне тог смотрети жебы вся братя новое братство уписные игости приходячие у почтивости вдому братском седели. Словъ збытнихъ межы собою немовили Настол невзлегали и меду ихъ братского не розливали, однобы слушне а подлуг меры пили, и никоторых шкод неделали, а паклибысе хто упившы якие збытки почина̂л слова непочтивыэ мовилъ або на столъ узлегал и пите розливал, тогды старосты такового мают перве словы скарати, а если хто упорны и от тогося неповъстягнет такового яко упорного виною братскою мають карати чим братя обложат Притомъ еслибы хто вдому их братском ростырку або зваду ским учинил и кому на кого жал будет, таковы мает того часу реч а жал свой старостам тамошнимъ обжаловать А старосты жалобы его выслухавъшы мают на завтрешни день отложити, а потомъ вся браця оного братства, на завтреесся до дому братского сшедшы того дела судовым обычаем, межы ними мает досмотрети и правого перед судомъ братским обложити, а винного виною братскою карати, А жадному втаковыхся речах до иншихъ правъ яко духовных такъ и светских земсково и местского римское веры кгрецкое от суда их неозывати Але кожъды мает права достояти передъ старостами и братею втомъ дому ихъ братскомъ где се оная звада або ростырок кому станет бо таковых речей перед тымъ жадные врады духовъные и светские николи несуживали кроме завжды в дому их братском справовано и сужоно то бывает.......... еслибы хто вдому ихъ братскомъ старосту зганил альбо соромотил тогды того мают виною братскою карати А хтобы тежъ ключъника тамошнего зъсоромотилъ або вдарилъ и таковы мает за то виною братскою каранъ быти также если будет ключникъ которогколи братства старосты непослушонъ въсыченю изливаню и спущаню медо̂въ на братство часовъ врочистыхъ сычоныхъ и на кажды часъ коли братство их бывает тогды первей словы маетъ за то скаранъ быти а если втомъ недъбалы будетъ мает потомъ брат-

скою виною каран быти за тым еслибы староста втом братстве перед братею которы выступокъ учинилъ тогды братя старшая и молодшая словы маютъ его карати а паклибы вины годенъ был маюмь его виною братъскою карати, тежъ которые бы люде духовные якоготоколвекъ стану римское веры и кгрецъкое будучи вписаны втое их братство А хотя бы тежъ и не вписны до оного братства ихъ приходили прошоныи от кого на свою учъту альбо хтося надень вкупить хотечи меду ихъ братскего напитисе и беседу зъ братею мети и придалолбы се ему ским втомъ ихъ братское ростыркъ або зваду почати, тогды отыхъ делехъ таковые духовные люди якъ римское веры до кнзя бискупа А грецъкое до митрополита и до врадниковъ их, яко вписанные такъ и невписаные вбратство.... судовъ их отзывати ани жадное помочы зурадовъ своих на то собе брати одно мусять утомъ братсве кождому права достояти и розъсудку их братского послушон быти, далей еслибы которы шляхтичъ або дворанинъ И иншы обчы чоловекъ не вписны до того братства их пришол хотечи братскую беседу межы ними мети и наден ктрунку их братскомуся вкупити або откого на чест будет прошон, таковы немаетъ местцом узгоржати Але гдеся придасть там мает седети А старосты зънаючи кождого по стану местца им давати мают а здронями жадными до светлицы братское нихто не мает съходити ани слуга за Паном своим одно тые мают у светлицы братскои без брони седети которыесе у мед ихъ братски укупят тежъ еслибы которы брат их уписны хотел стого братства ихъ у высшое братство пойти тогдыся мает старостамъ и братьи оповедати и выпис зрейстровъ их взяти а пакли будет у рейстре братства их именем описан стояти, а индей братство будет полнити таковогo забрата не мают они собе мет и по смерти его тых потребъ што на погребъ тела прислухають збратства своег немают давати, При томъ еслибы которы чоловекъ в братство их уписны змер тогды мають на погребъ ег оксамит и свечи братские цати и сами тело его проводити, затым они установили, иж которыеколвекъ гости до дому ихъ братского прийдут хотечи межы братьею беседу мети тогды жаден зних немает никоторых збытнихъ а не потребныхъ речей тамъ мовити ани о которыхъ своих потребах розмовляли одно учътиве мает седети и старостам послушенство мети, А бурмистры и радцы места виленьского римское и грецкое сто–

роны немають пикоторых людей у братство их у писныхъ до своих братствъ на послугу собе брати, и братству их ущипку и пересказы тымъ чинити бо кождое братство особныхъ слугъ зъ своего братства обираеть и для послугъ своих ховает, прото кгдыж тое бравство ихъ кушнерское от давъныхъ часовъ вместе виленскомъ уфунъдовало и размножило, и теперъ они его доброволне уживають, и подле тыхъ артыкуловъ вышъ мененыхъ завзжды се радять и справують, А врад местки того имъ при бытности нашой втамошнем Панстве великомъ князстве Литовъскомъ николи неборонилъ Аписе вто уступовалъ, Изъ ласки НАШОЕ на чоломъбите их то учинили. Нато дали им сес нашъ листъ нехай они того братства своего кушнерского свободне и доброволне вживают подле давного обычаю нижли без шкоды нашое и без наруженя правъ и волностей враду места нашого виленского, А на твердость того и пэчат нашу казали есмо привесити ксему нашому листу. Писанъ у кракове под леты Божого нароженя тисеча пятсотъ тридцат осмого року Мсца декабра тридцат первого дня индикта второгонадцат. У того привилею печат привесистая великого князства литовъского и подъпис руки его крлвское млсти тыми словы: SIGISMUNDUS REX А подписъ руки писара его крлвское млсти тыми словы: Михаило писар державца кормяловъски...... которы тотъ привилей его королевъское млсти за потребованемъ естъ до книгъ земъскихъ виленскихъ вписань... скоторых и сес выпис братству.. .... врадовыми печатми и с подписом руки мене яна коленъды Писара Земского виленъского естъ выданъ писанъ у вильни.—(подписалъ) Янъ Коленда земски виленски писар. *(Подлин. притиснуты двѣ печати гербовыя.)*

№ 18-й.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ УНІИ.

3.

Вводный листъ дворянина Буйвила, коимъ удостовѣряетъ о передачѣ, по повелѣнію короля, виленскаго св. Троицкаго православнаго монастыря, со всѣми имѣніями къ нему принадлежащими, уніятскому архимандриту Іосифу Вельямину-Рутскому, и о возраженіи и несогласіи на это радцевъ и мѣщанъ виленскихъ греческаго закона. 1609 г.

ІАнъ Буйвилъ дворянинъ его Королевъское млсти ознаймую тымъ моим увящым листом иж штоого Королевъская млть Панъ нашъ млтивый зласки своей дат и привилеемъ своим утверъдить рачылъ церъковъ светое тройцы з манастыромъ вместе виленьскомъ сфольварками з людми зъ кгрунътами и зовсими до нее принадлежностями велебному его млти отцу Иосифу велямину Рутъскому Ермонаху тогожъ Манастыра утверъдивъшы его за Аръхиманъдрыта преложоного втой церъкви и вманастыре позложеню стогожъ архиманъдрицътва отъца Семойла Сенъчыла за выступъки его через велебного в бозе его млть отца Ипатея Потея митрополита киевъского галицъкого и всея руси владыки володимеръского и берестейского А иж его Королевъская млть листомъ своимъ отворонымъ мне нанижшому слузе своему росказат рачылъ абымъ я тую церковъ светое тройцы з манастыромъ вместе виленьскомъ и сфолъварками и селами до нее належачыми его млти отцу иосифу велямину рутъскому поданъ ино я чынечы досит воли и росказаню его королевъское млти пана нашого млитвого в року теперешнем тисеча шестсотъ девятомъ Мца Марца семого дня маючы при собе возного повету виленского размуса кимбара шляхтичовъ чотырох меновите пана войтеха мокрицъкого пана матея ждановича новицъкого ч пана марътина видиского приехавъши до манастыра светое тройцы о године осмой на ползекгару перед полуднемъ а знашодши в томъ манастыре законниковъ того монастыра ознаймилъ есми волю его Королевъское млти пна ншого млтивого иж имъ за архиманъдрыта преложоного до того монастыра

и церкви подат рачылъ его млть отца иосифа велямина рутъского якожемъ привилей его Кор млсти и лист до мене писаны перед ними прочыталъ которые законъники прынявъшы з учтивостю волю и росказане его кор млсти тот манастыр и церковъ его млсти отъцу иосифу велямину поступили якожъ я Янъ Буйвилъ зраменя его кор млсти пана нашого млтивого тотъ манастыръ и церковъ такъже фолварки села зо всими пожитками до того манастыра належачыми в моцъ во владзу и у спокойное ужыване водлугъ привилею его королевское млсти пана нашого млтиваго его млсти отцу иосифу рутъскому подалъ есми покоторомъ поданю и отправеню набоженъства кгды з церъкви зъ его млстю отцомъ рутъскимъ и зинъшыми законниками вышол знашли есмо, перед церквою светое тройцы на цвинътару мещанъ радецъ места его Королевъское млсти виленьского тоестъ меновите пана ивана тупеку райцу пана ивана яцкевича писара петра копътя, филипа сенъчыловича прокопа королькович карътпа рыбника костенътина москала дънеса костюшковича и иншых много посполъства которые до мене мовили иж естесмо до тебе послани от пановъ бурмистровъ радецъ з ратуша релии греческое абы подаване тое церкви такъже и добръ до нее належачыхъ его млсти отъцу иосифу рутъскому боронили кгдыжъ дей перъшое право на подаване того манастыра и церкви от их млсти королей полскихъ и великихъ кнзей литовских маемо ямъ особомъ звышъ менованымъ респонсъ учынилъ иж при поданю тое церъкви и манастыра нихто не боронилъ прото я ужо есми тотъ манастыръ и зо всими добрами до неи належачыми его млсти отъцу иосифу рутъскому Архиманъдриту тое церъкви подалъ и вжо тутъ жадное владзы не маю а потомъ за ужытем его млсти отца рутъского и иныхъ законниковъ зосталъ есми на обедъ съ тым веръху помененым вознымъ такъже и звышъ описаною шляхтою а втомъ дано ми знак до манастыра иж знову громада людей радецъ и посполства места виленскаго перед церковъ светое тройцы згромажают а хотечы ведат вышол есми зманастыра стымже вознымъ и шляхътою вышей помененою што за прычына згромаженя их там знашлихмо мещанъ тыхъже особъ звышъ менованых и при них возныхъ трохъ пна езофа янъковскаго пна яна кельбора и Пана станмслава томъковича которые мещане кгдымъ пыталъ поштосе тутъ на цвинътаръ

згромадили поведил иж якосми перъвей по выстью вашомъ . . . . втую церковъ . . . . такъ и теперъ пры возныхъ и стороне бороним и не постапуем кгдыж намъ жадного обвещеня не дано и о выезде твоим неведали есмо я тыеж слова поведилъ жем вжо водлугъ воли и росказаня его королевъское млсти пна нашого млстивого манастыръ и церъковъ и вси инъшые добра до нее належачые водлугъ привилею его королевъское млсти, его млти отъцу рутъскому подалъ и вжо жадное владзы немаю толкомъ тут на обедъ за ужытемъ отцовъ законников зостал я отцове законъники которые сомъною з манастыра вышли поведили иж дей есмо перъвей сего привилей его кор млсти на ратушу перед . . . . оказовали и былъ чытаны прото вжо жадного обвещеня не потреба было а кгдым потомъ зманастыра о године дванадцатой выеждааъ знашолъ есми перед вороты туюж громеду людей и стымижъ возными и приних посполъства немало которые показавъшы передомъною привилей его королевъское млсти менечы не подаване того манастыра и церъкви тожъ повтарали што и перъвей иж бороним и непоступуемъ тое церъкви и манастыра такъже и добръ до них належачых ямъ поведилъ ижъ мне впривилее вгледать и розсужывать не належыть кгдыжемъ вжо тот манастыръ и церъковъ такъже и добра вшелякие водлуг воли и росказаня его королевъское млсти пана нашого млстивого его млти отъцу рутъскому подалъ и стымъ отеждаю а ваша млсть если право якое маете поступуйте собе водлугъ права и на томъ дал сес мой лист увящый его млсти отъцу иосифу рутъскому архиманъдрыту церкви и манастыра светое тройцы под печатю моею и сподписомъ руки своей и подпечатми и спод . . . . . . возного и шляхгы вышъ описаное. Писан у вилни . . . . сына божого АХ девятого Мца Маръца семого дня.—Maciey Zdanowicz Nowiczki ręką mą własną..... Janowicz Kimbar wozny ręką swą Marcin.....ski ręką włosną. Marczin Wołk ręką swą własną. Woyczyech Mokrecky ręką swą.

(Подлин. притиснуты пять печатей гербовыхъ).

II.

ПОЛЬСКОЕ ПЛЕМЯ ВЪ СРЕДѢ НАРОДА СЛАВЯНСКАГО *).

Для успокоенія умовъ въ Царствѣ Польскомъ, столь необходимаго при водвореніи тамъ общественной безопасности, полезно было бы взглянуть на исторію и показать настоящее положеніе польскаго племени въ средѣ другихъ племенъ славянскихъ.

Племя польское и въ древности малочисленное, по соединеніи онаго съ Русью литовскою и другими сосѣдними странами, образовало въ XVI столѣтіи государство могущественное, въ которомъ поляки составляли только малую часть населенія. Нарушеніе условій, поставленныхъ въ основаніе соединенія съ Польшею Руси литовской, жестокія гоненія на вѣру православную и угнетенія русскаго народа были существенными причинами постепеннаго отпаденія отъ Польши русскихъ земель, начавшагося съ 1654 г. и окончившагося въ исходѣ XVIII столѣтія. Прочія части польской державы, по неустройству въ ней правленія, нарушенію безопасности сосѣднихъ государствъ, и по другимъ обстоятельствамъ, были отъ Польши отторгнуты и поступили въ надѣлъ державъ германскихъ, которыя съ того

[1]) Припоминаемъ читателямъ, что почтенный авторъ этой статьи, управлявшій внутренними дѣлами Царства Польскаго, имѣетъ особенное право подать свой голосъ касательно этого края, и предлагать мѣры, которыя онъ находитъ удобоисполнимыми. Ред.

времени неослабно дѣйствовали къ уничтоженію въ сихъ областяхъ польской народности. Такимъ образомъ едва ли не ³/₄ польскаго племени обращены уже въ нѣмцевъ; остальная часть поляковъ, спасшихся отъ германизаціи, нашла себѣ пріютъ въ необширныхъ областяхъ, присоединенныхъ къ Россіи трактатомъ 1815 г., подъ наименованіемъ Царства Польскаго, которое поляки называютъ конгресовкою; но даже и въ этой небольшой странѣ польское племя далеко не составляетъ всего населенія. Разсѣяннымъ и раздробленнымъ такимъ образомъ полякамъ надлежало бы убѣдиться въ томъ, что за невозможностію воскресить независимое польское государство, они должны искать утвержденія своей безопасности и своего благосостоянія тѣми правительствами, коихъ попеченію они ввѣрены Провидѣніемъ, и потому сдѣлаться честными гражданами тѣхъ государствъ, въ составѣ коихъ они нынѣ находятся, отринувъ тѣ мечтанія, которыя возбуждаются въ нихъ врагами ихъ блага и спокойствія. Многіе изъ нихъ, не понимая своего положенія, со времени устройства Царства Польскаго питали преступные замыслы осуществить путемъ мятежа безсмысленную мечту свою о возстановленіи независимой Польши въ предѣлахъ 1772 г., т. е. съ отторженіемъ отъ Россіи 10 милл. руского народа, подчиненіемъ его ненавистному для него игу польскому и присоединеніемъ другихъ бывшихъ польскихъ земель, нынѣ уже почти онѣмеченныхъ. Для осуществленія такой невыполнимой мечты пролито не мало крови и порождены великія для того края бѣдствія.

Возбужденное этими мечтателями возстаніе усмирено успѣшнымъ дѣйствіемъ нашихъ войскъ и благоразумными распоряженіями нынѣшняго въ Царствѣ Польскомъ намѣстника. Поелику быстрое распространеніе тамъ мятежа и почти общее къ нему сочувствіе польской шляхты и содѣйствіе этому безсмысленному предпріятію произошли наиболѣе отъ ложныхъ понятій тамъ распространившихся, то надлежало бы, дѣйствуя неослабно къ пораженію тѣхъ предразсудковъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обдумать средства благонадежнаго обезпеченія въ семъ краѣ общественной безопасности на будущее время, такимъ образомъ, чтобы самыя попытки къ возстанію были впредь невозможны. Для изысканія этихъ средствъ, должно принять въ соображеніе слѣдующія обстоятельства:

1. Главнымъ и необходимымъ средствомъ къ прочному утвержденію общественной безопасности должно быть образованіе преданныхъ правительству дѣятелей. За 10 лѣтъ предъ симъ въ Царствѣ Польскомъ находилось не только нѣкоторое число вполнѣ благонадежныхъ русскихъ чиновниковъ, но и между туземцами, на службѣ состоявшими, было не мало людей благонамѣренныхъ, и въ смыслѣ правительства дѣйствовавшихъ. Тогда попытки къ возстанію были невозможны. Съ усиленіемъ по кончинѣ фельдмаршала вліянія революціонной партіи, введено въ составъ служебныхъ лицъ не малое число революціонеровъ. Съ назначеніемъ маркиза Велепольскаго главнымъ начальникомъ гражданскаго управленія въ Царствѣ, удалены имъ были изъ службы не только всѣ русскіе чиновники, но и изъ туземцевъ оставлены на службѣ только тѣ, коихъ образъ мыслей соотвѣтствовалъ видамъ и намѣреніямъ маркиза Велепольскаго. По изысканіямъ, произведеннымъ въ послѣднее время слѣдственными и военно-судными коммиссіями, оказывается, что большая часть польскихъ чиновниковъ, даже и на высокія мѣста поставленныхъ, питали не только сочувствіе къ мятежу, но оказывали преступное оному потворство и даже содѣйствіе. Они не препятствовали убійствамъ и злодѣйствамъ, которыя совершались жандармами-вѣшателями, а иногда даже способствовали онымъ.

Потому для водворенія прочнаго въ томъ краѣ спокойствія, надлежитъ безотлагательно поставить не только на всѣ высшія мѣста, но и на всѣ подчиненныя, сколько нибудь значительныя должности, благонадежныхъ русскихъ чиновниковъ, допуская на службу лишь малое число поляковъ, и то съ большою осторожностію. Соблюденіе этого правила будетъ необходимо до того времени, пока такъ называемая *интеллигенція*, то есть высшіе слои общества хорошо направленнымъ воспитаніемъ и другими благоразумными мѣрами не измѣнятъ своихъ убѣжденій и не сдѣлаются истинными и вѣрными сынами настоящаго своего великаго отечества.

2. Посредствомъ воспитанія юношества возможно, сказалъ знаменитый философъ [1]), въ короткое время преобразовать цѣлый народъ, воспитать полезныхъ и вѣрныхъ правительству

---

[1]) Лейбницъ.

гражданъ, или дѣйствуя въ противномъ смыслѣ, образовать мятежниковъ и приготовить революцію. Къ несчастію, воспитаніе юношества въ Царствѣ Польскомъ, въ теченіи немалаго времени, находилось въ рукахъ людей неблагонамѣренныхъ. Опытъ показалъ, что почти всѣ взрослые юноши, въ рукахъ такихъ воспитателей образованные, пошли *до лясу*; вѣрною законному правительству осталась та только часть народа, которая не обучалась въ польскихъ школахъ. Польскіе воспитатели передаютъ юношамъ самыя ложныя понятія объ исторіи и положеніи Польши и напитываютъ умы ихъ революціонными мечтаніями. Какую бы польскій преподаватель не объяснялъ науку, онъ не упуститъ случая представить воспитанникамъ древнюю Польшу государствомъ сильнымъ, свободнымъ и счастливымъ. Паденіе и раздѣленіе ея приписываетъ онъ070 козням сосѣднихъ державъ, изображая оное какъ политическое преступленіе, и убѣждаетъ юношей, что ниспроверженіе существующаго порядка и возстановленіе самостоятельной могущественной Польши есть священный долгъ всякаго вѣрнаго сына отчизны. Такими внушеніями польскіе воспитатели такъ воспламеняли умы воспитанниковъ, что юноши убѣгали въ банды, и приступая къ предпріятію самому безсмысленному, не обѣщающему никакого успѣха, преступному предъ закономъ и совѣстію,—дѣйствуютъ съ самоотверженіемъ, полагая, что, участвуя въ убійствахъ и злодѣяніяхъ, совершаютъ великое дѣло, приносятъ достояніе и жизнь свою въ жертву отечеству. Съ особеннымъ искусствомъ воспитатели возводятъ разныя клеветы на законное правительство и возжигаютъ ненависть къ своему государю, къ русскому народу и всему русскому. Такъ образованы почти всѣ польскія училища, но Главная Школа въ этомъ отношеніи есть верхъ совершенства. Она доставила революціи самыхъ ярыхъ сподвижниковъ; нѣкоторые изъ нихъ начальствовали бандами и ознаменовали себя лютыми жестокостями. Такія дѣйствія сихъ школъ сдѣлались извѣстными еще въ прошломъ лѣтѣ. Желательно знать, сколько эти фабрики революціонизма въ теченіи истекшей зимы развратили юношей, и сколько приготовили повстанцевъ? Послѣ всего, что совершилось въ послѣднее время въ Царствѣ Польскомъ и что вновь открывается поставленными тамъ русскими властями, оставлять воспитаніе юношества въ рукахъ польскихъ наставниковъ и преподавателей было бы, ду-

маю я, дѣломъ опаснымъ, ибо въ такомъ положеніи зло возрастало бы болѣе и болѣе.

Для водворенія въ польскомъ краѣ спокойствія болѣе всего необходимо хорошо направленное образованіе юношества и потому надлежало бы немедленно упразднить существующія нынѣ, подъ наименованіемъ училищъ, фабрики революціонизма и открыть другія учебныя заведенія, поставивъ въ нихъ такихъ наставниковъ и преподавателей, которые бы, относительно польскаго вопроса, открывали воспитанникамъ сущую истину, поражали существующіе предразсудки и развивали правильныя убѣжденія. Такихъ дѣятелей между польскими воспитателями найдти едва ли возможно, по крайней мѣрѣ очень трудно: ихъ весьма немного. По такимъ уваженіямъ, является совершенная необходимость замѣнить почти всѣхъ польскихъ наставниковъ и преподавателей русскими воспитателями [1]); замедленіе въ исполненіи такихъ мѣръ, или употребленіе какихъ-либо средствъ менѣе энергическихъ могло бы имѣть пагубныя послѣдствія; нужно будетъ держать порядокъ мѣрами строгости и силою оружія; будутъ, какъ и прежде, возникать преступныя попытки.

3. Для прочнаго утвержденія спокойствія въ Царствѣ Польскомъ, необходимо дѣйствовать къ сліянію его жителей съ обитателями другихъ частей государства въ одинъ народъ нераздѣльный. Единство языка составляетъ самую сильную связь, соединяющую народы, а потому распространеніе въ семъ краѣ общеславянскаго языка, есть предметъ большой важности. Рѣчь русская и рѣчь польская имѣютъ между собою малое различіе. Это двѣ отрасли одного языка славянскаго. Изученіе русскаго языка для поляка столь мало затруднительно, что молодой воспитанникъ, въ теченіи трехъ недѣль, научается читать и понимать русскую книгу. Не взирая на поставляемыя неблагонамѣренными людьми препятствія, русскій языкъ не мало распространенъ уже въ Царствѣ Польскомъ; его приносятъ туда великое число отставныхъ солдатъ, возвращающихся въ свои дома

---

[1]) По большому числу русскихъ преподавателей потребныхъ для училищъ Царства Польскаго и западныхъ областей Имперіи, нужно было бы учредить особый педагогическій институтъ въ Москвѣ, какъ мѣстѣ удаленномъ отъ польскихъ предразсудковъ.

по отставкѣ; квартирующія или передвигающіяся войска, помѣщаемыя въ домахъ обывателей, и русскіе люди, по разнымъ другимъ случаямъ въ Польшу прибывающіе. Изъ числа самихъ поляковъ люди торговые и промышленные, отправляющіеся по дѣламъ своимъ въ разные концы Имперіи и Царства, совершенно усвоиваютъ себѣ языкъ русскій. Двадцать пять лѣтъ тому назадъ, всѣ польскіе чиновники, по Высочайшему повелѣнію, обязаны были изучать русскій языкъ, для чего и учреждены были безплатные курсы. Отъ лицъ, поступающихъ на службу, какъ и отъ помѣщаемыхъ съ низшихъ на высшія должности положено было требовать знанія русскаго языка. Въ теченіи упомянутыхъ двадцати пяти лѣтъ достаточно было способовъ сдѣлать русскій языкъ общимъ для всѣхъ служащихъ лицъ.

Для дальнѣйшаго распространенія въ семъ краѣ русскаго языка, правительство наше не имѣетъ надобности приступать къ какимъ-либо мѣрамъ насильственнымъ. Никто изъ жителей Царства Польскаго не долженъ быть стѣсненъ въ употребленіи изустномъ, письменномъ и печатномъ своего мѣстнаго языка, который, какъ рѣчь родная, всякому туземцу драгоцѣненъ; каждому должно быть предоставлено право обращаться къ правительственнымъ властямъ съ просьбами своими, по его желанію, на языкѣ русскомъ или польскомъ, и на томъ же языкѣ получать отвѣты. Распространеніе русскаго языка должно совершаться преимущественно путемъ воспитанія и употребленія онаго въ училищахъ для преподаванія всѣхъ учебныхъ предметовъ. Преподаваніе польской словесности, собственно въ Царствѣ, можетъ быть допущено въ образованіи юношества, наблюдая при томъ однакожь большую осторожность, ибо литература польская дышетъ враждою ко всему русскому, и наполнена превратными и вредными для самихъ поляковъ понятіями. Для внутренняго дѣлопроизводства долженъ быть употребляемъ языкъ русскій, какъ языкъ правительственный. Объявляемыя правительствомъ народу распоряженія могли бы быть писаны или печатаны на русскомъ языкѣ, съ переводомъ, гдѣ нужно, на польскій языкъ.

Неблагоразумно было бы питать и поддерживать польскую народность, всегда враждебную Россіи и правительству. Впрочемъ языкъ польскій, употребляемый малочисленнымъ населеніемъ, не можетъ выдержать соперничества русскаго языка,

употребляемаго 60 милліонами жителей. Съ распространеніемъ и усовершенствованіемъ русской литературы, польскій языкъ умретъ естественною смертію, если не будетъ искусственно поддержанъ. Такъ исчезли всѣ провинціализмы въ могущественной Франціи, съ распространеніемъ общаго языка французскаго.

4. Всѣ вышепоказанныя обстоятельства, и до меня достаточно высказанныя, должны, кажется, быть довольно ясны для всякаго человѣка просвѣщеннаго и благомыслящаго. При всемъ томъ, нѣкоторые изъ нашихъ соотечественниковъ изъявляютъ мнѣніе о необходимости будто бы сохраненія въ такъ-называемой Конгресовкѣ польской національности. Изъ кого, спрашиваю я, было бы возможно составить такую націю, для которой полезна была бы отдѣльная польская національность?

Такая польская національность едва ли могла бы быть полезна для самыхъ жителей Царства Польскаго, ибо каждый изъ нихъ, выступая за предѣлы тѣсной Конгресовки, встрѣчаетъ надобность въ иномъ, а не въ польскомъ языкѣ; знаніе же русскаго языка облегчаетъ непрерывныя ихъ съ русскими людьми сношенія. Въ отношеніяхъ внутреннихъ, малороссы, бѣлоруссы, Литва и другія не польскія племена, составляющія, какъ извѣстно, вообще большую половину населенія этого края, почитаютъ и нынѣ господство польской народности для себя угнетеніемъ, лежащимъ на нихъ тяжкимъ бременемъ. Всѣ эти племена, какъ и поселяне вообще, желаютъ водворенія тамъ общеславянской, т. е. русской народности, долженствующей, къ немалой для нихъ пользѣ, прочно соединить ихъ съ тѣмъ великимъ союзомъ славянскимъ, въ составъ коего они введены волею Провидѣнія. Сохраненія польской народности желаетъ въ томъ краѣ одно шляхетское населеніе. Польское племя должно подвергнуться неминуемо той же участи, которой подпали другія слабыя племена, соединенныя въ одно могущественное государство съ другими, болѣе сильными народами, слившимися въ одинъ народъ нераздѣльный. Вся нынѣ могущественная Франція составлена изъ многихъ областей, имѣвшихъ нѣкогда каждая свою племенную особенность; нынѣ, посредствомъ общаго французскаго языка, она слилась въ одну общую народность и въ одно могущественное государство. Неужели тѣ племена были бы счастливѣе, если бы каждое изъ нихъ сохранило свою осо-

бенную національность и свое отдѣльное политическое существованіе? По всѣмъ такимъ уваженіямъ, благоразумные поляки должны усвоить себѣ мысль о необходимости осуществленія пророческаго изреченія знаменитаго Костюшки: «Finis Poloniae!»

Сергѣй Шиповъ.

Москва, 8-го апрѣля 1864 г.

ВИЛЕНСКІЙ СВЯТО-ТРОИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ.

Къ древнѣйшимъ памятникамъ православія въ Вильнѣ принадлежитъ Св. Троицкій монастырь, основанный въ половинѣ XIV ст. супругою великаго князя Ольгерда, Іуліаніею, княжною тверскою, на томъ мѣстѣ, гдѣ пострадали за вѣру св. виленскіе мученики Антоній, Іоаннъ и Евстафій въ 1347 г.

Церковь и монастырь первоначально были деревянные; но въ 1514 г. извѣстный ревнитель православія, князь Константинъ Ивановичъ Острожскій, воздвигнулъ на мѣсто ихъ каменные.

Около 1458 года образовались въ Вильнѣ при св. Троицкой церкви *православныя братства*, съ цѣлію отправленія богослуженія въ праздники и по нѣкоторымъ днямъ въ недѣли, оказыванія пособій обѣднѣвшимъ братьямъ, воспитанія дѣтей и погребенія умершихъ братій. Великій князь Сигизмундъ въ 1538 г. утвердилъ сіи братства особою грамотою; такія же грамоты даны были королями Стефаномъ Баторіемъ въ 1584 г. и Сигизмундомъ III въ 1589; грамотою же 1588 г. константинопольскій патріархъ Іеремія утвердилъ постановленіе братствъ. Грамоты вел. кн. и королей, предоставляющія братствамъ разныя преимущества, именуютъ ихъ *братствами народа русскаго*, закона греческаго. Братства св. Тройцы имѣли свою больницу, училище и типографію.

Въ 1609 г., по повелѣнію Сигизмунда III, св. Троицкой монастырь переданъ былъ базиліанамъ, въ вѣдѣніи которыхъ и оставался до возсоединенія уніатовъ. Около 1670 г., при настоятелѣ Львѣ Креузѣ—Ржевускомъ, церковь и монастырь были возобновлены; но въ 1748 г., во время общаго страшнаго по-

жара въ Вильнѣ, сгорѣли; и хотя потомъ были отстроены, но лишились древняго своего благолѣпія и устройства.

Исторія св. Троицкаго монастыря весьма любопытна и въ высшей степени назидательна: это исторія продолжительной борьбы православія съ уніею; но мы не смѣемъ касаться этого предмета, зная, что въ настоящее время составляется подробная исторія этого монастыря и церкви перомъ болѣе опытнымъ по сей части и по драгоцѣннымъ матеріаламъ, какіе находятся въ архивѣ монастыря. Скажемъ только, что, по возсоединеніи уніатовъ, св. Троицкій монастырь возвратился вновь въ нѣдра православія, послѣ 230 лѣтняго отчужденія. Въ 1852 г. монастырская церковь была обновлена во всѣхъ частяхъ и украшена новымъ иконостасомъ. Но мы не можемъ пройдти молчаніемъ о древнѣйшей, славившейся въ цѣлой Литвѣ и Руси иконѣ Пречистыя Богородицы (одигитріи, путеводительницы) и нынѣ находящейся въ св. Троицкой церкви. Икона эта, по преданію, распространенному во всѣхъ славянскихъ земляхъ, написана св. евангелистомъ Лукою; чтимая греческими императорами она досталась въ послѣдствіи королямъ Червонной Руси, а отъ нихъ уже перешла къ великимъ князьямъ московскимъ. Іоаннъ III Васильевичъ благословилъ этою иконою дщерь свою Елену, при выѣздѣ ея изъ Москвы въ Вильно, въ 1493 г. Во время ея жизни, икона эта постоянно находилась въ замкѣ, а послѣ кончины поставлена была въ митрополитальномъ соборѣ Пречистыя Богородицы, откуда, около половины XVII столѣтія, перенесена въ св. Троицкую церковь.

Въ св. Троицкой церкви находится особый придѣлъ во имя св. Іоанна Богослова, освященный высокопреосвященнѣйшимъ Іосифомъ, митрополитомъ литовскимъ и виленскимъ 26 сентября 1852 года. Во времена уніи, придѣлъ этотъ именовался часовнею Благовѣщенья Пресвятыя Богородицы, устроенною въ XVII ст. *Янушемъ Скуминомъ Тышкевичемъ*.

Родъ Тышкевичей, одинъ изъ древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ боярскихъ родовъ въ западной Руси,—искони принадлежалъ къ православной церкви. Нѣкоторые изъ лѣтописцевъ полагаютъ, что они происходятъ изъ рода князей литовскихъ, и родоначальникомъ ихъ считаютъ Мондвида, воеводу виленскаго (1413); другіе родоначальникомъ называютъ Николу, сына Каленика, одного изъ знаменитѣйшихъ вождей вел. князя Скири-

гайлы (ок. 1388). У этого Николы былъ сынъ *Тышка* (или Тимофей), отъ котораго и произошла фамилія *Тышкевичей*.

Сынъ сего послѣдняго, Иванъ Тимофеевичъ Тышкевичъ былъ архимандритомъ кіево-печерскимъ. Тышкевичи занимали высшія должности въ краѣ, гетмановъ, воеводъ, старостъ. Изъ нихъ Ѳедоръ Тышкевичъ, воевода новогрудскій, съ сыномъ своимъ Янушемъ, воеводою трокскимъ, а потомъ виленскимъ, стараніемъ извѣстнаго Іосафата Кунцевича перешли въ унію, и Янушъ Тышкевичъ основалъ упомянутую нами выше часовню во имя Благовѣщенья Пресвятыя Богородицы, въ которой похоронилъ отца въ 1617 г., а потомъ и самъ былъ похороненъ въ 1641 г. До сихъ поръ сохранился памятникъ, воздвигнутый имъ женѣ своей Варварѣ, урожденной Нарушевичъ, умершей въ 1627 г. [1]).

Одинъ изъ Тышкевичей, Василь, женившись на дочери Семена Чарторыжскаго, Александрѣ, около 1528 г., получилъ въ наслѣдство извѣстный изъ русскихъ лѣтописей уже въ XII ст. замокъ Логойскъ (въ борисовскомъ уѣздѣ минской губ.) въ 1128 г.; принадлежавшій князю Изяславу [2]). Василь Тышкевичъ возобновилъ замокъ и построилъ православную церковь. Наслѣдники его воздвигли еще 3 церкви и съ того времени Логойскъ находится въ постоянномъ владѣніи древнѣйшей отрасли этого дома, которая и именуется *графами на Логойскѣ* (т. е. логойскими). Въ виленскомъ музеумѣ древностей хранится весьма любопытное каменное надгробіе сына помянутаго Василія, съ древне славянскою надписью: «во истину преставися Остафей Васильевичъ Тышкевичъ 1558 г.»

Но возвратимся еще къ св. Троицкой церкви.

Здѣсь также былъ погребенъ Семенъ *Война*, кастелянъ мстиславльскій, исповѣдовавшій православную вѣру. По сіе время сохранилось еще въ самой церкви въ стѣнѣ, по правой сторонѣ, весьма любопытное надгробіе съ слѣдующею славянскою надписью: «Ту лежитъ Рабъ Божій Япсей Федоровичъ Брага, бурмистръ мѣста виленского. Преставился въ лѣто отъ воплощеня господа нашего 1576 мѣсяца октябри 25 дня, а жилъ на свѣтѣ лѣтъ 57. Ту же лежи сынъ его Антоній, овже преставися въ лѣто 1580, мѣсяца октября 3 дня.» (Вил. Вѣст.)

---

[1]) Несецкій, IX, 174, Крашевскій, III, 72. Гомолицкій, W. N. 24, 125.

[2]) Карамзинъ II, 155 и 250 (въ прил).

РАСПРЯ ВИЛЕНСКИХЪ ПРОТЕСТАНТОВЪ СЪ ІЕЗУИТАМИ ВЪ XVII СТОЛѢТІИ.

(Эпизодъ изъ исторіи города Вильна [1]).

Протестантскій соборъ (кирха) въ Вильно былъ расположенъ между костеломъ св. Михаила, при которомъ былъ монастырь бернардинокъ, и домомъ городскаго судьи Наборовскаго. Однажды (дѣло было въ 1639 году) родственнику этого Наборовскаго, Пекарскому, съ своимъ слугою Раковскимъ, вздумалось пустить нѣсколько стрѣлъ изъ лука, какъ они потомъ говорили,—по галкамъ, сидѣвшимъ на протестантскомъ сборѣ. Случилось, что нѣкоторыя изъ этихъ стрѣлъ, перелетѣвши черезъ соборъ, ударились частію въ икону св. Михаила, которая помѣщена была на щитѣ костела, обращеннаго фасадомъ къ собору. Неизвѣстно, былъ ли тутъ со стороны Пекарскаго злой умыселъ противъ протестантовъ, или нѣтъ. Но бернардинки какъ будто бы ждали скоро ли прилетитъ къ нимъ отъ протестантскаго собора нѣсколько стрѣлъ. Лишь только стрѣлы ударились въ стѣну костела, по городу вдругъ разнеслась молва, что протестанты чуть ли не изъ пушекъ стрѣляютъ въ католическій монастырь, что уже нѣсколько монахинь убито и ранено, что въ окна костела и въ монастырскій садъ летятъ тучи стрѣлъ изъ протестантскаго сбора. Іезуитскіе школьники съ толпою черни, вооружившись чѣмъ попало, захвативши гдѣ-то и пушку, тотчасъ явились на помощь монахинямъ. Не теряя времени на

---

[1]) См. Духъ Христіанина за декабрь 1863 г., статью п. з. „Литовская іезуитская провинція“.

какіе-нибудь распросы, они принялись штурмовать соборъ. Подоспѣвшая во время пѣхота Криштофа Радзивилла, протестанта, котораго іезуиты нѣсколько разъ напрасно пытались обратить въ латинство, разогнала школьниковъ, при чемъ нѣсколько человѣкъ убито. Раздраженные неудачей школьники, собравшись снова, напали на одинъ частный домъ, принадлежавшій протестанту, разграбили его, убили нѣсколько человѣкъ и уже хотѣли топить одного пастора, какъ опять явилась Радзивиллова пѣхота и заставила ихъ спасаться бѣгствомъ. Тогда началась въ Вильно почти открытая война между католиками и протестантами; въ главѣ первыхъ стояли іезуитскіе школьники, во главѣ послѣднихъ Радзивиллъ съ своей пѣхотой. Начались открытые грабежи и убійства; не проходило дня безъ какой-либо кровавой исторіи; Радзивилъ хваталъ и сажалъ въ тюрьму школьниковъ, а товарищи насильно освобождали ихъ. Получивши множество просьбъ и жалобъ съ обѣихъ сторонъ, король приказалъ составить коммиссію для изслѣдованія дѣла. Коммиссія составилась изъ виленскаго епископа съ пятью другими католиками и Криштофа Радзивилла съ однимъ еще протестантомъ, и открыла засѣданія (въ 1640 году). Католики во всемъ обвиняли протестантовъ, протестанты іезуитовъ и ихъ школьниковъ. «Довели до свѣдѣнія короля, говорилъ іезуитъ Цециповскій, защищая школьниковъ въ засѣданіи этой коммиссіи, будто академики штурмовали соборъ и проиграли сраженіе О несправедливость! При штурмѣ, котораго не видѣли, они и пораженіе потерпѣли и потеряли добрую славу. Не въ академіи, а въ какомъ-либо госпиталѣ нужно искать тѣхъ, которые штурмовали соборъ,—потому что убитыми при этомъ штурмѣ найдены старикъ и старуха. Кто-то разграбилъ лавочку съ пряностями, и бѣдныхъ академиковъ столько засадили за это въ тюрьму, сколько не могло быть фунтовъ перцу въ этой лавочкѣ. Шляхтичъ одинъ, Заражекъ, виновный развѣ въ томъ только, что когда-то учился въ нашей академіи, схваченъ, закованъ въ кандалы и брошенъ въ тюрьму. Ему удалось какъ-то убѣжать,—и вотъ академиковъ обвиняютъ, будто они взяли приступомъ тюрьму и освободили бывшаго товарища.» Постановленіе приговора по слѣдствію, произведенному коммиссіей, было отложено до слѣдующаго сейма.

Въ ожиданіи сейма, обѣ стороны заботились объ умноже-

нiй голосовъ въ свою пользу. Протестанты разсыпали подарки; употребляли въ дѣло простой подкупъ, не жалѣли обѣщанiй. Iезуиты напечатали и распространяли въ народѣ брошюрку, въ которой, жалуясь на протестантовъ, взводили на нихъ разныя обвиненiя въ такомъ родѣ: а) протестанты пострѣляли икону на щитѣ св. Михаила; б) убивали католиковъ, сходившихся смотрѣть на стрѣлы, которыя до сихъ поръ еще остаются въ этой иконѣ; в) убивали нищихъ, сидѣвшихъ у дверей костела св. Михаила; г) на ксендза, который несъ св. Тайны, изъ собора бросали камнями; д) стрѣляли изъ мушкетовъ въ бернардинокъ, прогуливавшихся въ своемъ саду; е) на лошадяхъ, съ саблями однажды напали на академiю, били студентовъ нагайками и топтали лошадьми. Подобныя обвиненiя, основанныя на фактахъ, частiю совершенно выдуманныхъ, частiю искаженныхъ, страшно озлобляли католиковъ.

Наступилъ, наконецъ, сеймъ. Криштофъ Радзивиллъ успѣлъ было склонить короля на свою сторону. Но католики, узнавши объ этомъ, пришли въ величайшее негодованiе. Краковскiй епископъ грозилъ отказаться отъ каѳедры и сенаторскаго кресла, если протестантамъ будетъ оказано какое-либо снисхожденiе. Владиславъ не могъ противиться настойчивому требованiю господствовавшей партiи и подписалъ составленный католиками декретъ по этому дѣлу. Вотъ сущность декрета: а) въ Вильно навсегда запрещается протестантамъ отправлять свое богослуженiе,—они могутъ себѣ устроить соборъ за городомъ; б) протестантскiя школы и богадѣльни въ Вильно должны быть закрыты; в) когда бернардинки подтвердятъ присягой свои показанiя, виновники недавнихъ безпорядковъ будутъ наказаны смертiю.

Ко дню присяги бернардинокъ, Криштофъ Радзивиллъ увеличивалъ свою пѣхоту; iезуиты тоже собирались съ силами,—они привозили въ Вильно школьниковъ изъ своихъ ближайшихъ коллегiй. Въ городѣ поднялась страшная тревога; всѣ ожидали междоусобiя. Купцы, шляхта, даже многiе изъ латинскаго духовенства начали заблаговременно выбираться изъ Вильно, или высылать свои имущества. Форма, по которой должны были присягнуть бернардинки, далеко не соотвѣтствовала обвиненiямъ, которыя взводили на протестантовъ и по которымъ ихъ судили. Но и по этой формѣ монахини не хотѣли присягать. Онѣ пла-

кали, жаловались, что въ началѣ дѣла обѣщали избавить ихъ отъ всякой присяги, а нынѣ заставляютъ ихъ утверждать присягой то, въ чемъ онѣ не совершенно увѣрены. Кончилось, впрочемъ, тѣмъ, что монахини должны были уступить настояніямъ виленскаго епископа, грозившаго выгнать ихъ изъ монастыря и даже предать проклятію, въ случаѣ ослушанія. Декретъ былъ исполненъ и дѣло обошлось безъ кровопролитія. Такой исходъ этого дѣла придалъ смѣлости іезуитскимъ школьникамъ. Они теперь видѣли, что сила не на той сторонѣ, на которой король,—что можно не церемониться съ диссидентами. И по всей Литвѣ началось возмутительное преслѣдованіе «ересей и вольнодумства.» Не было границъ самоуправству и распущенности школьниковъ.

Спустя немного, іезуитскіе школьники показали, что они теперь могутъ нетолько безнаказанно вести беззаконную войну съ диссидентами, но не задумаются передъ энергической демонстраціей и противъ правительства. Видно, Баторій ошибся, когда думалъ, что іезуитское воспитаніе разовьетъ въ народѣ духъ порядка и повиновенія высшей власти. На масляной недѣлѣ, въ 1644 г., виленскіе академики давали великолѣпную «комедію.» Зрителей было весьма много. Тутъ былъ и король, вообще любившій увеселенія этого рода, съ женою и множествомъ придворныхъ,—у подъѣзда коллегіи и по прилегавшимъ къ ней улицамъ стояло множество экипажей. Случилось, что между кучерами и школьниками вышла ссора; школьники начали бросать камнями лошади, перебѣсились: вышло величайшее смятеніе. На этотъ безпорядокъ явилась воеводская пѣхота; главные зачинщики, въ томъ числѣ нѣсколько студентовъ академіи, были схвачены и посажены въ тюрьму. Король приказалъ составить коммиссію для изслѣдованія этого дѣла и строго наказать виновныхъ. Іезуитскіе школьники почли себя весьма оскорбленными тѣмъ, что ихъ товарищи должны были стать передъ судомъ изъ за кучеровъ и наравнѣ съ кучерами. Собравшись въ одну толпу и вооружившись чѣмъ могли, они, подражая древнимъ римскимъ плебеямъ, когда-то удалившимся изъ города на священную гору, вышли за городъ и расположились на одномъ холмѣ. Здѣсь, въ смыслѣ протестаціи противъ распоряженія правительства, они построили висѣлицу и на ней повѣсили портреты членовъ составившейся по ихъ дѣлу

коммиссіи. По приказанію короля, ректоръ академіи съ нѣсколькими профессорами отправились къ школьчикамъ-конфедератамъ для увѣщанія, но встрѣчены были весьма недружелюбно, и положительно прогнаны. Тогда король долженъ былъ для усмиренія этого страннаго бунта выслать генерала Осинскаго съ нѣсколькими ротами пѣхоты. Школьники были окружены пѣхотой, но, на предложеніе сдаться, отвѣчали отказомъ. Осинскій приказалъ пѣхотѣ стрѣлять холостыми снарядами; школьники отвѣчали пулями, убили наповалъ этого генерала и нѣсколько солдатъ. Такой неожиданно серьозный оборотъ дѣла привелъ пѣхоту въ величайшее-замѣшательство; школьники воспользовались этимъ и разбѣжались во всѣ стороны. Наряжена была новая коммиссія. Но, благодаря обстоятельствамъ, отвлекшимъ вниманіе короля отъ этого дѣла, а еще болѣе проискамъ іезуитовъ, дѣло затянулось, замялось и кончилось ничѣмъ.

После такихъ исторій, нерасположеніе Владислава IV къ іезуитамъ достигло высшей степени. Онъ удалилъ ихъ отъ двора и, въ видахъ подорвать ихъ вліяніе на народъ, пригласилъ въ Польшу піаровъ (Scholae piae, societas scholarum piarum,—особый монашескій орденъ римской церкви), почти исключительно занимавшихся воспитаніемъ юношества и, съ этой стороны, бывшихъ соперниками іезуитовъ. Но болѣе рѣшительныхъ мѣръ Владиславъ не могъ принять.

. . . .

Въ войнѣ съ диссидентами, іезуиты, пользуясь безпорядками этого времени, сдѣлали еще шагъ впередъ. До сихъ поръ они, въ случаѣ обвиненія по поводу какой-либо возмутительной выходки противъ диссидентовъ, не отказывались по крайней мѣрѣ отвѣчать передъ судомъ, находили нужнымъ какъ-нибудь оправдываться, сваливали вину на другихъ и т. п. Теперь же и это ужъ считалось излишнимъ. Въ 1682 г., ректоръ виленской академіи Петръ Китновскій приказалъ студентамъ академіи разрушить протестантскій сборъ, послѣ декрета 1640 года построенный за городомъ. Школьники, собравшись въ толпу, подступили къ сбору, тараномъ отбили ворота и бросились опустошать. Разные документы, деньги, имущество пасторовъ, церковныя принадлежности, колокола даже,—все было разграблено; зданія разрушены. Не оставлены въ покоѣ и мертвые: ихъ вынимали изъ гробовъ и ругались надъ ними самымъ гнуснымъ

образомъ. На другой день, повторивши нападеніе, школьники окончательно все разорили и сравняли съ землей. Кирпичъ, желѣзо, дрова, церковныя скамьи, столы, даже надгробныя плиты, они свезли въ городъ и, не стѣсняясь, продавали, какъ законную добычу. По обычаю, для изслѣдованія дѣла была наряжена коммиссія. Въ засѣданіи этой коммиссіи, протестанты говорили, между прочимъ: «Когда мы жаловались на студентовъ ректору, то онъ не только не обратилъ должнаго вниманія на нашу жалобу, но еще хвалилъ своихъ студентовъ, заохочивалъ ихъ и впередъ не упускать случая къ подобному нападенію, приказывалъ приносить къ себѣ добычу и обѣщалъ платить за нее. Мало того, іезуиты своимъ школьникамъ и всѣмъ, кому угодно, дали пастырское разрѣшеніе, во всемъ великомъ княжествѣ литовскомъ, разрушать протестантскіе соборы, грабить ихъ имущества и самихъ протестантовъ убивать.» Іезуиты отказались отвѣчать передъ этой коммиссіей, подъ тѣмъ предлогомъ, будто она не имѣла никакого права судить ни ихъ, ни ихъ школьниковъ. Дѣло кончилось тѣмъ, что іезуитамъ сдѣлано было весьма вѣжливое замѣчаніе и протестантамъ позволено возстановить соборъ.

Въ началѣ XVIII столѣтія, поляки пришли, наконецъ, къ мысли, что дѣла Рѣчи Посполитой могли бы быть въ лучшемъ состояніи, что нужно какъ-нибудь поправить эти дѣла. Іезуиты не могли, конечно, не принять живѣйшаго участія въ рѣшеніи такого важнаго вопроса. По ихъ мнѣнію, виновниками всѣхъ золъ, до сихъ поръ разорявшихъ Рѣчь Посполитую, были диссиденты; только по искорененіи «ересей» могло возвратиться въ это государство прежнее благоденствіе. Въ доказательство этого іезуиты говорили, что съ половины XVII вѣка диссиденты часто жалуются на дѣлаемыя будто бы имъ притѣсненія разнымъ иностраннымъ дворамъ,—прусскому, датскому, шведскому, русскому,—и тѣмъ самымъ подаютъ этимъ дворамъ поводъ вмѣшиваться въ дѣла Рѣчи Посполитой. Въ существѣ дѣла іезуиты этимъ доказательствомъ обвиняли гораздо болѣе себя, нежели диссидентовъ; но этого не замѣчали «добрые католики.» Чтобы лучше распространить такой взглядъ на причину недавнихъ бѣдствій Рѣчи Посполитой, іезуиты издали въ свѣтъ (въ третій уже разъ) одну брошюру Петра Скарги, въ которой этотъ краснорѣчивый проповѣдникъ убѣждаетъ поляковъ и литов-

цевъ покаяться въ томъ, что между ними въ свое время встрѣчены были съ сочувствіемъ и быстро распространялись разныя ереси. Къ этой брошюрѣ были, на этотъ разъ, въ качествѣ прибавленій, приложены: а) нѣсколько давнихъ декретовъ противъ диссидентовъ,—б) трактатъ о томъ, когда и какъ ереси распространились въ Польшѣ и Литвѣ,—в) увѣщаніе къ народу, чтобы всякій всѣми силами способствовалъ къ уничтоженію ересей,—г) разсужденіе о томъ, что съ уничтоженіемъ ересей совершенно легко будетъ возстановить въ Рѣчи Посполитой и благоденствіе. Эту брошюру іезуиты безплатно раздавали всѣмъ, и съ церковныхъ каѳедръ убѣждали народъ внимательно читать ее и, подъ опасеніемъ погубить свою душу, исполнять все, чему она учитъ. Увѣщанія іезуитовъ не остались безплодными. Въ актѣ примиренія съ народомъ (августа 11, 1717) былъ помѣщенъ такой пунктъ: «Если найдутся теперь въ городахъ, мѣстечкахъ, селахъ, недавно устроенные протестантскіе соборы, то всякому позволяется разрушать и жечь ихъ безъ малѣйшаго опасенія. Диссидентамъ запрещается имѣть какія бы то ни было собранія, публичныя или частныя.» Послѣ этого, протестанты положили продавать свои имущества и искать себѣ новаго отечества въ Россіи, или Пруссіи.

(Вил. Губ. Вѣд.)

О ВВЕДЕНІИ, РАСПРОСТРАНЕНІИ И СУДЬБѢ КАЛЬВИНИЗМА ВЪ БѢЛОРУССІИ [1]).

Въ началѣ 16 вѣка, реформація нашла въ Литвѣ много стихій, способствовавшихъ къ водворенію ея въ этой странѣ. Гусситизмъ, занесенный въ Литву при королѣ Владиславѣ Ягайлѣ, хотя и подъ пепломъ, но скрывался еще по разнымъ мѣ-

[1]) Поводомъ къ этой статьѣ послужили сомнѣнія, высказанныя автору нѣкоторыми лицами, на счетъ истины, что протестантизмъ появился въ Бѣлоруссіи (разумѣемъ витебскую, могилевскую и минскую губерніи) раньше католицизма. О томъ, что во время Стефана Баторія не было въ Бѣлоруссіи ни одного латинскаго костела, (*) то сомнѣвающіеся могутъ окончательно въ семъ убѣдиться, если захотятъ справиться съ дипломомъ короля Баторія (а словамъ короля, сказаннымъ въ оффиціальной бумагѣ, можно, кажется, вѣрить) на учрежденіе въ Полоцкѣ іезуитскаго коллегіума и со многими другими историческими источниками. Кромѣ того, авторъ видѣлъ въ разныхъ архивахъ много рукописныхъ документовъ, подтверждающихъ эту истину,—между прочимъ, исковое дѣло бывшаго полоцкаго уніатскаго архіепископа Гребницкаго съ полоцкими іезуитами о церковныхъ имѣніяхъ. Что же касается появленія въ этой странѣ протестантизма ранѣе 1580 г., въ этомъ могутъ удостовѣриться изъ настоящей статьи.

*) Изъ дипломатическихъ сношеній великаго князя московскаго Іоанна III съ великимъ княземъ литовскимъ Александромъ, по случаю принужденія этимъ послѣднимъ супруги своей, дочери Іоанна, Елены къ принятію римской вѣры,—видно, что до Александра въ Бѣлорус-

стамъ. Споры и несогласія церкви западной съ восточной (коей послѣдователями въ то время были не только вся масса народонаселенія великаго княжества Литовско-Русскаго, но почти всѣ магнаты, бояре и шляхта), стали развиваться, принимать грозный видъ, раздражать и возмущать послѣдователей сей послѣдней церкви. Знатнѣйшіе города были заселены, кромѣ русскихъ, поляковъ и евреевъ, нѣмецкими купцами и ремесленниками, имѣвшими постоянныя сношенія съ западною Европою. Притязанія и злоупотребленія латинской іерархіи стали проявляться и здѣсь, хотя и не въ такой степени, какъ въ польской коронѣ. Въ литовской шляхтѣ обнаружилась также расположенность къ новизнѣ, какъ и въ коронной, тоже самое направленіе умовъ къ преобразованію церкви, тоже самое, наконецъ, и легкомысліе. Однимъ словомъ, зажигательныхъ, такъ сказать, веществъ вездѣ было довольно; не доставало лишь искры къ воспламененію умовъ.

За этимъ дѣло не стало: скоро была брошена искра. Сосѣдственная Литвѣ восточная Пруссія, въ лицѣ своего в. ма—

сіи римскихъ костеловъ вовсе не было. Въ первый же разъ въ Полотскѣ, а вѣроятно и въ другихъ городахъ, появились они въ его княженіе; но существовали не долго, ибо по настоянію Іоанна всѣ были упразднены.—(Поэтому кратковременное существованіе оныхъ въ сей странѣ не должно считать эпохою водворенія здѣсь католицизма). Іоаннъ чрезъ посла своего упрекалъ зятя своего Александра, между прочимъ, въ допущеніи имъ въ русскихъ городахъ, въ томъ числѣ и въ Полотскѣ, божницъ (такъ онъ называлъ костелы) римскаго закона, чего напередъ при его отцѣ и при его (Александра) предкахъ не было, и въ томъ, что понуждалъ православныхъ въ римскую вѣру. На таковые упреки, вотъ что, между прочимъ, Александръ наказалъ посламъ своимъ въ Москву сказать Іоанну: „А „штося дотычетъ о нужи римскому закону, ибо господаръ нашъ къ „нимъ (т. е. православнымъ подданнымъ) князя бискупа (виленскаго, „какъ донесено было Іоанну бѣжавшими къ нему нѣкоторыми литов„ско-русскими боярами и князьями, которыхъ Александръ принуж„далъ перейти въ латинство) и нарѣченнаго митрополита о томъ не„посылывалъ. Много на его милости дворѣ (въ Вильнѣ) княжатъ и „панятъ греческаго закона, а никому нужы его милость въ законѣ „не дѣлаетъ, какъ же то бывало за продковъ и отца его милости....." и проч. Касательно же перваго упрека, о костелахъ, послы ничего въ оправданіе Александра не сказали. (Смот. I томъ Актовъ, относящихся къ исторіи западн. Россіи №№ 179 и 18; Карамзинъ Т. VI, царст. Іоанна III).

гистра Альберта I, племянника короля Сигизмунда I, приняла, въ 1525 г., лютеранское исповѣданіе. Сему примѣру вскорѣ послѣдовали и ливонскіе рыцари, въ лицѣ своихъ магистровъ Генриха и Вильгельма Фирстенберговъ [1]) (около 1539 г.). Вильно, Ковно, Витебскъ и Полотскъ имѣли постоянныя торговыя сношенія съ Ригою, Кенигсбергомъ и другими прусскими городами. Литовскіе купцы русскаго и нѣмецкаго происхожденія, отправлялись съ товарами въ Лейпцигъ, Франкфуртъ и въ другіе города сѣверной Германіи, а изъ этой страны много нововѣрцевъ прибывало въ литовско-русскіе города на постоянное жительство. Такими-то путями протестантизмъ проникалъ въ Литву и утверждался въ особенности между жителями нѣмецкаго происхожденія, а отъ нихъ, въ свою очередь, перенимали это ученіе и туземные жители: русскіе, поляки и литовцы. Сверхъ того, успѣхамъ реформаціи въ Литвѣ способствовало и то, что знатнѣйшіе изъ литовско-русской шляхты любили путешествовать по западной Европѣ, вступали въ браки съ иностранками протестантской вѣры и посылали своихъ сыновей въ германскія училища, гдѣ они усвоивали новыя понятія изъ ученія Лютера и другихъ реформаторовъ. Многіе, наконецъ, выписывали изъ за границы въ домашніе учители для своихъ дѣтей нѣмецкихъ ученыхъ, часто изступленныхъ ревнителей реформаціи [2]).

Постоянныя сношенія литовской шляхты съ коронною, уже сильно напитанною религіозными новизнами, наводненіе Литвы и литовской Руси сочиненіями о реформаціи и обыкновенныя въ такомъ случаѣ пропаганды протестантскихъ миссіонеровъ, которые выходили въ Литву изъ Короны, Пруссіи, Ливоніи и Германіи для снисканія послѣдователей ихъ новому ученію,— все это сильно подкапывало римскую церковь, не смотря на усиленную бдительность ея духовенства. Но что всего удивительнѣе, протестантизмъ проникалъ еще въ Литву оттуда, откуда всего менѣе можно-бы было ожидать, т. е. изъ Москвы. Андрей Венгерскій [3]) въ своей Исторіи славянской церкви говоритъ:

---

[1]) Schlözer Geschichte von Lithauen, p. 254.

[2]) Радзивиллы, Ходкѣвичи, Глебовичи, Кишки, Сапѣги и другіе воспитывались, въ то время, за границею.

[3]) And. Wengierski Slavon. reformata pag. 262. Симонъ Буд-

«Около 1552 года пришли изъ Россіи въ Бѣлоруссію три гре-
«ко-россійскіе монахи, Θеодосій, Артемій и Θома, незнавшіе
«никакихъ языковъ, кромѣ природнаго своего, и никакихъ на-
«укъ. Они остановились въ Витебскѣ, начали сперва изъ до-
«мовъ, а потомъ изъ церквей выкидывать иконы и учили по-
«клоняться только одному Іисусу Христу; но возмутившійся
«народъ и православные священники выгнали ихъ изъ города.
«Они удалились въ глубину Литвы и тамъ продолжали пропо-
«вѣдывать. Θеодосій, будучи уже болѣе 80-ти лѣтъ, вскорѣ
«умеръ; Артемій присталъ къ слуцкому и копыльскому князю
«Георгію, а Θома, велерѣчивѣйшій и болѣе свѣдущій въ св.
«писаніи, нежели товарищи его, сдѣлался реформатскимъ па-
«сторомъ. Чрезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ посланъ проповѣд-
«никомъ въ Полотскъ, гдѣ тогда распространялась реформація,
«и тамъ исполнялъ свою должность. Но въ февралѣ 1563
«года московскій царь Иванъ Васильевичъ Грозный, взявши
«Полотскъ, поймалъ сего пастора (бывшаго нѣкогда его под-
«даннымъ), вывелъ на рѣку Двину и, державною своею рукою
«поразивъ его палкою въ голову, пустилъ въ прорубь подъ
«ледъ» [1]). Однакожъ проповѣдь этихъ трехъ сектаторовъ въ
Витебскѣ не осталась безъ послѣдствій: ею соблазнились многіе
изъ шляхты и мѣщанъ, которые, вызвавъ изъ Польши и Литвы
кальвинскихъ пасторовъ, построили сборъ (кирху) въ Нижнемъ
Замкѣ [2]). Тоже, какъ увидимъ ниже, сдѣлано было и въ По-
лотскѣ.

Вкравшійся такими путями въ Литву и Бѣлоруссію про-
тестантизмъ нашелъ себѣ вскорѣ и могущественнаго покрови-
теля въ великомъ князѣ литовскомъ Сигизмундѣ Августѣ, едва
открыто не принявшемъ оный въ Вильнѣ, въ 1544 году. Изъ
великокняжескаго дворца безпрепятственно распространялись ре-
лигіозныя новизны; изъ княжеской библіотеки ходили по ру-
камъ сочиненія Лютера, Меланхтона, Буцера, Кальвина и дру-
гихъ; а придворные проповѣдники в. князя, Янъ Козминьчикъ

ный также вспоминаетъ о сихъ трехъ монахахъ въ предисловіи къ
изданному имъ Новому Завѣту.

[1]) Андрей Венгерскій; Карамзинъ—Исторія Россіи Т. XI. Т.
IX.; Соловьевъ—Исторія россійскаго Госуд. Т. XI.

[2]) Dzieje Kosciołow wyznan. Helweckiego.

и Лаврентій Дискордія изъ Прашнича, открыто проповѣдывали народу ихъ ученіе. Тщетно римское духовенство силилось противопоставлять разныя преграды отовсюду нахлынувшимъ волнамъ новыхъ идей; тщетно оно предавало проклятію и отлученію отпавшихъ отъ католицизма королевскихъ проповѣдниковъ. Сигизмундъ Августъ прикрывалъ ихъ своимъ авторитетомъ, а смерть его отца, короля Сигизмунда I, растворила настежъ двери для реформаціи въ Литву.

Дѣйствительно, съ восшествіемъ Сигизмунда Августа на польскій престолъ, стали со всѣхъ сторонъ вторгаться въ Польшу и Литву реформаторы, увѣренные въ покровительствѣ правительства и симпатіи шляхты, склонной ко всякой новизнѣ. Во главѣ оной явился тогда двоюродный братъ королевы Варвары, князь Николай Чарный-Радзивиллъ, воевода виленскій, великій маршалъ и канцлеръ литовскій. Это былъ первый литовскій вельможа, который, имѣя по родству и по личнымъ достоинствамъ огромное вліяніе на Сигизмунда Августа, былъ ревностнымъ протестантомъ и употреблялъ всѣ сподручныя ему средства для распространенія новаго ученія въ Литвѣ. Онъ ввелъ его почти во всѣхъ своихъ разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ Литвы и Руси вотчинахъ и помѣстьяхъ, вызвалъ изъ Польши и Германіи самыхъ знаменитыхъ реформаторовъ, опредѣливъ ихъ пасторами и проповѣдниками въ нѣкоторыхъ своихъ вотчинныхъ городахъ и помѣстьяхъ, а именно: Лаврентія Крышковскаго въ Нѣсвижѣ, Ѳому Фальконія въ Клецкѣ, Жачица изъ Прошовичъ въ Брестѣ, Вендрыховскаго и Мартина Чеховича въ Вильнѣ. Мало того, Радзивиллъ объявилъ себя покровителемъ всѣхъ послѣдователей протестантизма въ Литвѣ, въ помѣстьяхъ своихъ давалъ убѣжище всѣмъ гонимымъ за вѣру протестантамъ и щедрою рукою сыпалъ деньги на учрежденіе протестантскихъ училищъ, устроеніе типографій и созиданіе великолѣпныхъ зборовъ. Примѣру его послѣдовали многіе изъ литовско-русской шляхты: нѣкоторые вслѣдствіе родственныхъ съ нимъ связей, другіе изъ личныхъ видовъ, а иные по врожденной склонности къ новизнѣ. Они оставляли вѣру предковъ, распространяли въ своихъ имѣніяхъ кальвинизмъ, созидая новые зборы или обращая на оные только еще возникающіе костелы. Даже римско-католическое духовенство не могло болѣе противиться взволнованному потоку господствующихъ мнѣ-

ній: оно оставляло алтари и, принимая новое ученіе, сбрасывало съ себя наложенное на него политикою папъ иго инцелибатства (т. е. безженства) [1]. Подобная же ревность къ реформаціи изъ собственной Литвы проявилась и въ Бѣлоруссіи.

[1]) Изъ латинскаго высшаго духовенства, между прочими, принялъ кальвинизмъ кіевскій епископъ Николай Пацъ. Онъ сбросилъ тонсуру, женился и, оставивъ вѣру предковъ, жилъ въ наслѣдственномъ своемъ имѣніи. Впослѣдствіи онъ возведенъ былъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ въ санъ мстиславскаго каштеляна и оставилъ нѣсколько богословскихъ сочиненій на латинскомъ языкѣ.

Замѣчательно, что исторія не представляетъ ни одного примѣра, чтобы кто-нибудь изъ литовско-русскаго православнаго духовенства сдѣлался протестантомъ. Изъ знатнѣйшей литовско-русской шляхты, перешедшей въ то время въ кальвинизмъ, были слѣдующіе: Кишки, Ходкѣвичи, Глѣбовичи, Слушки, Завиши, Вишневецкіе, Войны, Пацы, Абрамовичи, Воловичи, Огинскіе, Зѣновичи, князья Пронскіе, Головчинскіе, Нарушевичи, Тальши, Сапѣги *), Дорогостайскіе, Щеміоты, Горскіе и другіе. Всѣ они, по происхожденію, были православные и кромѣ сказанныхъ причинъ, побудившихъ ихъ къ измѣнѣ вѣрѣ предковъ, кажется, была главная—желаніе уклониться отъ католицизма, къ которому польское правительство и латинское духовенство уже стало ихъ понуждать разными стѣснительными мѣрами.

*) Князья Сапѣги происходятъ отъ князей Ольгердова дома; они, подобно этимъ послѣднимъ, крестились въ русскую вѣру и неизмѣнно пребывали въ оной до конца 16 вѣка. Первый изъ нихъ измѣнилъ православію Левъ, бывшій великій канцлеръ литовскій. Онъ сперва принялъ кальвинизмъ, но потомъ, по честолюбивымъ видамъ и убѣжденію іезуитовъ, перешелъ въ латинство. Его примѣру послѣдовали и прочіе Сапѣги. Въ собраніи древнихъ актовъ, относящихся къ исторіи западной Россіи, томъ III, стр. 230, § 101, помѣщена жалованная королевская грамота подляшскому воеводичу Ивану Сапѣгѣ на право подаванья Черейскаго Троицкаго монастыря. Изъ нея видно, что основателями сего православнаго монастыря были его предки князья Сапѣги (въ 1466 г.): Симеонъ Ѳеодоровичъ и сыновья его, Ѳеодоръ, Василій и Иванъ, сынъ котораго, Михаилъ, въ монашествѣ Мисаилъ, былъ сперва смоленскимъ православнымъ епископомъ, а около 1476 г., кіевскимъ митрополитомъ. Кромѣ Сапѣговъ, въ основаніи сказаннаго монастыря принимали участіе, посредствомъ записей на земли и раз-

Въ Витебскѣ, какъ сказано выше, новое ученіе занесено первоначально тремя русскими монахами [1]), и хотя они были изгнаны изъ сего города, но ихъ послѣдователи, пользуясь благопріятными успѣхами протестантизма въ Литвѣ, вызвали оттуда новыхъ проповѣдниковъ и построили на Нижнемъ Замкѣ деревянный сборъ, домъ для пастора, училище и богадѣльню. На содержаніе всего этого пожертвованы разныя угодья и земли. Но сборъ и другія кальвинскія зданія, во время войны Яна Казимира съ Москвою, были разобраны и употреблены на отопленіе Верхняго Замка; а сборовые плацы, послѣ очищенія Витебска отъ русскихъ войскъ, присвоили себѣ витебскіе мѣщане и построили на оныхъ для себя домы. Въ 1667 году былъ присланъ въ Витебскъ кальвинскій консеніоръ бѣлорусской дистрикціи, Христофоръ Жарновитъ, для отысканія имѣній и угодьевъ, сбору принадлежавшихъ. Онъ нашелъ въ этомъ много затрудненій, ибо мѣщане утверждали, что будто бы оныя король Янъ Казимиръ подарилъ имъ подъ уніятскую церковь. Дѣло

ныя угодья: мать Мисаила, послѣ смерти мужа постригшаяся въ Витебскѣ въ монахини подъ именемъ Агафьи, дяди Мисаила, князь Василій Григорьевичъ, его шуринъ Митко Мастытичъ съ супругою княгинею Огренькою Ивановичевною, другой шуринъ Ѳедко Немировичъ съ супругою, королевскій писарь, князь Богданъ Сапѣга съ супругою Анною Андреевною Сангушковною, дядя Мисаила по матери, панъ Михайло Володковичъ и родственные Сапѣгамъ князья Лукомскіе и Друцкіе Бабичи.

[1]) Монахи эти заразились симъ ученіемъ отъ проникнувшихъ въ Россію нѣмецкихъ протестантовъ. Они были осуждены на московскомъ Соборѣ 1552 и 1554 г. и сосланы въ заточеніе въ разные отдаленные монастыри; но успѣли бѣжать въ Литву, гдѣ, какъ мы видѣли, нашли себѣ покровительство и защиту. Замѣчательно, что ими началась, ими и кончилась реформація въ Россіи. Причину сего нужно искать въ характерѣ восточной церкви, сохранившей ненарушимо древнюю, апостольскую внѣшнюю и внутреннюю организацію, преданія и іерархическое устройство. Слѣдовательно, въ нѣдрахъ ея нѣтъ ничего, чтобы имѣло нужду въ преобразованіи. По сей же самой причинѣ, реформація не имѣла никакихъ успѣховъ и на всемъ православномъ востокѣ и между западными славянами греческаго исповѣданія.

это было представлено на судъ королевскаго коммисара Огинскаго, назначеннаго для принятія Витебска отъ русскихъ. Къ счастію Жарновиты, Огинскій (Левъ Богдановичъ), будучи православнымъ [1]), терпѣть не могъ уніятовъ; посему и угодья эти присудилъ въ пользу кальвинскаго сбора. Они состояли изъ нѣсколькихъ плацовъ въ Нижнемъ Замкѣ, одного плаца на рынкѣ, изъ земель, подъ самымъ городомъ находящихся, и изъ фольварка, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города отстоящаго. Кромѣ того витебскій сборъ имѣлъ разные капиталы. Послѣднимъ министромъ, т. е. пасторомъ онаго, былъ Ранизевскій, уведенный съ семействомъ въ плѣнъ въ Москву Жарновитъ, сыскавъ такимъ образомъ принадлежавшія сбору угодья, передалъ оныя въ вѣденіе мѣщанина *Рынды*, исповѣдывавшаго кальвинизмъ. Впослѣдствіи держалъ оныя въ арендѣ Іосифъ Храповицкій, хорунжій и подвоевода витебскій, съ 1671 по 1684 г., и платилъ за то около 100 злотыхъ польскихъ кодыскому проповѣднику. Кажется, что сборъ кальвинскій въ Витебскѣ, послѣ временъ Яна Казимира, уже не былъ возстановляемъ.

Полотскій кальвинскій сборъ принадлежалъ къ числу древнѣйшихъ въ Литвѣ. Онъ былъ построенъ въ первой половинѣ 16 вѣка, но кѣмъ и въ которомъ году—неизвѣстно. Быть можетъ, Николаемъ Мондвидомъ Дорогостайскимъ, полотскимъ воеводою, ревностнымъ кальвинистомъ. Сборъ этотъ, равно какъ и всѣ принадлежавшія ему строенія, были деревянныя; почему во время войны Яна Казимира съ Россіею были сожжены до основанія. Тщетно кальвины старались отыскать свои плацы въ послѣдствіи,—ибо іезуиты выхлопотали у короля на оные привиллегію и построили на одномъ изъ нихъ костелъ. Кальвинскій сунодъ уполномочилъ своего единовѣрца, маршалка лидскаго Раецкаго, поискивать у іезуитовъ эти плацы судебнымъ порядкомъ; но іезуиты предъявили на оные привиллегію короля Яна Казимира. Полотскій сборъ существовалъ только до 1660 года. Кромѣ десятка съ полтора домовъ въ городѣ, за которые получалъ арендныя деньги, принадлежали къ нему и земли за городомъ, и нѣкоторые капиталы, проценты отъ коихъ посту-

[1]) Тотъ самый, который основалъ Марковъ монастырь въ Витебскѣ, а Богоявленскій въ Полотскѣ.

пали въ пользу полотскаго проповѣдника (около 310 злотыхъ польскихъ, какъ это видно изъ кальвинскихъ синодовъ 1636 и 1643 г.).

Сверхъ того, кальвинскіе сборы находились и въ слѣдующихъ бѣлорусскихъ городахъ: въ Быховѣ (построенный въ 16 вѣкѣ Ходкѣвичами, существовавшій до 18 вѣка), въ Деревнѣ (построенный въ 16 вѣкѣ Сапѣгами), въ Глембокомъ (нынѣ м. виленской губ дисн. уѣзда), въ Головчинѣ, мѣстечкѣ князей Головчинскихъ, въ оршанскомъ уѣздѣ (построенный въ 16 вѣкѣ княземъ Головчинскимъ, существовавшій до 18 вѣка), въ Копысѣ (построенный въ концѣ 16 вѣка иждивеніемъ гетмана в. к. Литовскаго Христофора Радзивилла, исповѣдывавшаго кальвинизмъ), въ Ковальщинѣ, въ Койдановѣ (минск. губ.), въ Лебедевѣ, въ Лукомлѣ, въ Нелевичахъ, въ Оршѣ (существовалъ только до временъ Сигизмунда III), въ Рогачевѣ, въ Семеновичахъ, въ Сокольнѣ, въ Шацкѣ, въ Шкловѣ, (построенный въ 16 вѣкѣ Ходкѣвичами, но около 1619 г. ихъ потомокъ Александръ Ходкѣвичъ отнялъ оный у кальвиновъ и отдалъ доминиканцамъ), въ Таймановѣ, въ Уѣздѣ, въ Заславѣ (основанъ въ 16 вѣкѣ Глѣбовичами, но недолго существовавшій) и въ другихъ мѣстахъ.

Сеніоры, т. е. главные духовные начальники надъ пасторами бѣлорусскихъ кальвинистовъ, со времени введенія въ Бѣлоруссію кальвинизма, были слѣдующіе:
1), Филиппъ Бохвицъ—около 1595 г., 2), Іоаннъ Ѳома Севицкій; 3), Мартинъ Тертуліанъ Бѣлянскій; 4), Ѳеодоръ Ждановецкій; 5), Финеашъ Гойскій; 6), Мартинъ Нѣвѣрскій; 7), Іоаннъ Ранщевскій, около 1644 г.; 8), Христофоръ изъ Жарновца; 9), Іеронимъ изъ Жарновца Косарскій, около 1689 г.; 10), Михаилъ Таумбанъ Тржебицкій; 11), Флоріанъ Свида и 12), Даніилъ Рымговидъ, или Рывидъ, около 1732 г.

Мѣстопребываніемъ бѣлорусскихъ сеніоровъ было мѣстечко Койданово (въ минск. губ.). Въ лицѣ сеніора сосредоточивалась высшая духовная власть въ извѣстной дистрикціи или округѣ: онъ назначалъ министровъ, т. е. пасторовъ, наблюдалъ за поведеніемъ духовенства, ревизовалъ сборы. Въ Литвѣ (съ Бѣлоруссіею вмѣстѣ) находилось, по числу дистанцій, шесть сеніоровъ, изъ нихъ на сунодахъ первенствовалъ виленскій. Они имѣли себѣ помощниковъ, консеніорами называемыхъ.

Успѣхи протестантизма въ Бѣлоруссіи пріостановили іезуиты, то публичными диспутами (преніями), то краснорѣчивыми поученіями, то привлеченіемъ въ свои училища дѣтей кальвинскаго исповѣданія, то, наконецъ, извѣстною своею вкрадчивостію въ домы знатныхъ вельможъ, коихъ совѣсть умѣли скоро захватывать въ свои руки и обращать въ пользу ордена и папы, какъ вѣрнѣйшіе его слуги. Изъ числа публичныхъ диспутовъ, какіе іезуиты вели съ кальвинистами, болѣе примѣчательный былъ въ Полоцкѣ въ 1589 году. Диспутъ этотъ продолжался нѣсколько дней, въ присутствіи знатнѣйшаго духовенства и шляхты православнаго, римскаго и кальвинскаго исповѣданій. Въ числѣ представителей реформаціи, кромѣ трехъ главныхъ бѣлорусскихъ пасторовъ, явился и извѣстный Симеонъ Будный. Пренія были жаркія, перемѣшанныя съ сарказмами и насмѣшками; но іезуиты, разумѣется, остались побѣдителями. Вслѣдствіе этого, многіе изъ кальвинской шляхты и мѣщанъ перешли въ римскую вѣру и со времени этого диспута кальвинизмъ въ Полоцкѣ, по замѣчанію іезуита Ростовскаго, быстро клонился къ упадку [1]). Такой участи, благодаря дѣятельности іезуитовъ, подвергся онъ и во всѣхъ бѣлорусссихъ городахъ, въ которыхъ былъ съ такимъ успѣхомъ водворяемъ. Въ 18 столѣтіи, по малочисленности сборовъ въ этой странѣ, уничтожилась и бѣлорусская дистрикція [2]).

К. Говорскій.

---

[1]) Litwanicar. Soc. Jezu Histor. per Rostowski, 1768 an. pag. 173.

[1]) Пособіями къ составленію этой статьи служили: Zbiór konstytucyj sejmowych, съ 1530 по 1755 годъ, изд. въ Варшавѣ; Lituanicar. Soc. Jezu. Histor. per. Rostowsky, 1768 an. Vilnae; Dzieje kosciołów wyznania Helweckiego, przez Lukaszewicza. Poznań 1843 r.; Исторія Россійской церкви епископа рижскаго Филарета; Slavonia Reformata p. Wengiersky ed. 1679 an. pag. 140, 250, 262 et 421; Историческій словарь русскихъ духовныхъ писателей т. 1, подъ словомъ Зиновій; русская исторія Соловьева т. VII; русская исторія Карамзина, изд. Ейнерлинга, книга VI; Акты относящіяся къ исторіи западной Россіи, томы I, II, III и IV; книга привиллегій, въ архивѣ витебской градской думы находящаяся и другіе.

III.

ЗАМѢТКА НА СТАТЬЮ «КІЕВЪ ВЪ НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ.» («День» № 42, 1864 г.).

Г. Чижовъ, посѣтившій недавно Кіевъ, вынесъ оттуда довольно разнообразныя наблюденія и впечатлѣнія и подѣлился ими (въ Днѣ) съ читающею публикой. Кратковременность ли пребыванія г. Чижова въ Кіевѣ, сомнительная ли чистота источниковъ, изъ которыхъ почерпалъ онъ свои свѣденія, недостатокъ ли критической разработки собранныхъ имъ матеріаловъ, или все это вмѣстѣ,—было причиною того, что наблюденія г. Чижова не всѣ одинаковаго свойства, что нѣкоторыя изъ нихъ мало имѣютъ, иныя вовсе неимѣютъ—примѣненія къ дѣйствительнымъ явленіямъ туземной жизни.

Мы не намѣрены входить въ подробный разборъ наблюденій г. Чижова, не лишенныхъ, по мѣстамъ, интереса и правды; мы не станемъ доказывать ему односторонность и даже несостоятельность тѣхъ намековъ на оплошность и безучастіе къ пользамъ Россіи всей туземной администраціи, которыя обязаны своимъ бытіемъ городскимъ сплетнямъ, нерѣдко польской фабрикаціи,—мы только обратимъ вниманіе на тотъ отдѣлъ «Кіева въ настоящее время,» въ которомъ сказано кое-что о хохломаніи. Это необходимо какъ для того, чтобы кто либо, незнакомый съ дѣломъ, не повѣрилъ г. Чижову на слово, такъ и для того, чтобы еще разъ доказать всѣмъ и каждому, что наблюденія и выводы Вѣстника на счетъ хохломаніи—и вѣрнѣй,

и безпристрастнѣе разныхъ изворотовъ и помраченій истины, обязанныхъ своимъ существованіемъ заинтересованной въ дѣлѣ, или не понимающей его—сторонѣ.

Будемъ говорить по порядку.

Г. Чижовъ говоритъ: «польская шляхта нашла себѣ сильнѣйшее оружіе нравственное: (—) въ умѣньи напугать· мѣстныхъ распорядителей украйнофильствомъ и сепаратизмомъ. Воспользовавшись восторженностью нѣсколькихъ нигилистовъ и усиливши число ихъ своими агентами, П(п)оляки только и ждали, чтобъ(ы) на нихъ (на поляковъ?) обратили вниманіе; изъ этого десятка молодыхъ (;) горячихъ головъ, они (?) составили цѣлое (,) политическое пугало (;) подъ именемъ хохломановъ.» Главный недостатокъ этой тирады есть недостатокъ истины. Можно пугать тѣмъ, чего нѣтъ, дѣтей, слабонервныхъ, пожалуй, дѣвицъ или женщинъ, но напугать всю туземную администрацію (или какъ ее называетъ г. Чижовъ, мѣстныхъ распорядителей (?), не струсившую предъ поголовнымъ почти возстаніемъ польской шляхты,—съ позволенія вашего, г. Чижовъ, болѣе чѣмъ забавно. Скорѣе можно допустить ту мысль, что шляхта въ отчаяніи отъ зоркости «мѣстныхъ распорядителей, обратившихъ вниманіе «на ея косвенныхъ, въ дѣлѣ революціи, союзниковъ, и что она, во что бы то ни стало, силится увѣрить легковѣрныхъ, либо близорукихъ въ томъ, что хохломаны слишкомъ ничтожны для того, чтобъ обращать на нихъ вниманіе, что они—дѣтское пугало, что ихъ не болѣе десятка. «Распорядители,» конечно, лучше васъ, г. Чижовъ, понимаютъ качество и степень той опасности, которой, при оплошности ихъ и нашей, могло бы подвергнуться спокойствіе края; но, если обратили на нее вниманіе, то не изъ боязни этихъ мечтателей, не потому, чтобы струсили ихъ, а потому только, что это ихъ обязанность, что они должны подавить затѣйливую пропаганду хохломановъ, защитить отъ ея послѣдствій добрый, честный, вѣрный своему долгу, но въ тоже время мало еще развитый и простодушный народъ. «Распорядители на этотъ разъ поступаютъ по примѣру тѣхъ хозяевъ, которые вовсе не изъ страха обращаютъ вниманіе на зачумленныхъ, либо прокаженныхъ овецъ, отдѣляютъ ихъ отъ здоровыхъ, пользуютъ, чѣмъ могутъ, какъ могутъ; а только изъ опасенія, чтобы больная овца не заразила здоровой. Если, впрочемъ, подъ именемъ пугливости г. Чи-

ковъ разумѣетъ исполненіе долга, —мѣры «распорядителей,» — чтобы зараза хохломановъ не прилипла къ окружающей ихъ средѣ и чтобъ она покончила свои мучительные симптомы на нихъ однихъ; то мы съ нимъ спорить не станемъ. Мы не споримъ даже съ г. Чижовымъ, что хохломаны—нигилисты. Мы яснѣе его видимъ, что въ основѣ хохломаніи лежитъ бездна отрицаній. Она предполагаетъ незнаніе польско-русской исторіи внастности и отвращеніе къ наукѣ и всякому полезному занятію вообще; она можетъ существовать только подъ условіемъ нерасположенности хохломановъ къ порядку и покою общественному; она парализуетъ умъ и сердце больнаго хохломаніей индифферентизмомъ, космополитизмомъ—вообще нигилизмомъ; ея девизъ: «хочъ гирше, абы инше.» Но за то мы рѣшительно не согласны съ г. Чижовымъ на счетъ числа хохломановъ и можемъ доказать ему, что этихъ горячихъ (слабо сказано) головъ нужно считать не однимъ десяткомъ, а чуть не сотнями, что «десятокъ» отдѣленъ уже отъ здоровыхъ сыновъ семьи русской, а сотни самыхъ красныхъ еще шныряютъ въ обществѣ. благодаря его гуманности и русскому *авось*, и что свой цвѣтъ они только прикрываютъ—до поры до времени—тогой наружнаго безучастія, сосредоточеніемъ своей егозливости въ Галиціи; филологическими абсурдами и весьма популярною въ подобныхъ людяхъ и случаяхъ трусостью. Желаемъ имъ отъ души выдержать это благоразумное инкогнито до конца ихъ жизни и неизмѣнить ему не только *дѣломъ*, но и помышленіемъ. Что касается хохломановъ другихъ цвѣтовъ, менѣй яркихъ, ихъ можно бы найдти въ юго-западномъ краѣ тысячи. Сюда безъ исключенія принадлежатъ всѣ, коверкающіе, по крайнему неразумію, туземное просторѣчье, всѣ бывшіе свитники, нашедшіе теперь свой маскарадъ не совсѣмъ удобнымъ, распѣватели по ночамъ гайдамацкихъ пѣсень и другіе затѣйщики. Но, не забудьте, г. Чижовъ, и того, что въ дѣлѣ революціонной заразы не столько важно число революціонеровъ, сколько ихъ неугомонность, рѣшимость, предпріимчивость, злокачественность самой заразы. Вѣдь всякая иниціатива обязана своимъ бытіемъ—немногимъ, чаще всего одному. Всѣмъ извѣстно, что всѣ три французскія революціи сочинены, раздуты то однимъ, то двумя-тремя человѣками что во главѣ венгерскаго движенія стояли сначала только двѣ личности, италіанская революція тоже затѣяна двумя человѣками,

а настоящая польская—однимъ, съумѣвшимъ сперва найдти себѣ двухъ пособниковъ, потомъ—тысячи? Чтожъ? Не прикажете ли и кіевскимъ распорядителямъ ожидать, пока десятки (по вашему, г. Чижовъ) неугомонныхъ хохломановъ сгрупирують вокругъ себя, по примѣру всякихъ революціонеровъ, цѣлыя арміи? Не ожидать ли, пока пожаръ охватитъ цѣлое зданіе, вмѣсто того, чтобы топтать искорьки, готовыя произвести его? Не забудьте и того, что затѣя хохломановъ не нова, что еще въ половинѣ 40 годовъ одинъ безпокойный, неблагодарный и неблагоразумный человѣкъ затѣялъ было хохлацкую революцію и очень скоро привлекъ на свою сторону еще четырехъ, что, не подави ее могучая рука человѣка, который не любилъ революціонныхъ экспериментовъ, *ворохобня* хохломанская какъ разъ подоспѣла бы къ открытому возстанію венгерскому и тайному движенію польскому. Только близорукіе не видѣли связи между этими затѣями и осмѣлились осуждать втораго Умиротворителя Европы за то, что онъ всею тяжестію своей энергической натуры отяготѣлъ надъ возставшими венгерцами. Не защита Австріи, а спокойствіе Россіи и Европы, защита ихъ отъ всесвѣтной революціи двинули массы русскихъ войскъ за рубежъ Россіи; не Герги и Кошутъ вызвали движеніе нашихъ войскъ въ Австрію, а Бемъ, Высоцкій и нѣсколько другихъ подобныхъ ему господъ. Венгерцы поступили весьма непрактично, сочетавши свое дѣло съ дѣлами такихъ лицъ и національностей, на движенія которыхъ не могли смотрѣть безучастно сосѣди, особенно сильнѣйшій изъ нихъ. Съ тѣхъ поръ хохломанія спряталась въ себя. Въ половинѣ 50 годовъ на нее, какъ будто, прошла-было мода совершенно. Но вотъ коноводы ея возвратились изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ несли покаяніе, сообразное степени грѣховъ своей юности; времена нѣсколько измѣнились; для проявленія мысли открылся новый просторъ, новые сюжеты; все двинулось впередъ,—двинулась и хохломанія; въ Петербургѣ организовалась *громада*; начали проскользать въ печати затѣйливыя статейки, брошюры; явилась извѣстная Основа; ея намѣренія не поняты; языкъ ея, исковерканный кулишовскимъ, быть можетъ условнымъ, правописаніемъ, дѣлалъ понятными ея намеки, ея затѣи и *ворохобню* для тѣхъ только, для обобщенія теорій и тенденцій которыхъ она была затѣяна; ею дирижировали люди, не вполнѣ очистившіе покаяніемъ свою политическую совѣсть; рой моло-

дежи, подобно мотылькамъ, порхнули на этотъ свѣточъ; никто не потрудился перевесть на русскій языкъ жаргона Основы, предать гласности ея замашки, истолковать ея іероглифы и символы; полетѣли въ народъ *граматки*, разныя *оповідання*, разказы, пересыпанные довольно двусмысленными сентенціями, намеками, дерзкими натяжками и фальшами историко-этнографическими и статистическими; паничи метнулись съ ними и портретами Шевченка [1]) по селамъ, нѣкоторые (какъ видно изъ одной статейки Основы) нагружали ими цѣлыя телѣги и, бросивъ науку, разъѣзжали по сельскимъ ярмаркамъ и навязывались всякому встрѣчному съ своимъ товаромъ; Основа страдаетъ предсмертными судорогами; дѣятели ея ухаживаютъ за Вѣстникомъ юго-западной и западной Россіи; ихъ легковѣріе обмануто названіемъ новаго органа; скоро они разочаровываются въ своихъ надеждахъ на Вѣстникъ самымъ жалкимъ образомъ; онъ прежде всѣхъ обличилъ замашки хохломановъ; неосторожная Основа имѣла несчастіе вступить въ открытую полемику съ врагомъ не по силамъ и, конечно, была разбита на голову; чрезъ Кіевъ провозятъ (словно тѣло владѣтельнаго князя) трупъ Шевченка, устрояется прямая демонстрація; въ Кіевѣ группируется *громада*, богатая числомъ и ожесточеніемъ, вступаетъ въ солидарность съ громадою столичной; между двумя громадами и тремя *громадками* снуютъ безъ-устали агенты старыхъ коноводовъ хохломаніи (наученные опытомъ, сами они весьма ловко прячутся позади молодежи); адъютантъ одного изъ нихъ, оборвавшійся на одной неудачѣ, разочарованный на счетъ осуществленія одного плана и разгаданный до тайныхъ помышленій,—поселяется въ Москвѣ, съ намѣреніемъ отмежевать себѣ уголокъ въ какомъ либо изъ періодическихъ ея изданій и, послѣ долгихъ усилій и униженій, достигаетъ своей цѣли; Вѣстникъ [2])

---

[1]) Попавшаго было даже на памятникъ тысящелѣтію Россіи. Это было бы забавно, если бы не было дерзко.

[2]) Здѣсь разные фазисы хохломаніи представлены не въ строго-хронологическомъ порядкѣ. Это отъ того, что многіе изъ нихъ проявлялись въ одно почти время, только въ разныхъ мѣстностяхъ, и ставить ихъ на бумагѣ одинъ на другой, подобно предметамъ физическимъ, было невозможно. Да притомъ они такъ перепутались между собою, что соблюденіе между ними хронологической послѣдовательности—почти не мыслимо.

даетъ торжественное слово перевести на русскій языкъ возмутительный жаргонъ и растолковать символистику Основы; она, конечно, должна была послѣ того прекратить свое существованіе; правительство начинаетъ смотрѣть вокругъ себя зорче, подмѣчать работу враждебной для единства Россіи хохломанской партіи; многіе изъ ея агитаторовъ пойманы на мѣстѣ преступленія; юридическія обслѣдованія наглядно разоблачили качество ихъ затѣи; подобно нѣкоторымъ насѣкомымъ, чующимъ приближеніе яда и прячущимъ свои головы въ образованную ими же самими жидкость, хохломаны почуяли грозящую имъ опасность и большинство ихъ прекратило свои агитаціи,—но признаки ихъ бытія, но симптомы болѣзни, производимой этими политическими насѣкомыми, мы замѣчаемъ въ окружающемъ насъ обществѣ, въ подметныхъ письмахъ, въ угрозахъ, въ газетныхъ обмолвкахъ, въ лжахъ и клеветахъ на «Москву,» въ протестахъ, адресахъ и проэктахъ, разсѣеваемыхъ въ заграничной прессѣ, въ переводѣ на малорусскій жаргонъ Евангелія, въ секретныхъ громадахъ, въ собираемыхъ разными путями и средствами съ народа деньгахъ на изданіе вредныхъ для единства Россіи книжонокъ, въ солидарности многихъ нашихъ хохломановъ съ выродившеюся изъ праха Основы Метою, въ маскарадныхъ костюмахъ, въ коверканьи туземнаго просторѣчья,—ну словомъ, въ довольно удачномъ fac simile польскихъ манифестацій 62 года [1]).

Вотъ вамъ, г. Чижовъ, бѣглый очеркъ исторіи хохломаніи, съ разными ея періодами, фазисами и явленіями, за достовѣрность которыхъ мы ручаемся и въ дѣйствительности которыхъ можетъ сомнѣваться только человѣкъ, рѣшительно незнающій дѣла и основавшій свое мнѣніе о хохломаніи на тѣхъ же данныхъ, на какихъ составилось извѣстное наблюденіе одного давняго туриста на счетъ туземной этнографіи: «nec crescunt, nec senescunt et dicuntur **chłopci**.»

Изъ этого краткаго, но правдиваго очерка вы видите, г. Чижовъ, что пугало, извѣстное подъ именемъ хохломаніи, не

[1]) Замѣчательно, что, по мѣрѣ затиханія польской революціи, и движенія хохломановъ сдѣлались тише, рѣже, умѣреннѣе.

такъ молодо, мелко и безвредно, какъ вы думаете, что не оно напугало «мѣстныхъ распорядителей,» а само ихъ испугалось, что партія хохломановъ состоитъ не изъ «десятка» [1]) только, а болѣе чѣмъ изъ сотни красныхъ и тысячи менѣе яркаго цвѣта нигилистовъ, что хохломанія имѣетъ уже свою исторію, богатую весьма многими эпизодами и героями, что пропаганда ея, съ болѣй или менѣй яркими вспышками, тлѣетъ въ краѣ, уже безъ малаго двадцать лѣтъ, что, начавъ азбукой—сепараціей языка, она набралась бы достаточно, если не силы, то дерзости повести эту сепарацію далѣй и далѣе, чего уже вовсе не скрываетъ органъ хохломановъ—«Мета.» Что касается сознательной либо безсознательной солидарности хохломаніи съ *ляхоманіей*, даже мы—спеціалисты съ трудомъ можемъ опредѣлить ея степень и характеръ. Что эта солидарность существуетъ, это доказывается тѣмъ, что въ громадахъ являлись порой и ляхи, что, не вѣдомо для народа, въ студенческомъ мірѣ уже установлялись разныя федераціи, а въ Галиціи кричали даже: bracia polacy, bracia rusiny! Не даромъ же первое движеніе хохломановъ совпадаетъ съ всесвѣтной революціей конца 40 годовъ, а послѣднее съ настоящимъ возстаніемъ поляковъ. Нигилисты не слишкомъ разборчивы въ выборѣ друзей и союзниковъ. Будь эти союзники хоть черти, но если они симпатизируютъ другъ другу, если цѣль у нихъ одна—«powstanie» или «ворохобня,» если всѣ они люди безразсуднаго движенія, разнузданныхъ страстей, любители отрицаній, софизмовъ и миражей, враги честнаго труда, раціональныхъ убѣжденій и благородныхъ влеченій,—то союзъ между ними весьма естественъ, то ему не помѣшаютъ такія *мелочи*, какъ разномысліе религіозное и разноплеменность національная; maximum убѣжденія этихъ людей—индифферентизмъ и космополитизмъ. Мы не споримъ даже, что хохломаны бывали порой орудіемъ

---

[1]) Если тѣ, которые увѣряли г. Чижова, что партія хохломановъ состоитъ изъ одного десятка, знаютъ этихъ господъ, то они обязаны объявить ихъ имена, равно и то, что они сами не имѣютъ съ этимъ извѣстнымъ имъ, конечно, десяткомъ никакой солидарности. Пока они этого не сдѣлаютъ, мы вправѣ считать ихъ завѣренія пустыми словами.

и игрушкой польскихъ демагоговъ. По крайней мѣрѣ такова постыдная роль, указанная имъ извѣстной инструкціей Мѣрославскаго, выполнители которой, быть можетъ, сами не знали, въ чью они впряжены колесницу, подъ чьими знаменами ратуютъ противъ выработаннаго исторіей, установленнаго Провидѣньемъ statu quo,—не знаютъ, что Мѣрославскіе готовятъ имъ висѣлицы, а народу оковы. Единство мишени, въ которую были направлены выстрѣлы той и другой партіи, единство врага хохломановъ и ляхомановъ окрасило ихъ дѣйствія и ихъ самихъ такою безразличною краской, такъ перепутало лица, отношенія и событія, что даже (опять повторю) мы—спеціалисты съ трудомъ можемъ подмѣчать подлинную инипіативу весьма многихъ явленій. Тамъ ляхи рядятся подобно хохломанамъ въ мужицкія свитки, кумаются, цѣлуются à la Іуда съ недавними холопами, печатаютъ статьи въ Метѣ въ Словѣ (галиційскомъ), представляютъ въ цензурный комитетъ десятки книгъ на туземномъ просторѣчьи, лѣзутъ въ сельскія школы, а тутъ хохломаны наряжаются въ чамары, толкуютъ объ уніи, клевещутъ на православное духовенство, не брезгаютъ польскою милостыней и проч. и проч. Только стойкость простаго народа удержала (съ одной стороны) эту федерацію въ предѣлахъ теоріи, дружескихъ рукопожатій, надеждъ на будущее и простыхъ демонстрацій; ни одинъ хохломанъ не вступалъ въ открытую борьбу съ ляхоманами.

Г. Чижовъ говоритъ, что «дальнѣйшая цѣль ляховъ была, во что бы то ни стало, навлечь подозрѣніе на всѣхъ М(м)алороссіянъ, искренно и горячо любящихъ свою родину и питающихъ..... ненависть къ Л(л)яхамъ.» Мы просто удивляемся тому абсурду, будто кто-то хотѣлъ заподозрить въ хохломаніи *всѣхъ* малороссовъ. Этого дикаго предположенія нельзя подтвердить ни одной цитатой, ни однимъ явленіемъ, ни однимъ словомъ. Ляхи очень сильно прочувствовали патріотизмъ русскаго, туземнаго населенія и, конечно, не такъ глупы, чтобъ оконфузить себя глупѣйшею изъ нелѣпостей. Что касается другихъ непріятелей хохломаніи, они никогда не смѣшивали здѣшняго, добраго, вѣрнаго Богу и Царю-освободителю народа съ шайкою нигилистовъ-ворохобниковъ,—съ улыбкой презрѣнія смотрѣли и слушали, когда послѣдніе прикрывали свои *художества* и свои революціонныя затѣи именемъ и патріотизмомъ

перваго. «Мы, говорятъ хохломаны, не мятежники: посмотрите, какъ расправлялся народъ съ врагами Россіи!» Жалкое умозаключеніе! Народъ самъ по себѣ, а вы сами по себѣ. Народъ любитъ тишину, порядокъ, православіе, русское отечество, Царя, а вы ничего этого не любите; народъ ненавидитъ враговъ всего этого, а вы ихъ любите. Народъ весьма часто выдавалъ правительству вашихъ миссіонеровъ, постоянно отвергалъ и отвергаетъ всякія ваши услуги, борется съ вашею пропагандой, а вы еще смѣете толковать о солидарности своей съ народомъ! Но не думайте, чтобы вамъ повѣрилъ кто либо изъ людей, знающихъ дѣло! Если мы умѣемъ въ дѣлѣ ляхоманіи отличать народъ отъ шляхты и низшей польской буржуазіи; если мы знаемъ, что даже въ Польшѣ, даже подъ вліяніемъ террора, простой народъ смотрѣлъ на бунтъ пановъ или безучаство или враждебно; то гдѣ г. Чижовъ нашелъ такаго идіота, который бы заподозрилъ, или даже хотѣлъ заподозрить здѣшній народъ въ недостаткѣ патріотизма, во враждебныхъ противъ Россіи замыслахъ,—и гдѣ найдемъ такихъ слѣпцовъ, которые этому повѣрили бъ? Даже пропаганда—заохотить народъ къ чтенію малорусскихъ книжонокъ и обучать на нихъ дѣтей народа,—встрѣтила со стороны сего послѣдняго сильный отпоръ. Г. Чижовъ (спасибо ему за это) представилъ одинъ случай, подтверждающій апатію народа къ обособленію языка, его реакцію этому элементарному сепаратизму, этой азбукѣ революціи; а мы представили ихъ уже десятки и можемъ представить сотни. Но чтожъ доказываютъ эти факты? Снова доказываютъ то, что народъ самъ по себѣ, а хохломаны сами по себѣ, что между первымъ и послѣдними нѣтъ и не было ничего общаго, что хохломаны (весьма часто и поляки) составляютъ, печатаютъ малорусскія книжонки, набиваются ими народу, а сей послѣдній (вѣроятно, и не подозрѣвавшій, на какія книги хохломанская пропаганда собираетъ съ нихъ трудовыя копѣйки) съ равнодушіемъ, презрѣніемъ, нерѣдко негодованіемъ, подальше толкаетъ ихъ отъ себя и дѣтей своихъ и съ нетерпѣніемъ хватается за тѣ книги, изъ которыхъ, дѣйствительно, можетъ научиться чему нужно, которыя писаны на общерусскомъ, для всякаго русскаго необходимомъ, какъ воздухъ, какъ пища, какъ жизнь, языкѣ,—короче: и народъ и хохломаны занимаются совершенно розными дѣлами, или лучше—первый зани-

мается дѣломъ, послѣдніе—бездѣльемъ, послѣдніе занимаются игрою въ ворохобни, а первый благодаритъ Бога и Царя за свою свободу отъ вѣковѣчнаго рабства, за свое счастье и покой,—ростетъ «не по днямъ, а по часамъ»—нравственно и матеріально.

Къ той же категоріи ideae fixae относится и запретъ «любить Малороссію, прекрасную Украйну» [1]). Скажите на милость Божью, г. Чижовъ, гдѣ это вычитали вы, или ваши суффлеры, преслѣдованіе этой любви? Подобная любовь почтенна и священна; къ ней всегда всѣ относились съ уваженіемъ и умиленіемъ. Даже туземный жаргонъ въ устахъ народа для насъ пріятенъ, свитка на плечахъ его намъ нравится: всякій говоритъ, какъ умѣетъ, носитъ, что имѣетъ. Но когда нарядится въ свитку фрачникъ-паничъ, когда начнетъ коверкать туземное просторѣчье, какъ можетъ, человѣкъ, умѣющій говорить на многихъ языкахъ, или хоть на томъ, которымъ говорятъ и пишутъ всѣ порядочные люди русскіе,—мы не можемъ, мы не должны смотрѣть на него безъ презрѣнія или негодованія, не можемъ не видѣть въ немъ шута или пропагандиста. Но и не этотъ собственно маскарадъ и обезъянство возбуждаетъ неудовольствіе русскихъ патріотовъ, а стремленія, вывѣскою которыхъ служатъ эти символы. Не священную любовь къ родинѣ, а преступную, безумную ненависть къ «москалю,» шушуканье съ ляхами *мановъ*, пойманныхъ серебренниками или іудиными лобзаніями польскихъ плутовъ, клеймитъ позоромъ и негодованіемъ пресса, обуздываетъ правительство; не любовь къ Малороссіи, а враждебныя затѣи противъ спасительницы ея отъ тяжкаго рабства возбуждаетъ презрѣніе къ затѣйщикамъ всѣхъ честныхъ и здравомыслящихъ великороссовъ, а особенно малороссовъ; не любовь къ *Украйнѣ* (хоть и она нелѣпость, какъ желаніе сдѣлать Малороссію по прежнему *окраиной* Польши), а рѣзкіе диссонансы строю русскому, а дикія грезы гетманщиной, гайдаматчиной, сѣчью, ворохобнею и другими затѣями, бичуетъ пресса, обуздываетъ правительство.

---

[1]) Украины или окраины теперь нѣтъ de facto. Она была мыслима, какъ рубежъ польскихъ владѣній, а теперь употребленіе этого слова составляетъ самый нелѣпый, самый возмутительный анахронизмъ—этнографическій, историческій, политическій.

Не можемъ пройдти здѣсь молчаніемъ и тирады г. Чижова на счетъ «Меты», а особенно «безсознательнаго содѣйствія полякамъ нѣкоторыхъ нашихъ газетъ (??) выставить, какъ можно выпуклѣе», хохломанскую затѣю. Мета, дѣйствительно, яснѣе поставила задачу хохломаніи, наглѣе въ сочиненіи разнообразныхъ лжей и клеветъ на все московское, необузданнѣе въ своей ненависти къ «Москвѣ»; но всячески смѣшно было бы искать ея инициативы въ полякахъ. Она—очевидный метаморфозъ или продолженіе Основы, въ болѣе только откровенномъ и разнузданномъ духѣ. Она даже по мѣстамъ довольно запальчиво (хотя можетъ быть и притворно) относится къ полякамъ. Редакторъ ея—Климковичъ—чистый русинъ, самый красный хохломанъ, безсознательно, быть можетъ, попавшій на бичевку Мѣрославскаго. Большинство сотрудниковъ Меты—здѣшніе хохломаны. Большую половину своей поддержки—и нравственной и матеріальной—она получаетъ отъ южнорусской хохломаніи,—короче: мы даже не вполнѣ знаемъ ту степень участія въ бытіи и явленіяхъ Меты, какую принимаютъ въ нихъ поляки. Быть можетъ поляки оклеветали Мету, преувеличили ея значеніе? Но Мета предъ нашими глазами; вся пресса польская, всѣ заграничныя сплетни польскихъ эмигрантовъ—тоже, и ни мы, ни кто бы то нибыло, не укажетъ во всей этой прессѣ ни одного слова, которое могло бы заподозрить поляковъ въ клеветѣ на Мету. Цѣль и характеръ Меты очевидны безъ всякихъ указокъ и комментаріевъ. И къ чему полякамъ клеветать на самаго рьянаго своего союзника? Преувеличеніе красноты Меты—не мыслимо: это—микстура, составленная изъ эссенцій, извѣстныхъ подъ именемъ «Газеты Народовой» и «Колокола», это краснѣйшее изъ самыхъ безтактныхъ и безчестныхъ произведеній порченнаго ума и сердца; она—прямое произведеніе хохломаніи, нашедшей себѣ пріютъ въ Галиціи, когда изъ-подъ нея начала уходить почва въ Россіи. Но судьба ея будетъ, *непремѣнно будетъ*, таже, какая постигла ея родительницу. Она издохнетъ или отъ недостатка матеріальной пищи, или отъ отвода ея редактору казенной квартиры, если только онъ не сдѣлается разумнѣй и честнѣе,—не измѣнитъ своей *меты* и не перестанетъ обращать своего органа въ клоаку такихъ лжей, какими переполнена его корреспонденція изъ Малороссіи, такихъ миражей, какова *ворохобня* 15,000,000 славянъ противъ призрачныхъ

игемоній; уроды не долговѣчны. Нужно имѣть состояніе и безуміе Искандера, чтобы раззоряться на поддержаніе жизни разныхъ Колоколовъ [1]).

Послѣ всего сказаннаго на счетъ хохломаніи—и здѣсь, и въ другихъ замѣткахъ, выводахъ и наблюденіяхъ нѣкоторыхъ русскихъ органовъ, особенно Вѣстника юго-западной и западной Россіи,—болѣе чѣмъ странно обвиненіе г. Чижовымъ этихъ органовъ въ «безсознательномъ содѣйствіи какимъ-то страннымъ хитростямъ какихъ-то поляковъ. Тутъ нужно различать два положенія, во первыхъ: содѣйствіе полякамъ, во вторыхъ: безсознательность содѣйствія и обвиненія хохломановъ. На счетъ перваго мы должны сказать, что едвали не больше пособляетъ полякамъ тотъ, кто увѣряетъ, что хохломанія—миражъ, что люди, обличающіе хохломановъ, сражаются съ мельницами, или съ однимъ «десяткомъ плинистовъ», что для поляковъ несравненно выгоднѣе сокрытіе сознательныхъ или безсознательныхъ союзниковъ ихъ, чѣмъ преслѣдованіе даже воображаемыхъ, а тѣмъ болѣе наличныхъ агитаторовъ противъ Россіи, что обличающіе хохломановъ органы столько же содѣйствуютъ полякамъ своимъ преслѣдованіемъ хохломаніи, сколько содѣйствовалъ имъ здѣшній народъ во время недавняго польскаго возстанія, что налагать узду молчанія на эти органы—значитъ хлопотать о безконтрольномъ и безпрепятственномъ расширеніи и углубленіи зачатковъ усобицы—самой безтолковой и опасной для Россіи и самой вожделенной для враговъ ея, значитъ обезоружить русскихъ патріотовъ въ виду непріятеля, «*содѣйствовать полякамъ*.» Безсознательность содѣйствія полякамъ, или точнѣе—преслѣдованія хохломанской партіи, можетъ быть усвоена «нѣкоторымъ газетамъ» [2]) только человѣкомъ, который хотѣлъ бы видѣть въ другомъ собственный недостатокъ, и который любитъ себя утѣшать афоризмомъ: «не я одинъ». Можно разсуждать безсознательно о хохломаніи въ Петербургѣ, даже иногда въ

---

[1]) Говорятъ, что Лета уже въ объятіяхъ Основы. Но авторъ говорилъ о ея смерти за полтора мѣсяца до этого извѣстія. Ред.

[2]) Имѣлись въ виду не газеты, а по преимуществу Вѣстникъ юго-зап. и зап. Россіи, и отчасти Московскія Вѣдомости, да назвать ихъ по имени почему то не захотѣлось.

Москвѣ; но не тамъ, гдѣ васъ на всякомъ шагу тѣснятъ явленія, имѣющія очевидный смыслъ,—личности съ плохо скрытыми или вовсе не скрываемыми теоріями и тенденціями. Можно судить безсознательно о силѣ и характерѣ хохломаніи туристу, прожившему въ Кіевѣ какихъ нибудь 5 дней, взглянувшему на дѣло чужими глазами, съ твердымъ намѣреніемъ видѣть въ хохломаніи то, чего хочется, а не то, что есть; но нельзя судить безсознательно объ атомъ предметѣ спеціалистамъ, на мѣстѣ изучившимъ всѣ затѣи, проявленія, всю систему хохломаніи, посвященныхъ въ тайны хохломановъ, довѣдомыя не многимъ даже туземцамъ. Быть можетъ, вы, г. Чижовъ (и многіе другіе), не знаете той аксіомы, что люди, открывшіе, изучившіе, парализующіе, обличающіе и вразумляющіе хохломанскую партію—все южно-русцы (весьма немного бѣлороссовъ и еще меньше великороссовъ), все туземцы, соприкосновенные ко всѣмъ слоямъ здѣшней людности, все судьи сторонніе, безпристрастные, въ высшей степени компетентные, любящіе Малороссію больше и чище всякаго хохломана, не отуманенные никакой страстью, личностями, увлеченіемъ, миражами, заинтересованные только истиной, счастіемъ и силой единой Россіи. Далеко не такого свойства мнѣнія, протесты, клеветы, извороты всѣхъ тѣхъ, которые имѣли злополучіе войдти въ полемику съ этими судьями. Степень ихъ ожесточенія противъ этихъ неутомимыхъ и непобѣдимыхъ гонителей хохломаніи обличаетъ степень ихъ маніи, цвѣтъ ихъ, [1]) характеръ ихъ нигилизма. Они— или невѣжды, *невѣдущіе что творятъ, глаголютъ*, или нарушители общественнаго строя, тормозы народнаго счастія. Смѣло можно сказать, что всякъ, кто только хоть одною фразой заявилъ сочувствіе такому или другому пріему хохломанской пропаганды, тотъ относится къ одной изъ этихъ категорій, тотъ чѣмъ нибудь да грѣшенъ противъ нашего отечества, тотъ ухватился за самую модную теперь отрасль нигилизма,—за бредни дурно понятымъ либерализмомъ, національностью, для одержи-

---

[1]) Оттого въ Метѣ, Словѣ и другихъ органахъ славянъ, хохломаны, не сѣсняемые гарантіями для печатнаго слова, обязательными въ Россіи,—унизились до такой кабацкой брани самыхъ безукоризненныхъ личностей, которая превышаетъ всякое вѣроятіе.

мыхъ которыми все то—неволя, что перечитъ буйству и своеволію, что налагаетъ узду на животныя страсти, что гарантируетъ здравомысліе, честность, порядокъ и всякое отишіе. Мы даже не винимъ г. Чижова за его странный взглядъ на хохломанію. Не онъ—первый!.... Мы чуть ли не знаемъ, кому г. Чижовъ обязанъ своимъ заблужденіемъ, чьими глазами смотрѣлъ онъ на предметъ и отъ чего увидѣлъ его въ превратномъ видѣ. «Не всякому слуху вѣрьте», г. Чижовъ, а особенно не вѣрьте тѣмъ, которые, быть можетъ, имѣютъ свои причины навязывать другимъ свой уголъ зрѣнія на кое-какіе предметы, которымъ весьма пріятно было бы уничтожить кое-какіе факты, кое-какія обмолвки въ нашей, особенно заграничной, прессѣ нѣкоторыхъ господъ....

Мы, конечно, лучше другихъ сознаемъ то, что дѣлаемъ слишкомъ много чести хохломаніи, посвящая ей такъ много вниманія и мѣста на страницахъ Вѣстника; но это вниманіе, съ его качествомъ и количествомъ, нисколько отъ насъ не зависитъ. Не смѣемъ же мы измѣнить нашей чести, смыслу, долгу и совѣсти, когда ясно видимъ степень и характеръ хохломансвой *ворохобни*, когда шайка нигилистовъ, разсѣявшаяся—было по всей Малороссіи, начинала мутить умы простодушныхъ и легковѣрныхъ, чуть было не формулировала своихъ увлеченій и даже бросилась хлопотать о внѣшнихъ федераціяхъ. Не сложить же намъ оружія предъ этими замаскированными ламанчскими рыцарями, машущими картонными мечами; не прогнать же намъ, по приказу этихъ недоучившихся, самовольныхъ указчиковъ, изъ сельскихъ школъ отечественный, богатый, выработанный тысящелѣтней исторіей языкъ, чтобы замѣнить его просторѣчьемъ уніатовъ, едва достаточнымъ для домашняго обихода самаго неразвитаго простолюдья! Гдѣ же тогда будетъ наше гражданское мужество, когда мы не прогонимъ съ поля битвы такихъ ратниковъ, каковы хохломаны! Пусть замолчать эти господа, и мы не только не будемъ имѣть повода поражать ихъ, но даже будемъ душевно благодарны за то, что они избавятъ насъ отъ траты времени на дѣло довольно случайное и оставятъ намъ больше досуга для рѣшенія капитальныхъ вопросовъ Вѣстника. А что они первые обязаны замолчать, это едвали нужно и до-

казывать. Они зачинщики, они безсильны, они неправы, имъ уже нечего сказать, они опрокинуты уже на всѣхъ пунктахъ; они и должны замолчать, они и должны образумиться, успокоиться, должны очистить свою политическую совѣсть гражданскимъ покаяніемъ,—искреннею любовію къ единой Россіи и посильнымъ содѣйствіемъ развитію силъ ея моральныхъ и матеріальныхъ. Уважьте, г.г. хохломаны, все здѣсь сказанное и, для обоюдной нашей пользы, замолчите и доставьте этой замѣткѣ счастье—быть финаломъ нашей бесѣды съ вами.

Южноруссъ—кіевлянинъ.

2 апрѣля 1864 г.

IV.

О НАРОДНЫХЪ ЮЖНО-РУССКИХЪ ПѢСНЯХЪ.

(Продолженіе).

Всѣ предметы народной лирики, главнымъ образомъ, могутъ быть сведены къ тремъ, это—религіозныя представленія народа, его исторія и бытъ; а потому и всѣ южно-русскія народныя пѣсни можно свести къ слѣдующимъ 3 разрядамъ: духовные стихи, пѣсни историческія и бытовыя.

1) *Духовные стихи.* Такъ называются стихотворенія, которыя слагались и пѣлись слѣпцами—стариками, или, какъ ихъ называли въ прежнія времена, калѣками, ходившими въ разныя мѣста, преимущественно же на поклоненіе святымъ мѣстамъ Палестины и Греціи, отъ чего въ нихъ и случается часто элементъ восточный. Предметъ этихъ духовныхъ легендъ составляетъ, по большей части, славословіе Спасителя (Рождество Христово, Страшный судъ и др.), Пресвятой Дѣвы и святыхъ угодниковъ (Лазарь, Іосифъ-прекрасный, Θеодоръ-Тиронъ, Илія-пророкъ, св. Алексій, св. Николай, великомученица Варвара и др.), иногда же просто молитвенное пѣснопѣніе. Съ перваго взгляда, эти духовныя пѣсни, по характеру ихъ содержанія, относятся къ народному эпосу и составляютъ одну изъ формъ его. Но вникая въ нихъ поглубже, мы находимъ, что, въ большей части этихъ пѣсень, элементъ лирическій преобладаетъ надъ эпическимъ, и объективный интересъ подчиненъ субъективному настроенію пѣвца; почему мы и относимъ ихъ къ народной музыкѣ. Это преобладаніе субъективности имѣетъ здѣсь свой особенный характеръ: это

умозрѣніе, переходящее въ мечтательность и религіозный мистицизмъ. Онъ условливался личностію пѣвцовъ—слагателей: лишенные по большей части зрѣнія, чуждые окружающаго ихъ міра, калѣки, немогши долго останавливаться на обрисовкѣ воспѣваемаго предмета красками внѣшней дѣйствительности, и, при первой возможности, уносились въ міръ горній, въ міръ умозрѣнія и отвлеченія; а такъ какъ предметъ, вызвавшій это умозрѣніе, былъ предметъ религіозный, то и умозрѣніе должно было быть таково же; а двоевѣрность воззрѣнія и фантазіи, сочетавъ во едино разнородные и совершенно разнохарактерные элементы, наложила на него печать мечтательности и мистицизма. Что касается участія народнаго творчества въ сложеніи нашихъ духовныхъ стиховъ, то есть мнѣніе, будто они первоначально принесены къ намъ изъ Византіи [1]) и не составляютъ самобытнаго созданія русскаго народа; а не бывши явленіемъ, естественно возникшимъ вслѣдствіе потребностей самаго народа, они будто и оставались чужды ему. Дѣйствительно, основа нашихъ духовныхъ стиховъ по большей части не русская, а греческая, пришедшая къ намъ оттуда вмѣстѣ съ принятіемъ христіанства. Но это еще не даетъ права думать, что русскій духъ не участвовалъ въ созданіи ихъ: вѣдь поэзія нѣмецкихъ миннезингеровъ развилась же на почвѣ иноземной—на принятыхъ изъ внѣ сказаніяхъ о Карлѣ В., Артурѣ и Гралѣ. Уже одно то, что духовные стихи наши носятъ на себѣ явные слѣды народной миѳологіи и вѣрованій народныхъ и, вообще, представляютъ смѣсь паганизма съ христіанствомъ, достаточно свидѣтельствуютъ о близости ихъ къ народу и объ участіи въ нихъ народнаго генія. Творческій духъ народа нашелъ въ этихъ произведеніяхъ исходъ своему двоевѣрному воззрѣнію.

2). *Пѣсни Героическія.* Это—историческія или былевыя пѣсни, изображающія лица и событія изъ различныхъ эпохъ исторіи Малороссіи. Онѣ получили свое начало еще до временъ козачества, но особенно развились въ 16 и 17 вѣкахъ, которые по этому справедливо почитаются временемъ процвѣтанія ихъ. Изъ перваго періода козачества, періода вольницъ своеобразнаго народнаго развитія, въ нихъ воспѣты: Иванъ Свирговскій, Дмитрій Вишневецкій, извѣстный въ наро-

[1]) Мнѣніе это не выдержитъ критики. Единство сюжета, догматики и проч., не даетъ еще права считать однимъ и тѣмъже пѣсни двухъ православныхъ народовъ. Ред.

дѣ подъ именемъ рыцаря Байды, Ружный, Подкова и другіе двигатели народной жизни, славные воинскими подвигами и козацкою удалью. Пѣсни эти дышатъ юношескою бодростію, геройскою отвагою и чувствомъ народнаго простора. Но когда, къ концу 16 вѣка (1589 г.), для Украины настала година испытанія, година уніи и польскаго ига и когда между поляками и малороссами родилась непримиримая, ожесточенная вражда, съ того времени историч. пѣсни южно русскія получили другой характеръ, характеръ опозицій народа южнорусскаго натиску пришлаго, латинскаго элемента; прежній веселый и беззаботный духъ ихъ смѣняется печальною задумчивостью, сосредоточенною думою; прежнія рыцарскія и неимѣвщія опредѣленной цѣли воинственныя стремленія и предпріятія теперь обращены на защиту отечественныхъ уставовъ, и, вмѣстѣ съ прежнею любовію къ роднвѣ, теперь все дышетъ местью притѣснителямъ прародительской вѣры и глубокою ненавистью къ нимъ. Таковы пѣсни о Сагайдачномъ, Наливайкѣ, Лободѣ, Чураѣ и другихъ историческихъ дѣятеляхъ, ратовавшихъ за свободу Вѣры и отчизны. Далѣе, слѣдуетъ Хмельницкій съ Барабашемъ и другими сподвижниками, изъ эпохъ послѣдующихъ воспѣваются: Дорошенко, Коновченко, Палѣй, Мазепа, Искра, Кочубеи и мученическая смерть двухъ послѣднихъ, Желѣзнякъ, Колѣевчина и другія историческія лица и происшествія.—Былевыя пѣсни Малороссіи, въ эстетическомъ отношеніи замѣчательныя по рѣзкости колорита и мастерской обрисовкѣ предмета въ отношеніи историческомъ, важны тѣмъ, что въ нихъ очень сильно высказывается непосредственное участіе народа въ событіяхъ, и тѣмъ что въ нихъ иногда упоминается о такихъ фактахъ, которые не занесены въ лѣтописи.

Думы составляютъ видъ историческихъ пѣсень, принадлежащій бандуристамъ. Онѣ отличаются отъ былевыхъ пѣсень какъ своимъ предметомъ, такъ и характеромъ. Предметъ ихъ поученіе, извлекаемое бандуристомъ изъ какого либо историческаго факта или изъ случая жизни частной и предлагаемое народу въ формѣ поэтическаго разсказа, почему дума всегда серьезна и строга. Это выраженіе лирическаго содержанія въ повѣствовательной формѣ сообщаетъ думамъ особенную прелесть, а художественная отдѣлка и пріемы великорусской народной поэзіи (напр. сравненіе чрезъ отрицаніе), составляя обыкновенную ихъ принадлежность, сообщаютъ имъ особенную силу и впечатлительность. Отъ сочетанія же

въ думахъ эпическаго элемента съ лирическимъ происходитъ и разнообразіе ихъ метра: элементъ эпическій выражается разномѣрными стихами, состоящими изъ неравнаго числа тоническихъ стопъ и неопредѣленнаго числа слоговъ, когда же въ думѣ является на первомъ планѣ лирическій элементъ, тогда она принимаетъ опредѣленный пѣсенный размѣръ.

3). *Бытовыя пѣсни.* Въ быту народа, какъ и въ жизни недѣлимыхъ можно различать двѣ главныя стороны: положеніе общественное и жизнь семейную. На этомъ основаніи всѣ бытовыя пѣсни малороссіянъ можно свести къ двумъ видамъ: пѣсни *общественно бытовыя и семейныя.*

А. Общественныя бытовыя воспроизводятъ разнообразный бытъ малоросса. Сюда относятся пѣсни *войсковыя* или *козацкія* въ тѣсномъ смыслѣ, *чумацкія*, *бурлацкія и гайдамацкія*. a). Войсковыя, изображающія бездомовный бытъ запорожца, его Сѣчь и вообще—бытъ козака, посвятившаго жизнь свою военной службѣ, проникнуты глубокою любовію къ родинѣ и мыслію о высокомъ значеніи *войсковаго* быта, а не рѣдко и тоской по родной землѣ. Онѣ, по большей части, сложены козаками; тѣже, въ которыхъ оплакивается разлука съ козакомъ или смерть его, можно думать составлены женщинами—матерями, сестрами или женами падшихъ удальцовъ и принадлежатъ, слѣдовательно, къ разряду пѣсень семейно-родственныхъ. b). Войсковому быту, имѣвшему цѣлью безопасность о славу отчизны, былъ противуположенъ бытъ чумацкій и бурлацкій, когда козакъ вынужденъ былъ или таскаться по разнымъ мѣстамъ, для домашнихъ цѣлей и нуждъ, или поступить въ услуженіе къ другимъ изъ за дневнаго пропитанія. Грустно тяжело было козаку, отказаться отъ боевой жизни, отъ сабли, коня, отъ этого грусть, мрачное недовольство недолей и какое то тупое равнодушіе ко всему окружающему составляютъ главные тоны пѣсень чумацкихъ и бурлацкихъ. Въ послѣднихъ, сверхъ того, сильно проглядываетъ вѣра въ судьбу. c). Пѣсни гайдамацкія, по духу своему, соотвѣтствуютъ великорусскимъ разбойничимъ. Народъ мало запомнилъ ихъ, въ большемъ количествѣ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, онѣ попадаются въ Галиціи.

Б. Пѣсни семейныя. Семейная жизнь есть по преимуществу жизнь женшины, а потому и пѣсни, выражающія ее, можно назвать женскими. Рождаясь изъ потрясенной думы женщины, онѣ составляютъ неотъемлемую ея принадлежность и необходимое дополненіе ея нравственному существованію.

Южнорусскія семейныя пѣсни поэтически изображаютъ состояніе думы южно русской женщины, въ различныя мгновенія жизни и подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ. Большая часть этихъ пѣсень имѣютъ форму драматическую. т. е. въ нихъ представляются изображаемыя лица разговаривающими между собою. Семейныя пѣсни малороссовъ бываютъ: хороводныя, обрядовыя, любовныя и семейно родственныя а). *Хороводныя* пѣсни малороссовъ доселѣ еще не запечатлены у нашихъ спеціалистовъ надлежащимъ именемъ, логически-правильнымъ наименованіемъ: названіе *веснянки,* принятое нѣкоторыми, не вполнѣ исчерпываетъ понятіе ихъ. Пѣсни эти поются весною, подъ открытымъ небомъ, при играхъ малороссійскихъ хороводовъ, называемыхъ *танками.* Въ то время, когда великорусскія хороводныя пѣсни представляютъ неопредѣленность чувства, основу содержанія малороссійскихъ пѣсенъ этого разряда составляетъ уже сознанная любовь Такимъ образомъ, предметъ малороссійскихъ веснянокъ—любовь *паробка* и *дѣвчины* и различныя отношенія ихъ между собою; и только очень не многія изъ нихъ посвящены преимущественно описанію самой весны и оживающей природы. Подъ вліяніемъ этого сознательнаго содержанія, и форма веснянокъ является болѣе отчетливою и доконченною, чѣмь въ пѣсняхъ великорусскихъ: во всякой почти пѣснѣ встрѣчаются аллегорическія сравненія паробка и дѣвчины съ предметами видимой природы,-такъ что каждая почти веснянка состоитъ изъ двухъ частей: въ первой представляется образъ, заимствованный изъ видимой природы, а во второй-уже самыя отношенія символизированныхъ лицъ [1]).—б). Пѣсень святочныхъ, въ смыслѣ великорусскихъ, у малороссіянъ нѣтъ. Въ замѣнъ ихъ, южнорусская народная поэзія представляетъ богатое разнообразіе пѣсенъ *обрядовыхъ*, которыми сопровождаются народные и нѣкоторые церковные праздники. Сюда относятся: *колядки*, *щедрòвки*, пѣсни *русальныя*, *купаловыя* и *петрòвочныя* [2]). Колядки поются по домамъ объ Рож-

---

[1]) Это—тотъ же сонетъ, безъ его только формы. Ред.

[2]) Поздравленіе, которыми мальчики или взрослые мужчины сопровождаютъ посыпаніе домовъ пашнею на новый годъ, мы несчитаемъ пѣснями, между прочимъ, по той простой, но уважительной причинѣ, что онѣ не поются, а говорятся или причитываются.

дествѣ Христовѣ толпами колядовщиковъ (дѣтьми, паробками, дѣвками, женатыми мужчинами и замужними женщинами). Содержаніе ихъ—поздравленіе съ праздникомъ, похвала хозяевамъ хаты или дѣтямъ ихъ и, въ заключеніе, просьба о подаркѣ. Нѣкоторыя изъ колядокъ содержаніемъ своимъ напоминаютъ старинный бытъ. Складъ и напѣвъ колядокъ довольно разнообразны. Щедровки поются вечеромъ на канунѣ новаго года [1]); вечеръ этотъ называется у малороссіянъ *щедрымъ*, отъ чего произошло и названіе этого рода обрядныхъ пѣсенъ. Содержаніе ихъ въ сущности ничѣмъ не отличается отъ содержанія колядокъ: воспоминаніе о Рож. Христовѣ и наступающемъ днѣ св. Василія, а иногда о крещеніи Господнемъ, потомъ поздравленіе хозяевъ хаты съ праздникомъ, желаніе имъ здоровья и всякаго добра и, въ заключеніе, просьба о подаркѣ. Иногда щедровки не лишены художественнаго интереса [2]), отличаясь поразительною картинностью изображенія, какъ напр. слѣдующая (слышанная мной изъ устъ народа).

Ой нарѣчцѣ на Іорданѣ,
Тамъ Пречиста ризы прала,
Свого сына сповивала,
На ялынѣ колихала.
Прилетѣли три ангела,
Взяли Христа на небеса,
А небеса разтворились,
И всѣ святи поклонились
Добрый вечеръ вамъ,
Дайте пирогъ намъ,
Та неламайте цѣлый давайте. [3]).

Размѣръ щедровокъ однообразнѣе склада колядокъ: щедровки, по большей части, состоятъ изъ стиховъ въ два уда-

---

[1]) Въ Кіевской губерніи поются и на Богоявленіе [1]).

[1]) Нетолько въ кіевской, но и во многихъ мѣстахъ Бѣлороссіи. Вообще весьма многія пѣсни южнорosса и западно-росса—однѣ и тѣже. Послѣдній выселяясь изъ своихъ лѣсовъ по недостатку продовольствія, а первый укрываясь въ лѣсахъ Бѣлоруса отъ польско-іезуитскихъ притѣсненій, взаимно обобщали свои думы и пѣсни. Ред.

[2]) Многія изъ нихъ составлены школярами—піитами древней, кіевской бурсы. Ред.

[3]) Родина этой пѣсни, какъ показываетъ ея обстановка и характеръ, естъ Бѣлорусь. Ред.

ревія, сосредоточивающіяся на первыхъ слогахъ тонической стопы. Отъ этого и напѣвъ ихъ почти всегда одинъ и тотъ же; напѣвъ заключенія щедровки всегда отличенъ отъ напѣва остальной ея части.—Пѣсни русальныя, съ памятью о старинныхъ русалкахъ, поются около времени праздника Троицы, на такъ-называемой *зеленой* или *клечальной* недѣлѣ.—Купаловыя поются на народномъ праздникѣ Ивана Купала, которыму посвящается ночь съ 23-го на 24-е іюня, (день рожденія Іоанна [1]) Предтечи) сопровождаются различными обрядами, потерявшими теперь значеніе, а петровочныя, какъ самое ихъ названіе показываетъ, поются во время Петрова поста, при полевыхъ работахъ или занятіяхъ домашнихъ, а также въ свободные отъ трудовъ часы, на сельскихъ сходбищахъ.

c) *Любовныя пѣсни* изображаютъ душу украинской дѣвы подъ наитіемъ любви, душу пламенную, энергическую, умѣющую любить страстно, всѣмъ пыломъ теплаго юга. Здѣсь мы видимъ любовь, совсѣми ея наслажденіями и тревогами, радостію и печалью, постоянствомъ и измѣною, ревностію и разлукою: въ нихъ южнорусская дѣва то упрекаетъ своего мылаго, зачѣмъ онъ долго не продалъ ея, то старается продлить свиданіе съ нимъ, то горько плачетъ и жалуется ему, что идетъ за нелюбаго и предвидитъ лихую долю, то укоряетъ свою подругу, зачѣмъ та *перемовила* ея возлюбленнаго и пр. Лучшія изъ этихъ пѣсень тѣ, въ которыхъ изображается прощанье съ милымъ, главныя характеристическія черты ихъ— глубокая тоска души и безнадежность на возвратъ счастья-доли. Эти пѣсни можно назвать похоронной элегіей надеждамъ женскаго сердца.

d) *Пѣсни свадебныя* изображаютъ тревожное состояніе сердца малороссской невѣсты—дивчины въ рѣшительную минуту ея выхода замужъ. Если она выходила за милаго, избраннаго сердцемъ, то она болѣзненно заглядывала въ будущее пугливо, то просила его: не перемѣнится ли онъ къ ней, всегда ли онъ къ ней, всегда ли будетъ любить ее одинаково; а допустивъ возможность противнаго и представивъ себѣ новую среду жизни, жизни съ чужими людьми—свекромъ и золовками, она съ грустью смотрѣла на свою разлуку съ подругами, со страхомъ разставалась съ своимъ роднымъ угломъ, гдѣ ее

[3]) Чѣмъ и объясняется полуязыческое, полу—христіанское названіе народнаго праздника, особенно популярнаго и поэтичнаго въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ бѣлоруса. Ред.

окружала и лелеяла родительская любовь. Если же соединяла она судьбу свою съ *нелюбымъ*, по волѣ родительской; то къ суммѣ думъ, подымавшихся изъ глубины души и настроивавшихъ сердце и воображеніе на печальный ладъ, присоединялась новая тревога: какъ ужиться съ человѣкомъ немилымъ и привыкнуть къ его нраву? Всѣ эти переливы души, всѣ эти тревоги сердца поэтически высказались въ свадебныхъ пѣсняхъ: на каждомъ шагу вы встрѣчаете въ нихъ страхъ за будущее и сожалѣніе о настоящемъ, разрѣшающіяся слезами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, онѣ представляютъ картину торжества свадьбы, сопровождаемаго различными обрядами.

е) *Пѣсни семейно-родственныя* съ выходомъ замужъ, женщина вступаетъ въ новую сферу жизни; ее окружаетъ новая среда, въ которой она должна опредѣлить себя; вмѣстѣ съ тѣмъ она испытываетъ новыя, дотолѣ невѣдомыя состоянія души и сердца. Здѣсь начало пѣснямъ семейно-родственнымъ. Южнорусскія пѣсни этого разряда рисуютъ жизнь замужней женщины и тѣ состоянія сердца, которыя приходится ей испытывать въ слѣдствіе новыхъ родственныхъ и семейныхъ отношеній. Здѣсь вы видите картину или семейнаго житія, или же тяжкой недоли съ нелюбымъ; слышите горькія жалобы молодой невѣсты на *свекруху*, которая обременяетъ различными работами и не позволяетъ ей погулять съ прежними подругами, или на суроваго и ревниваго мужа, который *не даетъ ей воленьки, а що пере рубанцемъ;* видите молодую жену въ одиночествѣ и тоскѣ по мужѣ-чумакѣ или въ тяжкой скорби объ утратѣ милыхъ сердцу. Главный мотивъ этихъ пѣсень, со всѣми ихъ подвигами, та же грусть, которая характеризуетъ пѣсни свадебныя и отчасти любовныя. Главнѣйшія виды семейно-родственныхъ пѣсень—пѣсни *колыбельныя* и *похоронныя* [1]). Въ первыхъ поэтически изображается тревожное состояніе сердца матери при мысли о грядущей судьбѣ ея дѣтей. Главный мотивъ ихъ тревожно-скорбная дума, трепещущая за будущее. Вторыя были у малороссовъ то же, что у гре-

---

[1]) Пѣсень сатирическихъ и гулливыхъ не не поставляемъ въ особенный разрядъ, какъ дѣлаютъ это нѣкоторые изслѣдователи отечественной старины,—на томъ основаніи, что тѣ и другія, по предмету своему, относятся къ какому либо изъ разсмотрѣнныхъ разрядовъ; сатиру же и юморъ мы принимаемъ за характерическую черту поэзіи.

ковъ трены, у римлянъ неніи. Обыкновенно предметъ ихъ достоинства покойника, иногда упрекъ за его преждевременную смерть и чувство скорби, возбужденное въ сердцѣ родныхъ утратою его. Исторгаясь изъ души потрясенной горестнымъ событіемъ, какова утрата милыхъ сердцу, онѣ отличаются небрѣжностію метрическихъ условій и напѣва, и потому справедливо называются *причитаньями*. Да и требовать отъ нихъ соблюденія этихъ условій было бы противоестественно: похоронныя пѣсни суть невольное и непосредственное изліяніе растерзаннаго сердца; а въ такія минуты человѣку не до творчества и композицій. По этому метризмъ въ нихъ замѣняется невольнымъ растягиваньемъ слоговъ, происходящихъ отъ плача, музыкальность напѣва выполняется рыданіями. Въ замѣнъ того, онѣ представляютъ намъ ничѣмъ неискупаемое богатство апострофъ, сравненій и подобій, дышущыхъ всею силою и нѣжностію разбитаго горемъ сердца. Въ болѣе поэтической формѣ похоронныя пѣсни являются, отрывками, въ нѣкоторыхъ не похоронныхъ пѣсняхъ, гдѣ чувствованія скорбящаго уже объектированы, и слѣдовательно удобнѣе къ поэтическому проявленію въ звукахъ.

Обозрѣвъ южнорусскія народныя пѣсни по разрядамъ и познакомившись чрезъ то съ ихъ предметомъ и содержаніемъ, мы покажемъ теперь ихъ художественный хахактеръ. Для этого разсмотримъ ихъ параллельно съ пѣснями великорусскими.

«Есть таинственная связь между нами и міромъ насъ окружающимъ: часто во внѣшнемъ мірѣ мы выдимъ только отраженіе внутренняго состоянія души нашей, но еще чаще внѣшній міръ подчиняетъ себѣ внутреннее существо наше, настроивая насъ на свой ладъ и оставляя въ душѣ нашей глубокія слѣды.—Скудная сѣверная природа, не представляя удобства и выгодъ для внѣшняго бытія заставляетъ человѣка, прежде и болѣе всего, направлять всѣ силы на внѣшнее существованіе. Эта борьба со скупою природою, эта забота объ улучшеніи внѣшней стороны жизни, влечетъ за собою движеніе, дѣятельность и способствуетъ къ раннему и особенному развитію въ человѣкѣ мыслительной силы: въ немъ рождается догадливость, сметливость, мысль пріобрѣтаетъ остроту и силу, и человѣкъ развивается подъ непосредственнымъ господствомъ разсудка. Въ слѣдствіе же преобладанія разсудочной стороны, другія силы души—чувство и воля не достигаютъ полнаго развитія. Все это мы выдимъ въ жителѣ сѣверной Руси: воля у него строго подчинена разсчетамъ разсудка, что прекрасно вы-

ражено пословицей *тише ѣдешь, дальше будешь;* чувство его, ослабляемое разнообразіемъ внѣшнихъ впечатлѣній, неимѣющее сосредоточенности въ себѣ и находящееся подъ вліяніемъ того же практическаго разсудка, не доходитъ до степени страсти, а только чуетъ. Возьмемъ ли мы чувство религіозное, оно выражается только покорностью волѣ Божіей; чувство любви-будетъ ли это любовь мужчины или материнская, или даже любовь молодой женщины—есть только нѣжное, тонкое, такъ сказать, созерцательное чувство, и никогда почти невспыхиваетъ бурною и пламенною страстію. Тогда-когда римская или испанская дѣвушка отравляетъ соперницу или закалывается изъ заживаго, но измѣнившаго любезнаго, дѣвушка русская тихо сходитъ въ могилу отъ любви къ измѣнившему, отторгнутому родительской властью, далекому или умершему возлюбленному; одинокая и тающая, она скорѣе-изваяніе любви и грусти, чѣмъ живое существо; о ней, вмѣстѣ съ Шекспиромъ [1]), можно сказать.

Задумчива, блѣдна, въ тоскѣ глухой,
Какъ геній христіанскаго терпѣнія,
Изсѣченный на камнѣ гробовомъ,
Она глядитъ съ улыбкой на тоску.—

Подъ другими условіами развилась душа и характеръ южнаго русса. Щедро награждая труды земледѣльца, природа южная не представляла для своего жителя особенной необходимости увлекаться во внѣшнюю сторону бытія, и тѣмъ самымъ содѣйствовала къ его сосредоточенности въ самомъ себѣ и къ болѣе всестороннему развитію его внутренняго міра. Не будучи вынужденъ изощрять умъ свой надъ удовлетвореніемъ жизни, малороссъ любилъ міръ и тишину, жилъ болѣе внутри себя, и имѣлъ болѣе времени и случаевъ изощрить страсти свои. Избалованный природой, любящій покой, онъ желаніе свое поставлялъ выше расчетовъ разсудка; отъ этого и образовалась въ немъ твердая воля, развившаяся до высшаго характера во времена казачества. Чувство, неохлаждаемое въ своемъ стремленіи силою разсудка, является въ немъ на степени страсти: такъ, любовь сопровождается ревностію и простирается даже за предѣлы жизни (что очень ясно высказывается въ бесѣдахъ, обращаемыхъ къ мылымъ и роднымъ за гробомъ), любовь къ роднѣ безгранична, полна геройскаго самоотверженія.

---

[1]) „12-тая ночь“ переводъ Кронсберга.

Это различіе въ характерѣ великоросса и малоросса, прежде всего, становится очевиднымъ въ томъ дѣйствіи, какое производитъ на того и другаго пѣніе пѣсни. Великороссъ никогда не заплачетъ отъ пѣсни своей; онъ не позволитъ ей взять надъ собою верхъ; если же заунывный ея напѣвъ сталъ шевелить его грудь, онъ тотъ часъ обыкноаенно переходитъ на веселую плясовую пѣсню—съ тѣмъ, чтобъ заглушить свое чувство, переменить и разсѣять себя. Малороссъ, напротивъ, любитъ весь предаться своему ощущенію, и пѣсня нерѣдко растрогиваетъ его до слезъ.

Этотъ же характеръ, совершенно отлично образовавшійся въ великороссѣ и малороссѣ, отразился въ ихъ пѣсняхъ и наложилъ на нихъ особенную печать свою.

Такъ, въ великорусскихъ народныхъ пѣсняхъ главный предметъ никогда почти не высказывается со всею полнотою; большая часть пѣсни представляетъ околичности, живописуетъ съ особенною подробностію предметы посторонніе. Это отъ того, что великороссъ, съ душею, направленной ко внѣшней жизни, прежде чѣмъ начнетъ воспѣвать поразившій еге предметъ, отдѣляетъ его отъ своего сердца, поставляетъ его въ внѣшнемъ мірѣ, смотритъ на него какъ на предметъ посторонній, любуется имъ и, склонный къ движенію, обращаетъ свое чувство къ другимъ предметамъ, постороннимъ, которые находятся съ главнымъ, въ какомъ либо отношеніи гармоніи, а эта переходчивость отъ одного предмета къ другому мѣшаетъ сосредоточенности чувства необходимой для полной обрисовки предмета. Въ поэзіи южнорусской, напротивъ, предметъ, служащій содержаніемъ пѣсни, высказывается съ разлизныхъ сторонъ, со всею полнотою. Это потому, что малороссъ, по своей сосредоточенной натурѣ, ни на минуту не отрывается отъ своего предмета,—онъ постоянно лежитъ у него на сердцѣ; если же и попадаются предметы, гармонирующіе съ его душевнымъ состояніемъ, то онъ не забываетъ изъ-за нихъ своего продмета главнаго, а употребляетъ ихъ какъ средство для яснѣйшаго выраженія его. По той же причинѣ, что душа великоросса направлена ко внѣшней жизни, и поэзія его имѣетъ характеръ былевой, историческій: здѣсь мы встрѣчаемъ на каждомъ почти шагу повѣствованія и описанія; изображеніе предметовъ по большей части, въ прошедшемъ времени. Напротивъ того, южнорусская поэзія, въ слѣдствіе большаго ризвитія внутренней жизни народа, имѣетъ характеръ драматическій: повѣствованія и опи-

санія въ ней коротки, событіе представляется какъ бы совершающимся передъ глазами. Поэзія великорусская, какъ направленная на внѣшнюю сторону бытія, бѣднѣе; малороссійская же, какъ выраженіе внутренняго міра, богаче и разнообразнѣе, та есть поэзія внѣшняя, предметная, обьективная, а эта— поэзія субьективная, задушевная. *Ем. Бѣлобровъ.*

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

ПРОТИВОДѢЙСТВІЕ ПРАВОСЛАВНАГО ДУХОВЕНСТВА ПОЛЬСКО-КАТОЛИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДѢ ВЪ ЗАПАДНОЙ И ЮГО-ЗАПАДНОЙ РОССІИ, ВЪ 1863 ГОДУ.

Православное духовенство юго-западной и западной Россіи, съ открытіемъ польскаго мятежа въ 1863 году, очутившись вблизи самаго, такъ сказать, поля дѣйствій мятежниковъ, ясно понимало цѣль ихъ замысловъ и потому не могло не предвидѣть тѣхъ бѣдствій, какія имѣли обрушиться, въ случаѣ ихъ успѣха, на всѣхъ русскихъ православныхъ, и прежде всего на православное духовенство. И оно дѣйствительно не осталось холоднымъ, безучастнымъ зрителемъ этихъ событій. Воодушевленною преданностію Всероссійскому Монарху и церкви православной, оно постоянно, съ энергіей и самоотверженіемъ, противодѣйствовало крамольникамъ, сообразно своему званію и положенію въ приходахъ.

Затѣявъ мятежъ въ областяхъ русскихъ, даже по большинству народонаселенія русскаго, гдѣ народъ любитъ свою мѣстность за то, что она — Россія, и преданъ царю и православной вѣрѣ,—коноводы возстанія старались и здѣсь, подобно какъ въ Польшѣ, подготовить почву для своихъ дѣйствій и сыскать себѣ въ мѣстномъ народонаселеніи союзниковъ и сторонниковъ, и чрезъ нихъ поставить весь народъ въ такое положеніе, въ которомъ онъ не могъ бы или не хотѣлъ противодѣйствовать замысламъ и дѣйствіямъ крамольниковъ. Для достиженія этой цѣли, они усиливалались, если не подавить, то, покрайней мѣрѣ, ослабить русскую народность въ этихъ областяхъ,—по возможности, ***ополячить*** русскій народъ.

Взявшіеся за это преступное дѣло располагали огромными средствами. На ихъ сторонѣ были: сила богатства и власти, искуство лжи и обмана, и опытность, доставшаяся имъ отъ предковъ въ интригахъ всякаго рода. Рѣшившись на мятежъ, агитаторы его ничѣмъ не стѣснялись: то унижали народъ до степени безотвѣтныхъ животныхъ, мучили, терзали его, чтобы сдѣлать его послушнымъ своимъ орудіемъ, то сами унижались предъ народомъ, — ласкали его, угождали ему, брататись съ нимъ, соблазняли его льстивыми словами, подкупомъ, щедрими обѣщаніями. Но несмотря на все это, когда открылся мятежъ, — русскій народъ не только не сочувствовалъ и не оказалъ никакого содѣйствія крамольникамъ; но всѣми средствами смѣло и съ самоотверженіемъ противодѣйсвовалъ ихъ преступнымъ замысламъ и варварскимъ дѣйствіямъ.

Отъ чего же, въ самомъ дѣлѣ, вопреки ожиданіямъ польскихъ мятежниковъ, простой, темный народъ русccкій оказалъ имъ такое энергическое противодѣйсгіе? Главною причиною совершенной неудачи польской пропаганды въ этомъ дѣлѣ, по сознанію самихъ же поляковъ, было православное духовенство. Попы схизматическіе (т. е. православные священники), говорятъ и пишутъ поляки, несмотря на то, что народовый жондъ употреблялъ всѣ усилія, во чтобы-то ни стало, склонить ихъ на свою сторону, — ожесточили и подняли противъ Польши все сельское населеніе [1]).

Огромная услуга Россіи православнаго юго-западнаго и западнаго духовенства, во время польскаго мятежа, состояла во-первыхъ въ томъ, что оно, и почти оно одно, сохранило, поддержало и укрѣпило русскую народность въ сельскомъ русскомъ населеніи этого края, имѣющемъ несчастіе жить среди поляковъ, зависѣть отъ нихъ во многомъ, и непрестанно, на каждомъ шагу подвергаться напору польско-католической пропоганды, стремящейся ополячить русскій народъ; во-вторыхъ — въ томъ, что духовенство во-время успѣло и съумѣло объяснить народу хитрыя дѣйствія агитаторовъ мятежа и показать цѣль ихъ замысловъ.

Вѣрные своему призванію, православные священники и примѣромъ жизни, и словомъ убѣжденія въ домашнихъ разго-

---

[1]) № 6 Pracy na Podolu. „День“ 51-й № 1863 г.

ворахъ и въ бесѣдахъ съ церковной каѳедры возбуждали въ народѣ любовь къ родной православной Россіи, съ которою онъ соединенъ единствомъ крови, обычаевъ, языка и вѣры, и отвращеніе къ неправославной, р. католической Польшѣ, которая на страницахъ исторіи русской записала свою жестокую вражду противъ всего русскаго, православнаго. Они, раскрытіемъ историческихъ событій, укрѣпляли въ народѣ убѣжденіе, что его счастіе и благоденствіе—въ силѣ и могуществѣ родной Россіи, а въ отдѣленіи отъ нея ожидаютъ народъ тѣ бѣдствія и страданія, которыя терпѣли его отцы и дѣды. Раскрывая ученіе вѣры о помазанникахъ Божіихъ они внушали неизмѣнную вѣрность вѣрноподданнической присягѣ и преданность предежащей власти, учиненной отъ Бога. Они воспоминали благодѣянія, изливавшіяся на народъ отъ престола царскаго, особенно же часто и съ увлеченіемъ благодарной любви говорили о безпримѣрной милости благосердаго Государя, которую онъ сдѣлалъ народу, манифестомъ отъ 19-го февраля 1861 года. Такимъ образомъ православные священники возбуждали въ облагодѣтельственномъ народѣ живѣйшую благодарность къ Царю—Освободителю, ненависть къ его врагамъ, и готовность охотно, по одному Его слову, умереть въ борьбѣ съ этми врагами. Понимая, что просвѣщеніе народа въ духѣ русской народности и православія есть одно изъ вѣрныхъ средствъ отдалить народъ навсегда отъ Польши и судьбу его связать съ судьбами Россіи неразрывными узами, правосланое духовенство всегда заботилось о просвѣщеніи народа, какое для него возможно и необходимо; особенно же оно занялось этимъ дѣломъ тогда, когда панскій произволъ не могъ запретить народу учиться грамотѣ. Дѣятельность духовенства въ обученіи народа доказывается огромнымъ числомъ приходскихъ школъ, имъ устроенныхъ въ весьма короткое время, и тысячами обучающихся въ нихъ дѣтей мужескаго и женскаго пола, а усердіе духовенства въ семъ дѣлѣ—тѣми жертвами, которыя оно довольно приносило и приноситъ образованію народа. Оно отдавало этому дѣлу не только трудъ свой и время, но и часть своего скуднаго достоянія. Оно помѣщало школы въ своихъ бѣдныхъ, тѣсныхъ жилищахъ, покупало необходимые для обученія предметы: книги, бумагу, карандаши и пр., нанимало иногда на собственныя деньги помощниковъ себѣ по школѣ.

Такими и подобными дѣйствіями, внушенными сознаніемъ своихъ обязанностей и горячею любовію къ отечеству, къ царю и къ православной церкви, духовенство наше успѣло сохранить, поддержать и укрѣпить въ сельскомъ населеніи западнаго и юго-западнаго края Россіи русскую народность, или тѣ коренныя свойства нашего народнаго духа, которыя милліоны русскаго народа соединяютъ узами братства въ одну родную семью, и служатъ крѣпкимъ основаніемъ несокрушимой силы и вліянія Россіи.

Агитаторы мятежа вели дѣла свои хитро, и тщательно скрывали отъ народа подлинную цѣль своихъ замысловъ. Они прикидывались друзьями своихъ бывшихъ рабовъ и радѣтелями ихъ благосостоянія, и въ будущемъ сулили народу золотыя горы, — неприкосновенность языка и вѣры, совершенную свободу отъ всѣхъ государственныхъ повинностей, надѣлъ землею безъ всякаго вознагражденія, права шляхетскія и прочія блага. Но народъ не поддался обману, не прельстился великолѣпными обѣщаніями, потому что *предостеренъ* былъ православными священниками. Они помогали народу узнать хищныхъ волковъ въ овечьей кожѣ и злыхъ дѣлателей во образѣ ангеловъ свѣтлыхъ. Они доказали, что всѣ слова, дѣла и обѣщанія польскихъ агитаторовъ — ложь и обманъ. Они доказали, что русскій православный народъ, если только попадается онъ въ руки фанатической Польши, ожидаетъ безъисходное рабство, лишеніе имущества, безчестіе женъ и дочерей, варварскія истязанія, преслѣдованіе роднаго языка и вѣры православной и прочія самыя тяжкія бѣдствія. Простой народъ западнаго и юго-западнаго края Россіи «привыкъ видѣть въ священникахъ не только духовныхъ отцевъ, но и разумныхъ совѣтниковъ и помощниковъ, которые всегда жили жизнію меньшихъбратій и раздѣляли добрыя и худыя стороны его быта» [1]. И потому съ открытымъ и довѣрчивымъ сердцемъ внималъ своимъ отцамъ духовнымъ, вѣрилъ словамъ ихъ и убѣжденіямъ и разгорался непримиримою ненавистію къ бывшимъ своимъ мучителямъ.

Такъ дѣйствовало православное духовенство въ юго-западной и западной Россіи въ то время, когда агитаторы возстанія подготовляли мятежъ въ этихъ странахъ. Результатомъ

---

[1]) „День“ № 50-й 1863 г.

этой дѣятельности было то, что *все сельское населеніе ожесточилось и поднялось противъ Польши*, когда она сама открыто осмѣлилась поднять знамя бунта противъ Россіи на русской землѣ.

Открылся мятежъ, сопровождавшійся насиліями всякаго рода, варварскими истязаніями и мучительною смертію тѣхъ, кто сочувствовалъ Россіи и не хотѣлъ быть сторонникомъ Польши. Такими же муками и смертію грозили мятежники и священникамъ православнымъ, если они осмѣлятся противодѣйствовать имъ и возбуждать народъ противъ нихъ. И надъ нѣкоторыми достойными служителями алтаря исполнили дѣйствительно свои угрозы, въ предостереженіе прочихъ. Такъ приняли мученическую смерть отъ рукъ безчеловѣчныхъ варваровъ: о. Прокоповичъ, о. Конопасевичъ, о. Рапацкій, дьячекъ Іозефовичъ... Но вѣрное своему высокому призванію, православное духовенство въ это время, какъ и всегда, свято исполняло обязанности, возложенныя на него пастырскимъ саномъ, отечествомъ и вѣрноподданническою присягою къ православному Императору русскому. Оно явилось готовымъ положить душу свою за пасомыхъ своихъ, по слову и по примѣру своего Пастыреначальника Православное духовенство сообщало начальству полѣзные свѣденія о мятежникахъ; доносило о ихъ сборищахъ, указывало мѣстности, гдѣ проходили и куда укрывались мятежныя банды, средства, которыми онѣ располагали, ихъ намѣренія и планы,—словомъ, чѣмъ могло, способствовало правительству открывать, преслѣдовать и истреблять возмутителей. Хорошо зная сельскихъ администраторовъ, оно доносило начальству о ненадежныхъ и злонамѣренныхъ, и такимъ образомъ лишало этихъ господъ возможности дѣйствовать въ пользу Польши, находясь въ русской службѣ, и отнимало у мятежа рьяныхъ и полезныхъ для него слугъ И для народа въ это несчастное время православные священники были почти единственными руководителями и наставниками, какъ быть и что ему дѣлать. Къ нимъ обращались за совѣтами и получали отъ нихъ наставленія не одни православные, но и католическіе поселяне [1]. Священники убѣждали своихъ прихожанъ не внимать

---

[1]) Къ одному православному священнику въ ковенской губерніи, пишутъ „Литов. Епарх. Вѣдомости“, приходили крестьяне ка-

льстивымъ обѣщаніямъ искусителей и не поддаваться ихъ насиліямъ, — вооружаться кто чѣмъ можетъ, умирать, если то неизбѣжно, но не поддаваться врагамъ; содѣйствовать войскамъ въ преслѣдованіи и пораженіи бандъ, отыскивать по лѣсамъ бунтовщиковъ, учреждать караулы по селамъ, брать людей подозрительныхъ и пр. Такимъ образомъ, во многихъ селахъ, по совѣту священниковъ, учреждены были караулы прежде, нежели правительство образовало сельскую стражу.

Открыто противудѣйствуя мятежу, во главѣ народа, православные священники во многихъ случаяхъ высказали истинное величіе христіанскаго духа и геройскую неустрашимость. Когда мятежники заставляли священниковъ читать народу золотыя грамоты, тогда—иные рѣшительно отказывались отъ сего и не хотѣли брать въ руки этихъ мятежническихъ бумагъ, иные же читали, но тутъ же объявляли народу, что этимъ грамотамъ вѣрить не должно, что все, написанное въ нихъ, ложь и обманъ, или же разрывали ихъ въ мелкіе куски и бросали на землю съ презрѣніемъ; и все это дѣлали въ виду вооруженныхъ крамольниковъ, грозившихъ истязаніемъ и смертію непокорнымъ. Къ одному священнику мятежники принесли польское воззваніе къ народу, чтобы онъ прочиталъ это мятежное воззваніе въ своей приходской церкви, въ первое воскресеніе, и при этомъ объявили, что они сами придутъ въ церковь, чтобы видѣть, какъ будетъ исполнено ихъ требованіе. И дѣйствительно, въ воскресенье паны пришли въ церковь слушать, какъ православный священникъ въ православной церкви будетъ читать польскую прокламацію русскому народу. По окончаніи обѣдни, священникъ вышелъ на амвонъ. «Знаете ли, христіане, сказалъ онъ, какой у насъ сегодня особенный праздникъ? Къ намъ пришли въ церковь паны, прежде не ходившіе къ намъ никогда. А знаете, чѣмъ еще замѣчателенъ этотъ день? Мнѣ приказано объявить вамъ, чтобы вы измѣнили нашему Царю... Мнѣ приказали вотъ эти паны, что пришли въ церковь смо-

толики смежныхъ съ его приходовъ селеній просить совѣта, какъ поступать имъ. На вопросъ священника—почему они не обращаются къ своему ксендзу, крестьяне отвѣтили: „наши ксендзы за одно съ панами играютъ въ карты и бунтуются. Мы имъ не хочемъ служить. Просимъ васъ, духовный отче, научить насъ“.

трѣть, буду ли я читать вамъ ихъ грамоту»... Пановъ, разумѣется, тутъ же перевязали и отправили куда слѣдуетъ [1]). Къ одному священнику пришли мятежники, съ намѣреніемъ повѣсить его. Узнавши объ этомъ, онъ вышелъ къ нимъ на крыльцо съ крестомъ въ рукахъ, и, указывая на крестъ, сказалъ: «вотъ мое оружіе противъ вашего! Если желаете невинной жертвы, то дѣлайте, что хотите! Господи прости имъ, невѣдятъ бо что творятъ». Такой поступокъ и слова до того поразили инсургентовъ, что они не посмѣли исполнить своего намѣренія и ушли торопливо [2]). Еще одинъ случай. Къ одному священнику, пишутъ въ «Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ», ворвался однажды вооруженный повстанецъ. Священникъ въ это время молился, приготовляясь къ священнодѣйствію. Вошедшій приблизился къ молящемуся и грозилъ убить его, жену, малолѣтняго сына и сжечь церковь. »Не трать заряда, спокойно и кротко отвѣчалъ на угрозу служитель Божій. Убей кулакомъ беззащитнаго, но помни, что кровь, пролитая невинно, будетъ взывать къ Богу объ отмщеніи« [3]). Преступникъ остолбенѣлъ. Совѣсть въ немъ пробудиласъ, онъ схватилъ руку неустрашимаго священника, поцѣловалъ ее и заплакалъ. [4]). Подобнаго рода примѣры неустрашимости и геройства православныхъ священниковъ, во время польскаго мятежа, — а ихъ было немного, — свидѣтельствуютъ о томъ, какъ духовенство наше безгранично предано отечеству, съ какимъ самоотверженіемъ противодѣйствовало и будетъ всегда противодѣйствовать польско-католической пропагандѣ.

События показали, что православные священники, главные представители русской народности въ западной и юго-западной Россіи, были и суть главные поборники духовнаго и политическаго единства этого края съ остальною Россіею, и «единственная быть можетъ поддержка русской народности», [5]; что «въ этихъ странахъ держалась и держится русская стихія

---

[1]) „День“, № 31-й 1863 г.

[2]) Тамъ же.

[3]) Вѣст. юго-зап. и зап. Рос. за октяб. 1863 г.

[4]) С.-петер. Вѣд. 1863 г. № 285.

[5]) Пис. миров. поср. вилейскаго уѣз. въ № 48 „Дня“.

только православною церковію и ея служителями» [1]; что здѣсь «единственнымъ стоятелемъ за интересы народа и за русскую народность было духовенство, неизмѣнный товарищъ народа въ теченіе долгихъ вѣковъ угнѣтенія, позора и всевозможныхъ страданій»; что оно же и теперь служитъ главнымъ орудіемъ возрожденія народа къ гражданской жизни и укрѣпленія въ немъ сознанія народности и единства со всею Россіею. Такъ, само въ себѣ православное духовенство имѣетъ всѣ условія служить возрожденію народа западнаго и юго-западнаго края Россіи къ гражданской жизни и къ укрѣпленію въ немъ сознанія народности и единства со всею Россіею. Для того, чтобы православное духовенство съ успѣхомъ продолжало служить въ этихъ областяхъ дѣлу русской народности и приносило отечеству ту пользу, какую оно можетъ и усиливается приносить, необходимо, во-первыхъ, дать ему достойное и почетное положеніе въ обществѣ, которое оно можетъ и должно занимать и по своему сану, и по нравственнымъ качествамъ, и по своему образованію, чтобы избавить его отъ того тягостнаго и незаслуженнаго униженія, отъ того неестественнаго и вреднаго контроля всякаго чина, со включеніемъ сельскаго писаря, который парализируетъ дѣятельность священниковъ, убиваетъ ихъ энергію, ослабляетъ ихъ вліяніе на народъ. Для этой цѣли, во-первыхъ, необходимо оставить ту «несчастную мысль», по которой до сихъ поръ отстраняли православное духовенство отъ участія въ общественной и гражданской жизни народа. Отдѣлять дѣтей отъ ихъ духовныхъ отцевъ—дѣло неестественное и чрезвычайно вредное, какъ показалъ опытъ. Въ видахъ пользы для общества и государства, если не будутъ ограничивать отношеній священниковъ къ народу только требоисправленіемъ и религіознымъ его воспитаніемъ, если введутъ ихъ въ общую народную жизнь, дадутъ право и вмѣнятъ въ обязанность быть общниками, совѣтниками и наставниками народа во всемъ, что касается его общественной и гражданской жизни, и защитниками его правъ, въ случаѣ нужды, то они еще болѣе приблизятся къ народной жизни, и своимъ вліяніемъ на народъ принесутъ, безъ сомнѣнія, чрезвычайную пользу обществу и государству. Это можетъ быть опасно

[1] „День“ № 49 на 1863 годъ.

только для тѣхъ, которые обманываютъ, притѣсняютъ народъ, пользуясь его незнаніемъ гражданскихъ правъ, его запуганностію, его беззащитностію предъ сильными міра.

(Рук. Сел. Паст).

Свящ. **М. Б—въ.**

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БРАЦЛАВА.

Въ декабрской книжкѣ «Вѣстника» мы встрѣтили статью, слегка указывающую, какъ недобросовѣстно обращаются иногда съ печатнымъ словомъ и глумлятся надъ человѣческою «совѣстію» люди, отстаивающіе моды на чамарки и другіе революціоные аттрибуты, во имя «чувства самосохраненія». Посмотримъ съ съ своей точки зрѣнія на статьи «Голоса» (№ № 297 и 331—1863 г.) и вызванное ими чрезвычайно скромное заявленіе о. Булаловскаго, и выскажемся по тому же предмету сообразно требованію истины.

Въ № 331-мъ «Голоса», въ статьѣ подъ заглавіемъ «Брацлавъ», мы надѣялись найти что нибудь знакомое намъ, приготовились пріятно увидѣть въ ней знакомаго подольскаго корреспондента, всегда добросовѣстно говорившаго непритворную, русскую правду. Но горько ошиблись мы въ своемъ ожиданіи, будучи поражены первыми строками, направленными прямо противъ него какою-то нечестною рукою. Прослѣдивъ, однакожъ, этотъ анонимъ до конца, мы смекнули, наконецъ, въ чемъ тутъ дѣло. Мы увидѣли, что въ защиту» пустился кто-то на эту штуку, и подумали: «не описанная ли въ № 297 «Голоса» подольскимъ же корреспондентомъ «свадебная чамарка» поспѣшила заявить свое «чувство самосохраненія» и запоздалый «долгъ совѣсти»? Намъ такъ и навернулась на мысль извѣстная малороссійская пословица: «злодиіови шапка горыть».

Это убѣжденіе основано прежде всего на томъ, что все сказанное въ письмѣ слишкомъ не логично и ложно; теоріи и пріемы изложенія вынесены прямо изъ іезуитской школы, вылились на бумагу подъ вліяніемъ польскаго катихизиса, а что всего хуже, въ письмѣ проглядываетъ духъ польскаго пропагандиста. Постараемся поближе присмотрѣться къ этому новому произведенію модной пропаганды.

Приступая къ письму, авторъ, какъ видно, нечаянно разминулся съ истиною, употребивъ, для защиты своей, обвиненіе брацлаво-подольскаго корреспондента въ припадкѣ ложнаго настроенія, вслѣдствіе котораго послѣдній будто бы оклеветалъ жителей бѣднаго города, искони отличавшихся мирными нравами и преданностію августѣйшему Монарху. Припадокъ, какъ явленіе патологическое, есть уже явленіе не естественное, и потому не долженъ бы возбуждать ни гнѣва, ни досады, какія проглядываютъ въ каждой строкѣ «Письма изъ Брацлава». Чтожъ послѣ этого слѣдуетъ сказать о припадкѣ, подъ вліяніемъ котораго красноглагольствуетъ авторъ этого письма, увѣряя насъ, что брацлавскій корреспондентъ оклеветалъ жителей цѣлаго города? Это обвиненіе въ клеветѣ, въ свою очередь, есть самая гнусная клевета. Мы со вниманіемъ слѣдили за подольскимъ корреспондентомъ, и вездѣ въ статьяхъ его видѣли сущую правду, вѣрный взглядъ на явленія туземной жизни, безъ ложнаго воодушевленія и ложнаго патріотизма. Зная основательно г. Брацлавъ, мы согласимся, что онъ бѣденъ, но не жизненными средствами, а, нужно сказать правду, людьми твердо-русскаго духа, не смотря на то, въ немъ довольно православныхъ. Есть между ними около 5 отставныхъ военныхъ людей, истинно преданныхъ Россіи, Престолу и православію, около 4 чиновниковъ гражданскаго вѣдомства, тоже вѣрныхъ своему долгу и преданныхъ службѣ; о мѣщанскомъ-же и еврейскомъ сословіяхъ нечего и говорить: одни заняты торговлею, другіе мелкимъ промысломъ. Что касается администраціи, то къ ней нелѣпо было бы относить слова: «отличается администрація мирными нравами и преданностію своему августѣйшему Монарху». Что ей оставалось бы дѣлать на службѣ съ противными стремленіями? Но все таки мы спросимъ (и не безъ основанія) автора письма изъ Брацлава: за-что и по какимъ причинамъ въ самомъ Брацлавѣ произведено нѣсколько обысковъ и даже серьозныхъ арестовъ лицъ, искони отличавшихся мирными нравами и преданностію своему Монарху»?!... Намъ самимъ приходилось не разъ въ Брацлавѣ подмѣчать мысли и доводы, далеко не русскія, исходившія изъ устъ лицъ облеченныхъ довѣріемъ правительства; не разъ мы уже мялись, почему до сихъ поръ подобные люди дѣйствуютъ на молодые умы въ городѣ, а не въ лѣсу, и почему никто изъ «недрем-

лющихъ властей» не поставилъ ихъ доселѣ предъ судомъ закона?

Почтенный авторъ, спѣша сказать нѣсколько словъ (вѣроятно) въ свою защиту, говоритъ за тѣмъ, что это онъ дѣлаетъ, «по чувству самосохраненія и по долгу совѣсти». Чувство самосохраненія явленіе естественное, никто не можетъ быть себѣ врагомъ и самоубійцею: и животнымъ безсмысленнымъ свойственно чувство самосохраненія; но въ разумномъ существѣ это чувство не всегда безукоризненно. Что касается долга совѣсти, то авторъ, очевидно, мистифицируется: трудно же, въ самомъ дѣлѣ, согласить съ долгомъ совѣсти проповѣдуемую безъ зазрѣнія ея ложь. Но для того, чтобы свободнѣе провести въ печати и какъ-нибудь замаскировать ее, авторъ пустился въ лесть: «въ любимой *дескать* нашей газетѣ «Голосъ» мы привыкли слышать только человѣческіе голоса. ..» Что нужно разумѣть подъ этитъ многоточіемъ? Почему бы не сказать всего и договорить все, что было на сердцѣ? Жаль! Видно, на польскій языкъ извѣстная русская пословица: «хлѣбъ-соль ѣшь а правду рѣжь», не переводится; а потому мы въ правѣ угадывать въ авторѣ письма либо ляхо-мана, либо кровнаго поляка. [1]) Намъ не безъизвѣстно, кто въ Брацлавѣ выписываетъ «Голосъ», и кто, по милости коммунизма подписчиковъ, безвозмездно любуется этимъ хамелеономъ нашей прессы. Угадавъ-же автора письма, смѣло заявляемъ, что онъ симпатизируетъ болѣе подпольной прессѣ, питая полное отвращеніе къ русской печати, и отозвался въ послѣдней, «по чувству лишь самосохраненія», но отнюдъ не по долгу совѣсти.

Далѣе говоритъ авторъ, «положа руку на сердце», что касательно преобладанія польскаго элемента въ Брацлавѣ, подольскій корреспондентъ крайне ошибается. Неужели авторъ думалъ, что ему такъ-таки и повѣрятъ, если онъ скажетъ: «положа руку на сердце»? У кого сердце чисто, тотъ не станетъ całować nóżek у газеты, въ которой хочется ему затмить ясное дѣло. Вслѣдствіе какихъ, наприм., причинъ, большинство носило трауръ и модныя чамарки? Почему и теперь еще въ домахъ православныхъ чиновниковъ не вездѣ перестали говорить по польски, не говоря уже о канцеляріяхъ и присут-

---

[1]) Это видно уже и изъ того, что онъ, называетъ „Голосъ" любимою газетою. Ред.

ственныхъ мѣстахъ? Не въ Браплавѣ ли недавно былъ случай, показывающій, какъ точно иногда выполняются здѣсь распоряженія правительства? Въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ представитель его заговорилъ съ вошедшимъ ксендзомъ [1]) по польски; канцелярскій чиновникъ [2]) того же мѣста протестовалъ противъ этого. Ксендзъ вышелъ. И что же вышло? Чиновникъ, спустя нѣкоторое время, подвергся гоненію. Выведенный изъ терпѣнія, онъ наконецъ сдѣлалъ доносъ, за который и выключенъ изъ службы, съ прибавленіемъ: «впредь никуда не принимать». Да что и говорить о «недремлющихъ мѣстныхъ властяхъ», у которыхъ въ домахъ польскій языкъ предпочитается русскому и всѣ обычаи носятъ польскій отпечатокъ! Далѣе авторъ говоритъ «почти половина нашихъ чиновниковъ р. католики, но всѣ они заняты своимъ дѣломъ, остаются вѣрными своему долгу и присягѣ, и не имѣютъ ничего общаго съ революціоннымъ комитетомъ». Далеко не «почти половина», а равно цѣлыхъ девять частей чиновничества—р. католики, поляки и православные ляхо-маны. Авторъ промолчалъ о той разницѣ, какая бываетъ весьма часто между р. католикомъ и полякомъ. Можно быть р. католикомъ по религіи, но по духу русскимъ, и на оборотъ, можно быть по религіи православнымъ, но по духу полякомъ, т. е. ляхоманомъ, ренегатомъ, которыми не бѣденъ и Браплавъ, начиная хоть-бы съ г. К., вѣнчавшагося въ чамаркѣ. Что чиновники р. католики вѣрны теперь своему долгу и присягѣ, и не имѣютъ ничего общаго съ революціоннымъ комитетомъ, съ этимъ мы хотѣли бы согласиться. Но спросимъ, однакожъ, за чѣмъ это чиновники поляки, съ самаго начала польскаго возмущенія, вдругъ отдѣлились отъ русскихъ? Образовали свои кружки, другъ друга только посѣщаютъ и встрѣчаютъ и провожаютъ другъ друга вздохами. За чѣмъ ихъ жены носили трауръ, а они сами чамарки и проч? Зачѣмъ они такъ нагло, такъ повелительно смотрѣли въ глаза русскимъ? Вотъ еще фактъ: чиновникъ полякъ хотѣлъ пригласить для новорожденнаго ребенка своего крестнымъ отцомъ русскаго чинов-

---

[1]) Ксендзъ Ж.

[2]) Чиновникъ В. Желательно было бы, чтобы наша администрація, по долгу правосудія и уваженія къ патріотическому поступку этого чиновника, обратили на это обстоятбльство надлежащее вниманіе. Ред.

ника. Ксендзъ, узнавъ объ этомъ, разсвирѣпѣлъ, сдѣлалъ ему выговоръ и рѣшительно запретилъ своему прихожанину исполнить это намѣреніе. Послѣ этого нужно быть слѣпымъ и крайне ограниченнымъ, чтобы не видѣть, какъ чиновники р. католики и поляки вѣрны своему долгу и присягѣ, и на сколько они состоятъ въ разладѣ съ тайными распоряженіями революціоннаго комитета.

По нашему разумѣнію, если подольскій корреспондентъ основывалъ народность на покроѣ платья, то въ этомъ онъ нисколько не ошибся. Кромѣ того, мы думаемъ, что у него были и другія основанія къ ясному пониманію народности, которыя не разъ уже были имъ высказываемы. А упомянувъ въ своей корреспонденціи о женихѣ въ чамаркѣ, онъ нисколько не поступилъ злонамѣренно, или противъ совѣсти. Сколько мы понимаемъ это, женихъ, вѣнчавшійся въ чамаркѣ, не смѣетъ быть въ претензіи на того, кто подхватилъ печатно этотъ маскарадъ и опредѣлилъ его значеніе. А тѣмъ болѣе не смѣетъ никто изъ русскихъ защищать его. Чамарка—платье, присвоенное извѣстному сорту людей, т. е. лѣснымъ героямъ, повстанцамъ, вѣшателямъ и тому подоб. сброду. Прилично ли было приступать къ таинству брака въ такой не приличной одеждѣ? Почему же никто изъ русскихъ *собственно* чиновниковъ не носилъ чамарокъ, если это дѣло моды? Да и сказать правду, поклоненіе модамъ для бѣдняковъ, какими изображаетъ защитникъ чамарокъ жителей Брацлава, *въ томъ числѣ и себя*, есть дѣло болѣе чѣмъ неблагоразумное, особенно при совершеніи таинства. Ужъ если слагать въ этомъ дѣлѣ вину на моду, то извѣстный женихъ непремѣнно явился бы къ браку во фракѣ. Авторъ письма увѣряетъ насъ, что ношеніе чамарокъ можетъ имѣть политическое значеніе только въ Варшавѣ, а не въ Брацлавѣ, подкрѣпивъ свою мысль еще тѣмъ, что въ то время, т. е. когда *онъ вѣнчался* въ чамаркѣ, не было ограниченія костюмовъ со стороны правительства. Это, въ самомъ дѣлѣ, слишкомъ ужъ модная уловка. Не составляетъ ли она у автора «слѣдствія индивидуальныхъ выгодъ?..» (№ 331-й Голоса). Если бы ношеніе чамарокъ и траура въ Брацлавѣ, въ самомъ дѣлѣ, не имѣло политическаго значенія, то къ чему бы и запрещать эти маскарады правительству? Странная какая-то у него логика!

Удивляется авторъ еще, почему подольскій корреспондентъ не считаетъ себя ополячившимся, если выплясываетъ польку, (*) либо разыгрываетъ мазурку? Намъ неизвѣстно, выплясываетъ ли подольскій корреспондентъ, либо играетъ на чемъ. Но доводъ автора болѣе чѣмъ забавенъ. На основаніи его, пожалуй, можно завербовать въ общество ляхомановъ все почти человѣчество стараго и новаго свѣта.

Далѣе: «почтенный корреспондентъ (подольскій)», говоритъ онъ—(изъ Брацлава), «сознавая, вѣроятно, всю нелогичность своихъ донесеній, подкрѣпилъ ихъ догадкою о пропагандѣ вымы-«шленныхъ ксендзовъ и выдумкою о посѣщеніи костела (минуя «церковь) православными жителями нашего города. Если бы «что-нибудь подобное происходило въ Брацлавѣ, то, повѣрьте, «зналъ бы объ этомъ весь городъ, а скорѣе всего извѣстно «это было бы не дремлющимъ мѣстнымъ властямъ». Сколько мы слѣдили за корреспонденціями «изъ Подоліи», признаемся чистосердечно, въ нихъ видѣли свѣдѣнія вѣрныя, фактическія, и нисколько не подозрѣвали донесеній, направленныхъ противъ лица, съ цѣлію нанести вредъ. Кому неизвѣстно, что настоящимъ польскимъ мятежемъ заправляютъ ксендзы? Они, какъ рычаги, двигаютъ имъ; за доказательствами не нужно далеко ходить: возьмите любую русскую газету, и вы найдете тысячи фактовъ, подтверждающихъ эту истину, да и подъ рукой есть доказательства: лодыжинскій ксендзъ Тамицкій давненько уже отправился на сѣверъ охлаждать свой патріотическій жаръ, а немировскій ксендзъ Ключевскій собирается сдѣлать ему компанію. Православные жители г. Брацлава теперь собственно прекратили посѣщенія костеловъ. Но что ходили до недавняго времени, это аксіома. Кто имѣлъ жену польку, тотъ, въ угоду ей, спѣшилъ въ костелъ съ дѣтьми почти всегда; тогда какъ жены ихъ никогда не посѣщали церкви православной, «въ виду недремлющихъ мѣстныхъ властей». Если бы эта почтенная власть не дремала, быть можетъ, мы не имѣли бы вовсе необходимости разоблачать клевету автора письма.

Если подольскій корреспондентъ указалъ на нѣкоторый недостатокъ образованія въ чиновникахъ брацлавскихъ, то мы, съ своей стороны, смѣло добавимъ, что это замѣчаніе еще слиш-

(*) Развѣ полька есть танецъ польскій?!!

комъ скромно. Но что касается вопроса автора: «развѣ только тотъ человѣкъ считается образованнымъ, который кончилъ курсъ въ гимназіи, или университетѣ?» Мы можемъ сказать ему, что всѣ здравомыслящіе люди доселѣ полагали, что окончившіе курсъ въ среднемъ и тѣмъ болѣе въ высшемъ заведеніи должны быть неминуемо образованнѣе всякихъ доморощенныхъ субъектовъ, коими изобилуетъ бѣдный просвѣщеніемъ городъ Брацлавъ. Съ другой стороны, неужели безъ основанія правительство предпочитаетъ образованныхъ людей неучамъ? За чѣмъ должности судебныхъ слѣдователей предоставлены исключительно людямъ, кончившимъ курсъ училища правовѣдѣнія, или юридическихъ факультетовъ? Неужели безъ основанія? Видно, авторъ задался тенденціями среднихъ шляхетскихъ вѣковъ, которыя, къ несчастію шляхты, никогда уже не воскреснутъ. Ну, возможно ли въ 1864 году выдвигаться съ такими ретроградными взглядами? А еще гнѣвается авторъ за правду, высказанную подольскимъ корреспондентомъ! Развѣ послѣ этого не правъ послѣдній, осязательно видящій въ жителяхъ г. Брацлава самое древнее невѣжество?

Въ заключеніе нашихъ словъ, спросимъ почтеннаго автора: неужели и въ самомъ дѣлѣ жители г. Брацлава бѣдны, неимѣютъ средствъ къ самообразованію путемъ чтенія журналовъ и газетъ, особенно въ настоящее время всеобщаго литературнаго настроенія и развитія? Намъ кажется, что тутъ онъ особенно фальшиво прикинулся бѣднякомъ. Говоря его словами, если въ домахъ зажиточныхъ водятся претензіи на комфортъ, царящій только въ столичныхъ домахъ милліонеровъ; если эти зажиточные могутъ имѣть хорошіе дома, экипажи въ 500—1000 руб. сереб. и приличныхъ къ нимъ лошадей; то можно ли считать такихъ жителей бѣдными? Простительно ли такимъ бѣднякамъ не выписать каждому порознь 3—4 экземпляра дѣльныхъ журналовъ и газетъ? *Сельскій пастырь.*

18 апрѣля 1864 года.

Письмо пустынника съ береговъ Вислы.

Съ тѣхъ поръ, какъ стали образовываться общества, два главные элемента служатъ фундаментомъ ихъ существованія и единства: собирательная сила, называемая правительствомъ, и подпора его—религія. Вездѣ, гдѣ оба эти элемента были тѣсно соединены между собою развивалось благоденствіе и крѣпли общественныя силы. Древніе Египетъ и Римъ подтверждаютъ эту

истину. Правительство заботилось объ общемъ благѣ и интересахъ народа; духовныя власти просвѣщали и приготовляли умы къ повиновенію и солидарности съ правительствомъ.

Въ Польшѣ, первымъ зачаткомъ іерархіи римско-католической церкви былъ элементъ чужеземный. Съ теченіемъ времени, высшее сановничество въ духовной іерархіи сдѣлалось исключительнымъ достояніемъ мѣстной аристократіи; громадное содержаніе, которое присвоено было епископскимъ каѳедрамъ, капитуламъ, коллегіямъ и аббатствамъ, послужило для шляхетскихъ родовъ источникомъ увеличенія ихъ родовыхъ богатствъ, и простолюдину со способностями лишь изрѣдка удавалось достигнуть высшаго духовнаго сана. Не подлежитъ сомнѣнію, что древнее польское духовенство, въ отношеніи умственнаго развитія, стояло несравненно выше современнаго. Это слѣдуетъ приписать двумъ причинамъ: шляхетскія семейства, по чувствамъ религіознымъ, или изъ мірскихъ интересовъ, предназначая своихъ потомковъ къ духовному званію, старались, въ прежнія времена, внушать имъ чувства, соотвѣтствовавшія будущему высокому ихъ призванію; они подготовляли ихъ дома къ болѣе обширному, впослѣдствіи, образованію, и послѣ окончанія курса наукъ въ мѣстныхъ училищахъ и семинаріяхъ, нерѣдко отправляли ихъ въ Римъ, и вообще, за-границу, для окончанія образованія. Съ другой стороны, ордена монашествующаго духовенства — бенедиктиновъ и піяровъ — много содѣйствовали развитію образованія. Всѣ почти ученыя знаменитости вышли изъ ихъ школъ, въ которыя усердно набиралась молодежь, даже изъ низшихъ слоевъ общества, отличающаяся замѣчательными способностями. Все это давало тогдашнему духовенству особый характеръ, внушало ему иные принципы нравственности и политическихъ убѣжденій. Бывали примѣры, что духовная аристократія принимала участіе въ народныхъ волненіяхъ, но тогда не было и рѣчи о соціализмѣ, о ниспроверженіи того, что почитается и должно почитаться святынею; это была своего рода феодальная эпидемія, которая, подъ знаменемъ олигархіи, питаясь принципомъ избирательности престола и уродливаго liberum veto, свирѣпствовала и производила въ Польшѣ опустошенія болѣе продолжительное время, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Съ 1796 года, когда эпидемія эта прошла, въ эпоху

Герцогства Варшавскаго и даже позже, духовенство въ Польшѣ приняло положеніе, вполнѣ достойное своего высокаго призванія,—можемъ даже сказать, что современные намъ священники той эпохи весьма рѣзко отличаются и образованіемъ, и политическимъ смысломъ отъ священниковъ принадлежащихъ нашему времени. Постараемся разъяснить это, указать источникъ зла, и средства противъ него.

Вслѣдствіе ли уменьшенія содержанія свѣтскому и монашествующему духовенству, или вслѣдствіе ослабленія духа религіозности, но не подлежитъ сомнѣнію, что большая часть современныхъ духовныхъ, въ особенности монаховъ, вышла изъ среды сельскаго населенія и бѣднѣйшаго класса городскихъ жителей, ищущихъ въ духовномъ званіи прежде всего насущнаго хлѣба. Не получивъ никакого домашняго воспитанія, не окончивъ даже курса наукъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, духовные эти довольствуются весьма ограниченною спеціальностью, пріобрѣтенною въ семинаріяхъ и во время послушничества. Съ этими данными, выступая на общественное поприще, они не представляютъ никакой гарантіи относительно консервативно-общественныхъ условій.

Въ духовной іерархіи, преимущественно монашествующее духовенство имѣетъ вліяніе на низшіе классы общества, стоя къ нему, по своему образованію и понятіямъ, ближе, нежели свѣтское духовенство. Не смотря на законъ 1817 г., воспрещающій вступленіе въ монашество ранѣе 24 лѣтъ отъ роду и произнесеніе обѣта ранѣе 30 лѣтъ, намъ часто приходится встрѣчать на улицахъ мальчиковъ въ монашескихъ рясахъ. Молодежь эта, безъ всякаго научнаго и раціональнаго образованія, выдолбивъ наизусть нѣсколько десятковъ латинскихъ изреченій и заучивши механизмъ и формы церковныхъ обрядовъ, дѣлается во всѣхъ отношеніяхъ такою, какою желаетъ видѣть ее старшая монашествующая братія.

Обратимся теперь къ настоящимъ событіямъ. Нельзя уже болѣе сомнѣваться въ томъ, что настоящее наше возстаніе есть самое печальное, самое горестное событіе; если найдутся еще такіе, которые смотрятъ на это иначе, то и имъ скоро придется вполнѣ разочароваться.

Мы положительно утверждаемъ, что большая часть нашего духовенства была однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ и важ-

нымъ орудіемъ развитія и всѣхъ послѣдствій возстанія. Постараемся доказать это. Первымъ рѣшительнымъ явленіемъ заговора и первою революціонною манифестаціею у насъ были многолюдныя засѣданія земледѣльческаго общества. Засѣданія эти были торжественно открываемы и поддерживаемы нашими прелатами. Послѣдовали уличныя манифестаціи. Наши пастыри были ихъ предводителями и безбожно прикрывали ихъ знаменемъ Спасителя. Явились похоронныя манифестаціи. Духовенство сдѣлалось ихъ руководителями, и программы этихъ процессій вполнѣ обнаружили настроеніе духовенства.—Временная делегація, засѣдавшая въ ратушѣ въ 1861 году, вполнѣ подражавшая знаменитой нѣкогда парижской коммунѣ, въ числѣ самыхъ дѣятельныхъ своихъ членовъ имѣла двухъ ксендзовъ,—тѣхъ же самыхъ, которые, послѣ засѣданій въ ратушѣ, проводили ночи въ клубѣ рессурсы; они успѣли даже привлечь туда и главу польскаго духовенства, котораго и посадили на предсѣдательское кресло. Въ церквахъ послышались разныя манифестаціонныя аріи и пѣсенки, съ согласія и нерѣдко даже при участіи духовенства. Богослуженія, подъ разными фирмами, за благоденствіе отечества, что въ сущности значило—за торжество революціи, совершались ежедневно, и вездѣ подъ защитою и вліяніемъ духовенства, которое, впрочемъ, извлекало изъ этого источника довольно значительныя выгоды. Къ сему прибавимъ экзальтированныя проповѣди изъ кафедръ и пастырское посланіе архіепископа Фіалковскаго о повсемѣстномъ ношеніи трауровъ.

Здѣсь слѣдовало бы, для полноты, прибавить еще и о закрытіи костеловъ, но такъ какъ фактъ этотъ имѣетъ тѣсную связь съ настоящимъ постукиваніемъ [1]), то объ этомъ мы поговоримъ нѣсколько ниже.

Послѣ такой подготовки, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ, склепъ одного извѣстнаго въ Варшавѣ монастыря сдѣлался главнымъ мѣстомъ вечернихъ собраній. Собранія эти обыкновенно происходили подъ предводительствомъ извѣстныхъ святымъ отцамъ лицъ, фабричныхъ и тому подобной молодежи.

---

[1]) Въ католическихъ церквахъ, во время церковнаго траура, не употребляются колокола; внутри же церквей, во время богослуженія, вмѣсто колокольчиковъ—употребляются маленькія деревянныя дощечки, съ прикрѣпленнымъ къ нимъ подвижнымъ деревяннымъ молоткомъ, которымъ стучатъ по доскѣ.

Ксендзы, въ торжественномъ облаченіи, предъ нарочно устроеннымъ для того алтаремъ, отбирали присягу отъ этихъ господъ на возстаніе и разбой. Хотя присяга эта и обязывала уже принесшаго ея безусловно на всякаго рода преступленія, но нерѣшительные изъ нихъ, получая какое-либо особое порученіе, прибѣгали, для успокоенія своей совѣсти, еще къ исповѣди! Представители неба подтверждали братоубійственные приговоры, настаивали на немедленномъ ихъ исполненіи, и заранѣе объявляли торжественное отпущеніе грѣховъ за совершеніе преступленія.

Не хочу распространяться болѣе о трудахъ нашего духовенства, предпринятыхъ имъ добровольно и съ полнымъ увлеченіемъ въ дѣлѣ возстанія; мы всѣ были свидѣтелями тяжести этихъ трудовъ. И теперь еще приходится краснѣть, вспомнивъ нѣкоторыя слова, произнесенныя однимъ изъ высшихъ духовныхъ сановниковъ, слова, въ которыхъ такъ мало было благоразумія и такъ много страстнаго увлеченія.—Умалчиваемъ объ этомъ единственно изъ уваженія къ принципу іерархіи.

Многіе, навѣрно, сохранили въ памяти тѣ отвратительныя сцены, которыя происходили въ варшавскихъ церквахъ въ 1862 г. Нашелся даже такой пастырь, который рѣшился сказать съ амвона, что если бы не удерживало его священное одѣяніе, то онъ самъ бы пошелъ проливать кровь измѣнниковъ отечества. Другой проповѣдникъ предалъ проклятію до десятаго поколѣнія каждаго поляка, который не примкнетъ къ мятежу.— А сколько нашихъ пастырей, вооруженныхъ револьверами и саблями, подвизались въ рядахъ повстанскихъ, не исключая даже гнусныхъ шаекъ вѣшателей? Скажите же, святые отцы, кого по истинѣ слѣдуетъ назвать измѣнниками отечества? Тѣхъ ли, которые, слѣдуя внушеніямъ здраваго смысла, какъ честные и истинные патріоты, не хотѣли принимать никакого участія въ безсмысленномъ предпріятіи, низвергшемъ край въ бездну несчастій, или тѣхъ, которые, запятнавъ себя столькими гнусными поступками, такъ легкомысленно, и уже во всякомъ случаѣ, совершенно несвойственно своему призванію, привели отечество на край гибели.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о прежнемъ закрытіи костеловъ и о настоящемъ въ нихъ постукиваніи. Каноническое право допускаетъ закрытіе оскверненной святыни до ея очищенія,

и вмѣстѣ съ тѣмъ самое оскверненіе опредѣляетъ: въ злонамѣренномъ пролитіи крови въ церкви и въ поруганіи церковной утвари, которая считается святынею. Но развѣ это было поводомъ закрытія нашихъ церквей? Вѣдь ни одна капля крови не осквернила нашего метрополитальнаго костела, ни одинъ предметъ церковной утвари не подвергся поруганію. Закрытіе костеловъ было, по просту, революціоннымъ изобрѣтеніемъ буйныхъ головъ, слѣпо принятымъ человѣкомъ, неудачно поставленнымъ на высшую ступень духовной іерархіи. Взволновать умы и вызвать возстаніе въ массѣ народонаселенія—вотъ цѣль этого изобрѣтенія. Надежда на возстаніе въ Варшавѣ не осуществилась; орудія цитадели, тысячи штыковъ на улицахъ, имѣли, въ глазахъ большинства, больше смысла и значенія, нежели черная печать на дверяхъ церквей. Да позволено мнѣ будетъ, однакожъ, спросить, почему костелъ, который считали будто бы оскверненнымъ, такъ долго оставался запертымъ? Почему всѣ другіе варшавскіе костелы подверглись той же самой участи? Если было оскверненіе, то немедленно должно было бы послѣдовать и очищеніе,—этого требовалъ интересъ религіи. Оправданіе, что другія церкви были закрыты изъ опасенія, чтобы и онѣ не подверглись оскверненію, будетъ похоже на рѣшеніе человѣка, который, изъ опасенія, что какое-либо кушанье можетъ ему повредить, отказался бы совершенно отъ пищи. Какую же пользу принесло закрытіе костеловъ?—Пользы ровно никакой, но вредъ несомнѣнный: продолжительное закрытіе костеловъ весьма вредно подѣйствовало на многихъ, ослабивъ въ нихъ чувство набожности.

Что касается теперешняго постукиванія въ костелахъ, напоминающаго собою бывшее недавно у насъ въ модѣ постукиваніе вращающихся столиковъ, то спрашивается: почему нѣсколько лѣтъ тому назадъ не было этого постукиванія въ итальянскихъ церквахъ, когда тамошнее правительство выслало одного архипастыря изъ его столицы и заключило его въ крѣпость? Почему не постукивали люблинская и подсляосская епархіи, первая, послѣ ссылки—въ 1831 году, епископа-администратора, вторая—послѣ ссылки епископа Гутковскаго? Почему, наконецъ, началась стукотня въ Кельцахъ, Плоцкѣ, Влоцлавкѣ, Сеинахъ, Яновѣ, Люблинѣ и Сандомирѣ; когда только въ Варшавѣ, собственно, не было архипастыря? Вѣдь всѣ мы знаемъ очень хо-

рошо, что власть варшавскаго архіепископа распространяется на одну лишь варшавскую епархію. Такимъ образомъ мы доказали неопровержимыми, явными и всѣмъ извѣстными фактами, что духовенство наше, въ послѣднее время, совратилось не только съ того пути, который указывается ему святостью и достоинствомъ призванія, но и съ того, который только и можетъ оправдывать и освящать его іерархію въ глазахъ общества. Чего же желаетъ, чего же ищетъ, наконецъ, наше духовенство? Отечества, національности? Да вѣдь математически можно доказать, что все это мы имѣемъ, по милости Всевышняго и по великодушію Его помазанника, Александра II. Слѣдовало бы обратить вниманіе и на то, что, съ эпохи христіанства, рѣзкія нѣкогда народныя черты начали сглаживаться: отечество христіанина—земля, всѣ народы—братья, отецъ этого общаго отечества, этой великой семьи—Спаситель, и его св. евангеліе—вѣчная неизмѣнная конституція для всѣхъ народовъ; всѣ же мѣстныя, человѣческія постановленія—только комментаріи этого основнаго закона, который гласитъ, что всякая власть отъ Бога, предписываетъ отдавать кесарю кесарево и учитъ, что не тотъ ближній (слѣдовательно и соотечественникъ), который грабитъ и убиваетъ, а тотъ (хотя бы даже и чужой), который даетъ намъ истинную помощь; что только безумный строитъ домъ на пескѣ; что домъ молитвы есть домъ Господній, а не мѣсто измѣны и коварства. Взвѣсивши все это, каждый изъ нашихъ пастырей не можетъ не признать, что большинство польскаго духовенства поступало въ настоящихъ событіяхъ вопреки своему призванію, и тяжко прогрѣшило, тѣмъ болѣе, что выставляемый предлогъ его революціонныхъ дѣйствій—чистѣйшая ложь. Духовенство наше сдѣлалось соучастникомъ отцеубійства, подвергнувъ страшной опасности самые дорогіе интересы своего отечества: оно сдѣлалось соучастникомъ братоубійства, содѣйствіемъ въ варварскихъ и жестокихъ убійствахъ тысячи жертвъ. Но еще не все. Духовенство обратило самоубійственное оружіе противъ самаго себя, противъ священнаго таинства нашей вѣры, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что настоящее возстаніе есть отголосокъ обширнаго заговора, составленнаго въ западной Европѣ, котораго наша эмиграція за границею и псевдо-патріоты въ краѣ здѣлались слѣпыми орудіями. Цѣль этого заговора въ общественномъ отношеніи—республика,

нізмъ, или, вѣрнѣе, соціализмъ, который долженъ ниспровергнуть весь общественный порядокъ, а въ религіозномъ отношеніи—уничтоженіе христіанской вѣры и провозглашеніе естественной религіи. Въ Парижѣ созрѣваетъ эта новая наука. Тамошнее общество спиритистовъ имѣетъ уже нѣсколько милліоновъ усердныхъ и фанатизированныхъ адептовъ, которые нашлись уже и въ Варшавѣ. Каждый мѣсяцъ, въ столицѣ Франціи, выходитъ довольно толстый журналъ «Revue Spirite», который расходится по всей Европѣ и съ жадностію читается. Можно предполагать, что скрытая цѣль новой науки и многочисленныхъ ея приверженцевъ—просто денежная спекуляція главныхъ дѣятелей, которые и дѣйствительно немало выручаютъ денегъ отъ подписки на свои изданія; открытая же, т. е. явно проповѣдуемая цѣль—на развалинахъ христіанской вѣры, а даже и юдаизма, создать новую, одну для всего земнаго шара религію—*откровеннаго деизма*. Все, что проповѣдуется этою сектою, продается, какъ товаръ, полученный свыше, посредствомъ неземныхъ духовъ. Выраженные въ этомъ духѣ принципы спиритистовъ положительно отвергаютъ таинство, которое составляетъ основаніе. Откровенія; они отрицаютъ ученіе о паденіи ангела и не допускаютъ ученія о паденіи перваго человѣка. Извѣстное сочиненіе Ренана можно считать сателлитомъ и предвѣстникомъ ученія секты спиритистовъ. Недавно туринская газета сообщила, что партія движенія въ Италіи назвала Мадзини пророкомъ. Ясно, что опасность серьозная, и надлежитъ зорко вглядываться, дабы не попасть въ разставленныя сѣти, тѣмъ болѣе, что всѣ революціи, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ, въ настоящее время солидарны между собою. Да подумаетъ польское духовенство, что, содѣйствуя дикому, безсмысленному и гнусному возстанію на берегахъ Вислы, оно легко можетъ приготовить смертные удары противъ самаго себя. Грустно упасть, но честь и слава тому, кто, упавши, съумѣетъ подняться, выпрямиться и пойти далѣе, съ открытымъ челомъ и спокойною совѣстію.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о средствахъ исправить зло. Обращаюсь къ вамъ, достойные прелаты, поставленные во главѣ польскаго духовенства. Прошедшее принадлежитъ уже вѣчности, подумаемъ же о будущемъ. Говоря объ умственномъ и нравственномъ развитіи нашего ду-

ховенства, я уже доказалъ, что недостатокъ необходимаго приготовленія для высокаго званія народнаго наставника, обязаннаго распространить христіанскую цивилизацію въ массѣ народа, составляетъ главную причину упадка между нами нравственности и ослабленія религіозныхъ чувствъ; недостатокъ этотъ сдѣлался жизненнымъ элементомъ всѣхъ бѣдствій, которыя обрушились въ настоящее время на наше отечество. Будущее наше отъ насъ зависитъ; мы сами должны выработать его,—слѣдовательно, ближайшій наставникъ народа, пастырь, долженъ быть не только слугою алтаря, но и дѣятельнымъ членомъ общества. Одно совершеніе церковныхъ обрядовъ не спасетъ насъ: нужна настоятельно добродѣтель, которой требуетъ отъ насъ Христово ученіе. Такимъ образомъ, для того, чтобы достойно выполнить свое призваніе, духовное лицо не должно ограничиваться тѣмъ образованіемъ, которое оно получаетъ въ семинаріяхъ, при настоящемъ ихъ устройствѣ въ Царствѣ Польскомъ,—это будетъ только спеціальная подготовка, а современное общество требуетъ отъ пастыря и житейской помощи. Опытъ прошлыхъ временъ, во всемъ, что содѣйствовало развитію и благоденствію общества, что было причиною испытанныхъ имъ бѣдствій, что ускорило его паденіе; умѣніе предвидѣть естественныя послѣдствія факта, оцѣнить дѣйствіе по его достоинству; здравый смыслъ, способный устоять предъ софизмами и обманчивыми призраками, — вотъ что сдѣлаетъ истиннаго пастыря и честнымъ, доблестнымъ гражданиномъ. Это ваше дѣло, достойные мужи, поставленные во главѣ духовенства. Ваше искреннее и честное содѣйствіе правительству августѣйшаго нашего монарха принесетъ обильные плоды и обезпечитъ отечеству вашему свѣтлое будущее. Но чтобы достигнуть этой спасительной цѣли, необходимо проникнуться неопровержимою и святою истиною, что религія, кромѣ своего духовнаго значенія, есть еще, и должна быть всегда, краеугольнымъ камнемъ значенія свѣтской власти, которая, по божественному закону, представляетъ единство общества и народа. Каждый истинный пастырь долженъ честно и добросовѣстно дѣйствовать на общественномъ поприщѣ, рука объ руку съ правительстомъ; каждая епархіальная власть—вмѣстѣ съ начальникомъ провинціи, каждый деканъ вмѣстѣ съ начальникомъ уѣзда, каждый приходской священникъ обще съ мѣстнымъ органомъ правитель-

ственной власти—должны стремиться къ одной цѣли, имѣющей въ виду общее благо. Признавъ за пастыремъ характеръ не только слуги алтаря, но и общественнаго дѣятеля, наше духовенство не должно забывать, что общество, предоставляя каждому изъ своихъ членовъ извѣстныя права, возлагаетъ на нихъ и извѣстныя обязанности, и что, въ случаѣ неисполненія этихъ обязанностей, теряется и право на власть,—тѣмъ болѣе, если обязанности эти нарушаются измѣною. Я не говорю, что всѣ наши пастыри измѣнили своему долгу, но повторяю, что, съ весьма незначительнымъ исключеніемъ, всѣ почти не исполняли своего долга съ подобающимъ христіанскому священнику мужествомъ. Грустныя событія, которыхъ театромъ была Варшава, грозный перстъ революціоннаго комитета и сателлита его, жандарма-вѣшателя, заставили и благоразумную часть духовенства принять пассивное положеніе, столько же вредное въ послѣдствіяхъ, сколько и дѣятельное по участію въ мятежѣ. Пусть же, въ настоящее время, тѣже самыя причины вызовутъ тѣже, въ обратномъ смыслѣ, послѣдствія. Всѣ мечты разбились въ прахъ, матеріальная сила зла исчезаетъ, терроризмъ раздавленъ, бандитизмъ вскорѣ долженъ прекратиться, безобразная гидра—дѣтище дикаго насилія и преступленія—мечется въ предсмертныхъ судорогахъ! Что же можетъ удерживать васъ еще въ страхѣ? Пора возвратиться на путь истины, съ котораго лучше бы, намъ было никогда и не сходить.

Эхо истины слышатся уже кое-гдѣ. Да повторится оно во всѣхъ вашихъ столицахъ, достойные пастыри, и да возвѣститъ оно восходъ новой, свѣтлой зари! (Dzien. Powsz.).

Объ историческихъ памятникахъ въ овручскомъ уѣздѣ.

Не давно случилось намъ побывать въ той части волынской губерніи, которая богата памятниками, священными для каждаго русскаго человѣка: мы говоримъ объ овручскомъ уѣздѣ. Обширные, почти сплошные лѣса, скалы, окаймляющія берега рѣки Уши, которая, подлѣ мѣстечка Искорости, вьется въ ущельяхъ камней и падаетъ живописными каскадами; рѣка Норынъ, опоясывающая древній городъ Вручій (нынѣшній Овручъ), подлѣ котораго происходила кровавая схватка Ярополка и Олега,

множество могилъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ, безвѣстныхъ могилъ, переживших столько вѣковъ,—вотъ что встрѣчается повсюду въ центрѣ старинной земли древлянской.

Гдѣ же могила достопамятныхъ князей русскихъ Игоря и Олега? Знаетъ ли нашъ простой народъ, здѣсь обитающій, о существованіи этихъ памятниковъ? Къ сожалѣнію, народъ, еще такъ недавно порабощенный, возросшій въ неволѣ, запуганный, не развитый, знаетъ очень немного о своей исторіи. Паны и грамотная шляхта вбивали въ головы крестьянамъ только то, что могло поддерживать и питать притязанія ихъ на этотъ край, и ни слова не передавали о томъ, что имъ необходимо было знать. На разспросы мои о могилахъ, они обыкновенно отвѣчаютъ что на этихъ мѣстахъ бились ляхи и русскіе въ 30-мъ году.

Могилу Игоря мнѣ впрочемъ указывали недалеко отъ мѣстечка Искорости, подлѣ селенія Шатрищи. Кромѣ насыпи болѣе возвышенной предъ прочими могилами, ничто болѣе не отличаетъ ее отъ другихъ. О ней по крайней мѣрѣ сохранилось нѣкоторое преданіе; но въ городѣ Овручѣ я не могъ получить свѣдѣній о могилѣ князя Олега, который погибъ въ оврагѣ, подлѣ самаго Овруча. Здѣсь указываютъ на двѣ могилы, находящіяся на юго-восточной оконечности города. Онѣ находятся одно отъ другой въ разстояніи не болѣе 30 сажень. Обѣ онѣ находятся въ частномъ владѣніи. Одна изъ нихъ, которая поближе къ оврагу, имѣетъ едва замѣтную возвышенность; по ней проходитъ заборъ, и скоро можетъ-быть она совсѣмъ изгладится. Другая могила, тоже носящая названіе Олеговой, находится на площадкѣ между жилыми строеніями; она раскопана по срединѣ. Раскопку эту производилъ, какъ мнѣ сказывали старожилы, профессоръ кіевскаго университета А. Н. Ставровскій, и нашелъ золотое блюдце или сосудъ, свидѣтельствующій о погребеніи на этомъ мѣстѣ царственной особы, и потому, говорятъ, призналъ раскопанную имъ могилу за могилу Олега. Достовѣрны ли сообщенныя мнѣ свѣдѣнія, судить не берусь; поэтому и желательно, чтобы г. профессоръ Ставровскій разъяснилъ встрѣченное мной недоразумѣніе по тѣмъ даннымъ, какія имѣются у него подъ рукою.

Нечего и говорить, какъ важно сбереженіе такихъ памят-

виновъ, и съ точки зрѣнія науки, и съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ въ западномъ краѣ.

Командующій овручскимъ отрядомъ полковникъ Гренквистъ, сколько намъ извѣстно, хлопочетъ о томъ, чтобы, по достовѣрнымъ источникамъ, открыть настоящую могилу кн. Олега, изъять занимаемое ею мѣсто изъ частнаго владѣнія и построить тамъ приличный памятникъ для оживленія въ памяти русскаго народа событій, съ которыми связана его судьба. Желаемъ, чтобъ оно вызвало подражаніе и въ волынской губерніи, и въ другихъ мѣстахъ западной Россіи. Хотя князь Олегъ Святославичъ былъ язычникъ, но преданіе лѣтописи гласитъ, что великій князь Ярославъ Владиміровичъ, движимый чувствами христіанскаго благочестія и соболѣзнуя о томъ, что Олегъ погибъ въ язычествѣ, спустя 70 лѣтъ послѣ смерти его, велѣлъ отыскать его могилу, вырыть изъ оной кости его, и совершивъ послѣ того надъ ними обрядъ крещенія, перенесть прахъ Олега въ свой стольній градъ Кіевъ и положить въ Десятинной церкви. А потому на могилѣ Олега можно бы, кажется, построить часовню.

Съ не менѣе грустнымъ чувствомъ, я обозрѣвалъ въ городѣ Овручѣ развалины древней Васильевской церкви, построенной святымъ равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ. Развалины эти, оставаясь безъ всякой поддержки, годъ–отъ–году приближаются къ совершенному разрушенію. Нѣсколько лѣтъ назадъ, я посѣтилъ этотъ величественный памятникъ, и мнѣ кажется, что сохранившіяся стѣны храма были обширнѣе и прочнѣе. Мѣстами и теперь еще замѣтны слѣды мозаики и не отчетливыя изображенія святыхъ угодниковъ на уцѣлѣвшемъ сводѣ разрушеннаго купола, но отъ вліянія температуры, мозаика почернѣла, и изображенія святыхъ потерпѣли. Развалины стоятъ на возвышенной мѣстности и нисколько не защищены отъ непогодъ. Печальные остатки Васильевской церкви, нѣкогда богатой и великолѣпной, потому что на содержаніе ея поступали доходы изъ окрестныхъ приписныхъ селеній, остаются безъ всякаго присмотра и громко говорятъ о равнодушіи тѣхъ, къ чьей исключительной обязанности относится попеченіе о храмахъ. Мы порицаемъ излишнюю ревность р. католическаго духовенства въ стремленіи его къ распространенію и утвержденію латинской пропаганды, но, право, не мѣшало бы намъ, въ ви-

дахъ поддержанія православія на Волыни, поскорѣе отдѣлаться отъ нашего равнодушія и лѣни, и проявить энергію, соотвѣтствующую положенію дѣла, помня, что намъ предстоитъ еще много работы. Мы постоянно заявляемъ въ печати о нашихъ насущныхъ потребностяхъ, а на дѣлѣ продолжаемъ оставаться тѣми же невозмутимыми лѣнивцами. Въ губернскомъ городѣ Житомирѣ, на городской площади, красуются развалины стараго каѳедральнаго собора, болѣе десятка лѣтъ, на удивленіе ревнителямъ православія и къ удовольствію р. католическаго духовенства: не поразительное ли это доказательство нашей апатіи? И удивительно ли послѣ того, что давнымъ давно развалившаяся Васильевская церковь забыта въ захолустьѣ Овруча? Впрочемъ, относительно возобновленія собора, винить надо главнѣйше наши нескончаемыя формальности.

Со времени открытія подписки по всей Россіи на возобновленіе новой церкви прошло уже не мало времени: пожертвованій поступило, какъ мы слышали, до 10.000 руб. Казалось бы, этой суммы уже достаточно, чтобы приступить къ составленію фасада, къ очисткѣ мѣста, заготовленію матеріяла, пріисканію подрядчика и даже къ начатію работъ. Но канцелярская переписка, нашъ старый недугъ, поглащаетъ время и охлаждаетъ благочестивое рвеніе.

Въ Овручѣ находится старинное каменное зданіе, на подобіе замка. На этомъ самомъ мѣстѣ, во времена короля Сигизмунда III, былъ королевскій дворецъ; потомъ построенъ былъ здѣсь же базиліянскій монастырь, обращенный въ послѣдствіи, по упраздненіи монастыря, въ православный соборъ. Зданіе, окружающее соборъ и соединенное съ нимъ, приходитъ въ ветхость, и въ западной части, полуразрушено. Въ частяхъ же зданія болѣе прочныхъ, въ нижнемъ этажѣ, помѣщаются временно арестанты, впредъ до окончанія постройки новаго тюремнаго замка, а въ верхнемъ этажѣ,—духовное правленіе и соборный причтъ. Въ чьемъ собственно вѣдомствѣ находится это зданіе, сказать опредѣлительно нельзя. Православное духовенство домогается оставить его за собою и, судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно полагать, что оно этого достигнетъ, потому что еще недавно былъ предложенъ овручскому соборному причту вопросъ: согласенъ ли онъ пожертвовать годный матеріалъ упомянутаго каменнаго зданія на возобновленіе древ-

ней Васильевской церкви? Причтъ, безъ сомнѣнія, не будетъ торопиться отвѣтомъ.[1]) Нужно же ему хорошенько обдумать, что и какъ написать; тѣмъ болѣе, что городъ Овручъ, послѣ громаднаго пожара, бывшаго въ 1863 году, представляетъ одно сплошное пепелище. Да притомъ, по старой привычкѣ, у насъ не всегда любятъ выражаться «напрямикъ», а съ *туманцемъ*. По всему замѣтно, что и въ этомъ случаѣ завяжется рьяная переписка, исходъ которой трудно и предвидѣть. Развалины Васильевской церкви вѣдь простояли же нѣсколько столѣтій,— такъ что за диковинка, если онѣ еще простоятъ лишній десятокъ лѣтъ? Не велика бѣда, если уцѣлѣвшія стѣны, изъ которыхъ сосѣдніе обыватели ломаютъ камень на свои жительскія надобности, пожалуй, и окончательно обрушатся!...

Высказавъ все, что у насъ лежало на душѣ, мы чувствуемъ себя легче. Мысль, что наши строки пробудятъ горячее сочувствіе въ комъ-либо изъ читателей нашего неизмѣримаго отечества, ревнующихъ о благолѣпіи храмовъ и поддержаніи русской народности въ юго-западномъ краѣ, успокоиваетъ насъ. Южно-русскій народъ нашъ нуждается во многомъ. Ему ли, недавно вышедшему изъ опеки не прошенныхъ опекуновъ, управиться со всѣми окружающими его потребностями? У насъ прежде всего ощущается большой недостакокъ въ средствахъ къ образованію. Въ нашемъ губернскомъ городѣ до сихъ поръ нѣтъ заведенія для воспитанія дѣвицъ, въ которое бы имѣли доступъ лица всѣхъ сословій, по своимъ средствамъ. Давно уже и много толковъ идетъ объ открытіи въ Житомирѣ женской гимназіи, но мы имѣемъ много основаній не слишкомъ полагаться на эти толки и не увлекаться мыслію, что предположеніе объ открытіи женской гимназіи можетъ скоро осуществиться. Если русское общество города Житомира тотчасъ же не позаботится само объ изысканіи средствъ къ скорѣйшему открытію желаемаго заведенія, а будетъ, въ простотѣ сердца, вѣрить въ успѣхъ возбужденной о женской гимназіи переписки, то легко можетъ случиться, что дѣти, приготовляемыя нынѣ для женской гимназіи, успѣютъ выйдти замужъ и сами нажить дѣтей. Сколько бы ни восторгались наши оптимисты

---

[1]) Предложено ли вмѣстѣ съ тѣмъ другое помѣщеніе для причта, въ замѣнъ настоящаго? Если нѣтъ, то и немудрено ему неторопиться съ отвѣтомъ, въ виду сплошнаго пепелища!

успѣхами народныхъ школъ, но факты говорятъ противное. Намъ нужно позаботиться не о числѣ школъ и количествѣ питомцевъ, а о прочности основы образованія. Школы заведены по селамъ, но наука идетъ плохо; да и какъ ей идти? Наставники, простые смертные, хотѣли бы вознагражденія за трудъ, а тутъ и точка съ запятою. Какое тутъ ученіе, какая ревность въ преподавателѣ, когда учитель ничѣмъ не поощренъ! Кто поближе познакомился съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, тотъ не станетъ утверждать, что народное образованіе подвигается у насъ быстрыми шагами. Наши мужички еще пятятся отъ науки. Еще многихъ отцовъ приходится уговаривать, чтобъ они посылали своихъ дѣтей въ школы. Кромѣ того, бытъ нашихъ крестьянъ еще не устроенъ; капиталистовъ у насъ не водится,—такъ гдѣ намъ мечтать о предметахъ желательныхъ,—то-есть, пожалуй, намъ дозволительно мечтать, но дѣло въ томъ, что мечты здѣсь не у мѣста. Отъ васъ, соотечественники, мы ожидаемъ поддержки! Не откажите намъ въ средствахъ, и мы выкажемъ нашу энергію въ общеполезномъ дѣлѣ народнаго образованія и утвержденія на прочномъ основаніи истинъ православія въ нашемъ краѣ.

Когда-нибудь мы поговоримъ еще о бытѣ нашихъ крестьянъ и ихъ нравственныхъ качествахъ. (Совр. Лѣт.)

Околица Ибяны.

Въ то самое время, когда наше дорогое отечество праздновало тысячелѣтній юбилей свой, завершенный великимъ дѣломъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, и, руководимое Монархомъ-преобразователемъ, вступило въ новый періодъ историческаго своего существованія, при самыхъ благотворныхъ предзнаменованіяхъ, отжившая Польша спѣшила заявить предъ будущимъ судомъ исторіи, что она заслуженно вычеркнута изъ книги живыхъ.... Настоящій мятежъ, поднятый польскимъ шляхетствомъ и римско-католическимъ духовенствомъ, покрылъ новымъ позоромъ ея память. Напрасно будутъ прибѣгать они къ хитросплетеніямъ лжи! Страсти успокоятся, крамола смирится, и истина предстанетъ безъ всякихъ прикрасъ предъ неподкупнымъ судомъ потомства. Въ то время и сами крамольники, если въ нихъ есть хоть искра человѣчества, содрогнутся отъ тѣхъ ужасовъ, которыми сопровождалось насто-

ящее возстаніе. Одинъ изъ кровавыхъ эпизодовъ мятежа, совершившійся съ 5-го на 6-е августа прошлаго года, вблизи бывшей околицы Ибяны, въ четвертомъ станѣ ковенскаго уѣзда, представляется на судъ читающей публики. Свѣдѣнія объ этомъ неслыханно-звѣрскомъ событіи частію собраны изъ разсказовъ несчастныхъ очевидцевъ этой кровавой драмы, частію извлечены изъ чистосердечнаго сознанія добровольно явившихся мятежниковъ, или изъ показаній повстанцевъ, захваченныхъ войсками.

Съ самаго начала возстанія въ ковенской губерніи, жители околицы Ибяны, населенной преимущественно мелкою шляхтой, принимали дѣятельное участіе въ мятежѣ. При ихъ содѣйствіи агитаторы съ удобствомъ производили вербовку волонтеровъ; набранные охотники, большею частію изъ людей бездомныхъ, которымъ нечего было терять, находили въ околицѣ продовольствіе и вѣрный пріютъ отъ преслѣдованій русскаго войска и русскихъ властей. Контроль сельскаго населенія не былъ еще подчиненъ тогда той строгости, съ которою онъ сталъ вестись въ послѣдствіи, по учрежденіи сельскихъ обывательскихъ книгъ, вслѣдствіе распоряженія главнаго начальника здѣшняго края. Подъ именемъ кутниковъ, бобылей, батраковъ, крамольная шляхта очень удобно скрывала повстанцевъ; нѣкоторые шляхтичи изъ этой околицы вступили даже въ шайку, совершившую въ послѣдстіи то злодѣяніе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Шайка эта, извѣстная подъ названіемъ жандармовъ-вѣшателей, народной стражи или, наконецъ, кавалеріи, начала формироваться еще въ мартѣ мѣсяцѣ прошлаго года, въ лѣсахъ, прилежащихъ къ околицѣ Ибяны, подъ начальствомъ псевдонима Черноскальскаго. Въ настоящее время открыто, что истинное прозваніе этого палача-разбойника было Люгайло; онъ былъ отставной поручикъ полоцкаго пѣхотнаго полка и арестованъ въ Москвѣ. Приказъ центральнаго комитета о повѣшеніи крестьянъ Богинскихъ, найденный у него при арестованіи, въ числѣ двухъ уликъ, обнаружилъ тождество его съ Черноскальскимъ; по полевому уголовному суду, въ Ковнѣ, онъ приговоренъ къ повѣшенію.

Тотчасъ по сформированіи шайки начались ея разбойничьи дѣйствія, наводившія ужасъ на мирныхъ жителей-крестьянъ. Революціонеры, видя, что обѣщанія даровой земли и равенства рѣшительно не подѣйствовали на крестьянъ, и что они остаются

вѣрными законному правительству, рѣшились принудить ихъ, посредствомъ террора, принять сторону мятежа, и съ этою цѣлію устроены были шайки вѣшателей.

20-го апрѣля, вновь сформированною шайкой Черноскальскаго совершены были одновременно два злодѣйства: отправясь съ большею половиной своей шайки въ мѣстечко Бобты, ковенскаго уѣзда, Черноскальскій, по приказанію комитета, повѣсилъ крестьянъ Богинскихъ — мужа и жену; то въ же самое время другая половина его шайки, подъ начальствомъ какого-то Малевскаго, повѣсила Бекера, въ околицѣ Ибянахъ. Вскорѣ послѣ описанныхъ повѣшеній Черноскальскій (Люгайло) заболѣлъ и передалъ командованіе шайкой молодому человѣку Сузину, служившему въ ковенскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія; на смѣну Сузина назначенъ былъ центральнымъ комитетомъ нѣкто Выкладникъ, настоящее имя котораго Жукъ, отставной офицеръ, убитый вскорѣ въ дѣлѣ съ войсками въ Орловскомъ лѣсу, верстахъ въ 20 отъ околицы Ибянъ; послѣ его смерти начальство надъ шайкою временно перешло къ псевдониму Робаку (червь). Есть основаніе полагать, что настоящее имя этого Робака есть Иванъ Ибянскій, и что онъ уроженецъ ковенскаго уѣзда, офицеръ, воспитывавшійся въ институтѣ корпуса горныхъ инженеровъ. На его мѣсто вскорѣ былъ назначенъ революціоннымъ комитетомъ подпоручикъ гвардейской конной артиллеріи Малецкій, повѣшенный по приговору полеваго уголовнаго суда, 11-го декабря, въ Вилькомирѣ. Такъ какъ въ послѣднее время мятежническая шайка возрасла уже до 500 человѣкъ, и войска стали настойчиво преслѣдовать ее, то ей стало невозможно укрываться въ одной и той же мѣстности, а потому Малецкій раздѣлилъ шайку на три части: одна, самая главная, осталась при немъ и удалилась для грабежа и разбоевъ въ вилькомирскій уѣздъ; надъ другою принялъ начальство Конча, перешедшій въ поневѣжскій уѣздъ, а третья — кавалерійская, собственно жандармы-вѣшатели, подъ командою Робака, и совершила описываемое злодѣйство, вблизи околицы Ибяны.

Утромъ, 5-го августа, собравъ своихъ товарищей-измѣнниковъ, Робакъ прочиталъ имъ полученный предшествовавшею ночью приказъ центральнаго комитета, упрекавшій его въ бездѣйствіи, и приказалъ имъ быть готовыми къ выступленію. При-

казъ этотъ былъ привезенъ Робаку какимъ-то молодымъ человѣкомъ. Упрекая Робака въ бездѣйствіи, въ дозволеніи москалямъ отнять у него, въ бывшей предъ тѣмъ стычкѣ, двадцать лошадей, тогда какъ онъ не отобралъ ни одного ружья отъ вооруженныхъ старообрядцевъ, комитетъ предписывалъ ему рѣшительно напасть на Новую Деревню [1]) и, перебивъ всѣхъ старообрядцевъ, отобрать у нихъ розданное правительствомъ оружіе. Храбрый предводитель, по словамъ добровольно явившихся, самъ не поѣхалъ исполнять приказъ комитета, а остался въ лѣсу съ шестью мятежниками, не имѣвшими лошадей; командованіе отрядомъ въ предположенной экспедиціи поручено было ксендзу Петровичу, находившемуся въ шайкѣ. Этотъ недостойный служитель алтаря, отправившись на кровавое дѣло, повелъ шайку не въ Новую Деревню, какъ было приказано, а по направленію къ Ибянамъ; потому что мятежники, вопервыхъ, боялись вооруженныхъ старообрядцевъ, а во вторыхъ, ихъ пугалъ расположенный тогда вблизи той деревни отрядъ войскъ. Ночью, съ 5-го на 6-е августа, когда мирные жители, не подозрѣвавшіе грозившаго имъ несчастія, легли спокойно спать, послѣ дневныхъ трудовъ своихъ, въ полѣ, предводимые ксендзомъ Петровичемъ разбойники напали на жилище пяти хлѣбопашцевъ-старообрядцевъ, проживавшихъ въ пасекѣ Станкупахъ, на арендуемой землѣ, и начали свои неистовства. Здѣсь были повѣшены: ковенскій мѣщанинъ Ѳедосъ Бакановъ, 79 лѣтъ; сынъ его Евдокимъ 18 лѣтъ; братъ Ѳедоса Яковъ 50 лѣтъ; сынъ его Ѳедоръ 21 года и вилькомирскій мѣща-

---

[1]) Въ Новой Деревнѣ, находящейся въ 4 станѣ ковенскаго уѣзда, считается 8 дворовъ старообрядцевъ, числомъ до 40 душъ обоего пола: кромѣ того, по распоряженію начальства, для большей безопасности, перешли туда же на время смутъ въ краѣ старообрядцы изъ ближайшихъ односелій. Нужно знать, что старообрядцы, не имѣющіе своей осѣдлости, большею частію брали у разныхъ помѣщиковъ по нѣскольку десятинъ земли неудобной заросли, съ условіемъ разработать ее подъ хлѣбопашество, а потому многіе изъ нихъ проживали въ односельяхъ (пасѣкахъ) между лѣсами. На такія-то односелья и нападали мятежники.

щанинъ Ларіонъ Волковъ 30 лѣтъ. Послѣ того, разъяренные мятежники бросились въ пасеку Битвяны, гдѣ повѣсили: государственныхъ крестьянъ Ѳедора 50 и Ефима 20 лѣтъ Поповыхъ; поневѣжскихъ мѣщанъ Ивана Орлова 77 лѣтъ, сыновей его Митрофана 23 и Ѳеклиста 17 лѣтъ, и трокскаго мѣщанина Аѳанасія Золотухина 61 года. Оставшіяся въ живыхъ женщины разсказываютъ это звѣрское происшествіе слѣдующимъ образомъ: послѣ того какъ шайка мятежниковъ, до 50 человѣкъ, окружила домъ Бакановыхъ, нѣкоторые изъ нихъ, слѣзши съ лошадей, съ шумомъ ворвались въ избу и, схвативши находившуюся тамъ женщину, жену Ѳедоса, начали бить ее, спрашивая, гдѣ попрятались мужчины, ея мужъ и сынъ, которые тогда случайно ночевали на сѣнокосѣ, что и было имъ объявлено. Не смотря на слезы и увѣренія бѣдной, беззащитной женщины, что спрашиваемыхъ нѣтъ дома, разбойники продолжали ее колотить, и, зажегши огонь, увидѣли наконецъ спящаго Якова Баканова, на котораго тотчасъ же бросились и стали рубить его саблями, потомъ, вытащивъ на улицу, привязали за ноги къ двумъ лошадямъ и развели ихъ въ разныя стороны; толстая ли одежда страдальца, или онъ еще не вполнѣ лишился силъ, только достойные представители старой Польши разорвать его не смогли. Кто знаетъ, можетъ-быть, хотѣли продлить его мученія! Отвязавъ затѣмъ его отъ лошадей, разбойники сорвали съ него одежду, при чемъ ксендзъ Петровичъ *собственноручно выкололъ ему оба глаза*, и наконецъ его повѣсили живаго, у избы на дубу, лицомъ къ деревнѣ Рымкамъ, гдѣ находится старообрядческая часовня, приговаривая со смѣхомъ: «смотри на своихъ русскихъ»!—Потомъ, войдя въ избу для новыхъ поисковъ, сказали Маврѣ Бакановой, все еще плакавшей и полу-живой отъ страха и побоевъ, «счастлива ты только тѣмъ, что держишь ребенка на рукахъ, а то и ты была бы повѣшена». Совершивъ подобное злодѣйство и не видя никого болѣе, разбойники, подъ коноводствомъ недостойнаго служителя алтаря, отправились на луга, и найдя тамъ спящими Ѳедоса и сына его Евдокима, послѣ разныхъ ругательствъ и истязаній, повѣсили обоихъ нагими на одномъ и томъ же сосновомъ деревѣ. Затѣмъ, разъяренная ватага бросилась къ избѣ Поповыхъ, которые только что легли спать. Зажегши огонь, мятежники схватили Ѳедора Попова и стали

требовать отъ него выдачи какого-то оружія, сопровождая свои требованія побоями и ругательствами; наконецъ, видя безуспѣшность таковыхъ вымагательствъ, вытащили бѣдняка на дворъ и повѣсили противъ окна, приговаривая: «пора васъ, москали, перевѣшать». За тѣмъ разломали въ избѣ сундукъ, взяли оттуда 50 р. 75 к., платки, бѣлье, сапоги, всего цѣлковыхъ на 50, и отправились далѣе къ сосѣднимъ избамъ, около которыхъ раставлены были караульные, приказавъ одному изъ своихъ искать младшаго брата повѣшеннаго, Ефима Попова. Когда мятежники удалились, сестры повѣшеннаго Ѳедора бросились къ нему и сняли его съ веревки; бѣдняга еще былъ живъ; ему дали тотчасъ квасу; напившись немного, страдалецъ всталъ на ноги. Въ эту минуту мятежникъ, искавши Ефима, далъ знать своимъ товарищамъ, что нашелъ его; разбойники бросились, по указанію, на скрывшагося, искололи его штыками, и уже умирающаго повѣсили въ хлѣву; замѣтивъ же, что повѣшенный прежде Ѳедоръ ожилъ, заколотили его на смерть кольями и прикладами... Покончивъ съ Поповыми, ватага отправилась къ избѣ Аѳанаса Золотухина, который, ничего не подозрѣвая, парился въ печи. Жена его, услыхавъ шумъ, заперла двери, и, несмотря на крики и угрозы мятежниковъ, не отпирала ихъ. Двери вскорѣ были выломаны. Ворвавшіеся разбойники бросились на несчастную женщину, и подвергая ее страшнымъ истязаніямъ, требовали выдачи мужа; но, несмотра на побои и мученія, бѣдняга повторяла одно и то же: «мужа нѣтъ дома». Обыскавъ всѣ углы и перетрясши все отъ чердака до подвала, мятежники хотѣли было удалиться.... На бѣду, одинъ изъ нихъ заглянулъ въ печь, и убѣжище Аѳанаса было открыто; несчастнаго вытащили оттуда за ноги. Напрасно бѣдная женщина умоляла палачей пощадить ея мужа; вопли ея еще болѣе озлобили извергов. Нанесши ему нѣсколько ударовъ чѣмъ попало, они вывели его на дворъ и повѣсили на яблони. Подобная участь постигла и остальныхъ старообрядцевъ. Одинъ изъ страдальцевъ былъ среднихъ лѣтъ, необыкновенной силы, но слѣпой. Его также повели вѣшать; но несчастный долгое время боролся съ своими палачами и не давалъ имъ наложить ему на шею петлю. Озлобленные мятежники стали бить его прикладами; но слѣпой, схватившись за стволъ, вырвалъ ружье и долгое время имъ защищался. Разбойники остановились, но

ксендзъ Петровичъ, подкравшись къ слѣпцу сзади, ударилъ его саблею и продолжалъ рубить его, пока она не разлетѣлась въ дребезги. Облитый кровью, изувѣченный ударами, несчастный страдалецъ повалился на землю замертво, и тогда торжествующіе изверги, съ дикимъ хохотомъ и насмѣшками, повѣсили его уже умершаго.... Такъ кончили жизнь свою одиннадцать человѣкъ невинныхъ страдальцевъ за свою преданность законному правительству. Миръ вашему праху и вѣчный позоръ вашимъ палачамъ! Вѣчный позоръ и той народности, которая поражаетъ подобныхъ исчадій человѣчества, и въ особенности тому духовенству, которое, вмѣсто словъ мира и любви, заповѣданныхъ Спасителемъ, проповѣдуетъ ненависть, и своими руками, долженствующими приносить безкровную жертву, проливаетъ кровь неповинную!

Слушая разсказы бѣдныхъ женщинъ невольно ужасаешься! Ничье перо не въ состояніи передать тѣхъ неистовствъ, которымъ предавались крамольники.. Между тѣмъ какъ одни изъ нихъ съ звѣрскимъ хохотомъ и проклятіями любовались на предсмертныя судороги своихъ жертвъ, другіе въ то же самое время насиловали въ избахъ бѣдныхъ осиротѣлыхъ женъ и дочерей замученныхъ ими страдальцевъ! Грустно подумать. что въ числѣ этихъ разбойниковъ-вѣшателей находилось болѣе десяти лицъ изъ привилегированнаго сословія, получившихъ воспитаніе, а во главѣ ихъ въ особенности отличался своими неистовствами ксендзъ Петровичъ, такъ что сами вѣшатели напоминали, что ему, какъ служителю алтаря, не слѣдуетъ проливать кровь человѣческую! Совершивъ описанныя жестокости, разбойники поѣхали на мызу помѣщика Хлопацкаго, чтобы перевѣшать тамъ русскихъ арендаторовъ; къ счастію послѣднихъ, какое-то непредвидѣнное обстоятельство помѣшало разбойникамъ привести намѣреніе свое въ исполненіе, — они отправились въ околицу Ибяны, къ знакомымъ своимъ шляхтичамъ и тамъ пили и закусывали окровавленными еще руками...

Послѣ вышеозначеннаго повѣшенія старообрядцевъ, разбойничья шайка вѣшателей существовала не долго. Разбитый параличомъ Робакъ перешелъ въ шайку Воеводы, передавъ начальство надъ вѣшателями воспитаннику ковенской гимназіи Астольфу Квинтѣ, который въ концѣ августа, вмѣстѣ съ двумя това-

рищами, взятъ былъ въ плѣнъ нашими войсками, переданъ суду и по конфирмаціи сосланъ въ каторжную работу на 15 лѣтъ. Въ схваткѣ при взятіи Квинты, двадцать человѣкъ вѣшателей было убито и захвачено 20 лошадей. Этимъ пораженіемъ шайка разбойниковъ была окончательно уничтожена; спасшіеся бѣгствомъ мятежники, въ томъ числѣ и ксендзъ Петровичъ, перешли въ шайку Воеводы, которая также была вскорѣ истреблена нашими войсками; шатающіяся по одиночкѣ личности почти всѣ преловлены и переданы въ руки правосудія.

Изъ имѣющихся въ слѣдственныхъ дѣлахъ показаній открывается ясно, что шайка жандармовъ-вѣшателей, съ самаго начала своего сформированія Черноскальскимъ (Люгайлою) до совершеннаго ея уничтоженія, не отходила далѣе 30—35 верстъ отъ околицы Ибяны, жители которой находились съ нею въ тѣсной связи. Самые распросы разбойниковъ о скрывавшихся старообрядцахъ, во время совершенія описаннаго кроваваго событія, нагляднымъ образомъ указываютъ на то, что одни только сосѣди могли сообщить имъ всѣ подробности домашняго ихъ быта. Главнымъ пристанодержателемъ былъ самый зажиточный владѣлецъ околицы, дворянинъ Иванъ Франдоръ Ибянскій, которому принадлежала осѣдлость въ 582 десятины земли, оцѣненной имъ въ 16 т. р. с. Изъ прочихъ жителей только четверо поступило въ шайку; другіе поставили за себя охотниковъ, платя имъ по 50 и по 100 р., но всѣ вообще обязались содержать на свой счетъ означенную шайку. Въ настоящее время околица Ибяны не существуетъ; главные виновники изъ жителей преданы суду; остальные, по распоряженію правительства, переселены на жительство въ отдаленныя губерніи Россіи. Командовавшій войсками перваго отдѣла ковенской губерніи, по приказанію главнаго начальника края, уничтожилъ до тла означенную околицу; принадлежавшая же шляхтѣ земля отдана подъ застройку 32 семействамъ старообрядцевъ; въ томъ числѣ получили надѣлъ и осиротѣлыя по повѣшенныхъ. Чтобы уничтожить всякое воспоминаніе о слѣдахъ существованія крамольной околицы и совершившемся неслыханномъ злодѣяніи въ ея окрестностяхъ, возводимое старообрядцами селеніе, по волѣ генералъ-губернатора М. Н. Муравьева, названо Никольскою слободою. Подъ каждый дворъ отведено по 10 деся-

тинъ земли; въ пособіе отстраивающимся отпущенъ безплатно лѣсъ и по 100 р. на семью изъ штрафныхъ суммъ, собранныхъ съ участвовавшихъ въ мятежѣ. (Совр. Лѣт.)

Вильно. Н.

МОЗЫРСКІЯ ПИСЬМА.

VIII.

При теперешнихъ даже энергическихъ мѣрахъ нашего правительства—

«истребить нечистый этотъ духъ»

польской пропаганды въ искони православномъ, западно-русскомъ краѣ нашего отечества, шановные патеры и ясновельможные паны неусыпно продолжаютъ свою подпольную работу. Не знаешь, право, чему тутъ удивляться: нахальству ли этихъ патеровъ и пановъ, или тому, что наши русскіе братья, живущіе по западно-русскимъ захолустьямъ, до сихъ поръ еще боятся бить змѣю по самой головѣ?.... Вотъ что сообщилъ мнѣ одинъ молодой человѣкъ, посланный для осмотра существующихъ и открытія новыхъ сельскихъ училищъ:

«Проѣзжая изъ с. М.... въ м. П...., я узналъ по дорогѣ, что въ с. Р..... есть сельское училище, куда и поспѣшилъ немедленно. Тутъ засталъ я 11 учениковъ, изъ которыхъ 3 были римско-католическаго исповѣданія, всѣ же остальные—православнаго. Всѣ они обучались по польскимъ букварямъ и книгамъ, всѣ они изучали польскія молитвы, и до того были ополячены, что не понимали русской рѣчи. Учитель этой школы, какъ видно изъ его документовъ, какой-то дворянинъ. По всему замѣтно, что онъ находится подъ особеннымъ покровительствомъ и руководствомъ тамошняго помѣщика—поляка. Я донесъ, разумѣется, объ этомъ начальнику губерніи, препроводивъ ему при этомъ всѣ, найденныя мною тутъ книжечки и документы».

Между этими іезуитскими хитросплетеніями особенно замѣчательно свидѣтельство на польскомъ языкѣ пану *деректору* (учителю) М.... выданное однимъ чиновникомъ К... палаты государственныхъ имуществъ г. К... за подписями его, мѣст-

наго помѣщика и еще двухъ какихъ-то пановъ. Это—свидѣтельство на право обучать «*дзѣцей, якъ люду шляхетскѣго, такъ и хлопскѣго, якъ католицкѣго вызнанья, такъ и схизматиковъ.*» Интересна также, между этими книжицами, грамматика *польскего ѣнзыка*, въ которой, послѣ опредѣленія имени существительнаго, приводятся слѣдующіе примѣры: «напшикладъ (т. е напр.) *москаль* (русскій) *галганъ* (негодяй), *лайдакъ* (мерзавецъ) и т. д.» [1]).

Мой знакомый довольно юмористично разсказывалъ мнѣ, какъ вышепоименованный *панъ деректоръ* N...., разъигралъ предъ нимъ въ короткое время двѣ польско-національныя роли: *гоноровагo человѣка* и человѣка—*падамъ до ногъ*. Послѣдняя роль была разыграна въ ту минуту, когда панъ *деректоръ* нѣсколько прозрѣлъ и увидѣлъ предъ собою правительственнаго человѣка. Впрочемъ, объ этомъ не стану распространяться.... Кто не видалъ, какъ натуральны въ обѣихъ этихъ роляхъ поляки и ополяченные западноруссы?...

Въ одной изъ найденныхъ въ школѣ книжечекъ такъ хитро—мудро изложена (*на бѣлорусскомъ нарѣчіи, но польскими литерами)* исторія Литвы и Польши, что я беру на себя трудъ подѣлиться съ моими читателями этимъ подпольнымъ педагогическимъ руководствомъ. [2]) Добро, что мнѣ удалось имѣть одинъ экземпляръ его въ рукахъ. Заглавіе этой книженки такое:

«*Предсмертный разговоръ пустельника Петра, который живъ въ пущи (лѣсу) девятьдесятъ лѣтъ, а померъ маючи сто сорокъ лѣтъ. Печатано въ Кіевѣ.*»

Во Имя Отца ✝ и Сына и Святого Духа. Аменъ.

Лѣта моей старосци завуць мяне къ могилѣ, смерць моя заве мяне предъ страшный судъ Божій, гдзѣ мы за усё отвѣчаць будземъ.

---

[1]) Смотри „Старческія воспоминанія“ въ 8 кн. „Вѣстника“. Ред.

[2]) Передавая текстъ этотъ, я только польскія литеры замѣняю русскими, все же остальное передаю буквально.

Пиредъ смерцію хачу пагаворицъ зъ вами, на што я черезъ сто сорокъ лѣтъ глядзѣвъ, и пересказацъ усе—што милосердный Богъ для Польской земли пригатовивъ.

Вѣчная чесцъ и хвала Богу атцовъ нашихъ, а сынамъ цѣлой земли Польской вѣчная свабода!

Милые дзетки!

Бувъ часъ, кали уси людзи на Польской земли були рувніи, [1]) и подъ опекою Бога жили згодно (согласно) и счастливо, якъ дзѣци одного Отца Небеснаго. Тагди не було—ни шляхты, ни панувъ, ни мужикувъ, бо уси були браты, а браты завсёгды соби рувніи.

(Продолженіе этого разсказа, вложеннаго какимъ то изступленнымъ польскимъ патріотомъ—агентомъ подпольнаго жонда въ уста мнимаго 140 лѣтняго старца, мы нерѣшаемся печатно предать гласности, потому, что въ этомъ разрядѣ сгруппированы всѣ тѣ нелѣпыя выдумки, или клеветы на Россію, русское правительство и на православіе, которыми преисполена польская заграничная и подпольная пресса, которыя постоянно на языкѣ поляковъ и которыя сдѣлались общеизвѣстными каждому).

Въ этой же книжечкѣ, мы нашли и слѣдующей гимнъ, составленный поляками для бѣлорусскихъ простолюдиновъ.

Боже, што Польщи чрезъ несмѣтны вѣки,
Давъ чесцъ и хвалу, сперогъ одъ неволи,
А не жалѣвши атцовскуй опеки
Суливъ пацеху (обѣщалъ радость) у нещасной доли.
Передъ алтари молитву заносимъ,
Батьковщину вольну вараци намъ просимъ.
Ты пожалѣвши ее у злой пригодзе (случаѣ)
Не разъ побици маскаля давъ силу,
Серодъ нещасцья у праужедномъ (?) родзѣ
Дабовью (?) хвалы хоцъ пашли въ магилу.
Передъ алтары молитву заносимъ,
Батьковщину вольну ворацы намъ, просимъ.

* * *

О Ты, каторый власть коронованыхъ
Мавляв (словно) былинку зломишь в гневномъ судзе,

Сатрыжъ у порохъ москалевъ паганыхъ,
Дай намъ надзею, што Польща жить будзе.
Передъ алтари молитву и т. д.

* * *

Ты журовицка Пресвятая Дзѣва,
Едыва маци (мать) пропащаго (погибшаго) роду,
Литвы и Польщи можна (могучая) королева,
Упроси Сына, кабъ давъ намъ свободу.
Передъ алтары молитву и т. п.

* * *

Дайже намъ просимъ батьковщину вольну,
Рудненькой нивѣ уражай дай вѣрный,
Згоду и щасцье, радость неправвольну (невозмутимую);
Годзи караци, Боже милосердный!—
Передъ алтары молитву и т. ц.

* * *

У Петриковью, Туровѣ, маскали
Цебѣ, насъ, силой въ сызмы навѣрнули
Справъ (сдѣлай) штобъ одъ сызму Ты и мы адстали,
Штобъ разомъ зъ Польщой кайданы розкули.
Передъ алтары молитву заносимъ,
Батьковщину вольну вараци намъ просимъ.

Аменъ.

Каково, читатели, педагогическое сочиненіе! Никакому Дистервегу не дойдти до такой способности писать.... Невольно съ грустью покачаешь головою и опустишь перо въ чернильницу!

Григорій Кулжинскій.

Участіе женщинъ въ мятежѣ.

Что меня въ особенности поразило во время моихъ теперешнихъ поѣздокъ по Галиціи, такъ это—реакція, которая начинаетъ обнаруживаться между шляхтой противъ революціи и мятежа. Галиція уже пережила благополучно нѣсколько реакцій, не правительственныхъ, а народныхъ, послѣ безразсудныхъ попытокъ революціонной партіи въ 1846 и 1848 гг.; но ни одна

изъ нихъ не имѣла, въ отношеніи зачинщиковъ, такого рѣшительнаго характера, какъ настоящая. Прежде старались оправдывать ихъ, насколько возможно,—причины зла приписывали, по большей части правительству; теперь напротивъ. Прежде осуждали коноводовъ за легкомысліе, теперь укоряютъ руководителей, собравшихся въ Галицію со всѣхъ сторонъ, въ обманѣ. Многіе изъ нихъ, по объявленіи военнаго положенія, немедленно удалились изъ Галиціи, оставивъ послѣ себя самую жалкую память. Гдѣ еще сохранили сочувствіе къ несчастнымъ, поддавшимся внушеніямъ заморскихъ агитаторовъ, тамъ ожесточены тѣмъ болѣе противъ фальшиваго жонда самозванцевъ. Я имѣлъ случай убѣдиться особенно въ такомъ настроеніи сельскихъ обывателей, и искренно сознаюсь, что не ожидалъ такой рѣшительной реакціи между тѣми, кто недавно еще, повидимому обнаруживалъ готовность къ принесенію всевозможныхъ жертвъ на дѣло пресловутаго народоваго жонда. Теперь разсуждаютъ объ немъ, какъ о шайкѣ мошенниковъ.... Вмѣстѣ съ этимъ, не прекращаются еще споры о жертвенномъ козлѣ, которымъ служатъ то *бѣлые*, то *красные*....

Недавно арестована графиня М... По слухамъ, правительство напало на слѣдъ женскаго комитета, который долженъ былъ организовать формальный заговоръ. Кажется, въ связи съ этимъ находится арестъ Островской и Водзицкой.

По различнымъ печатнымъ и литографированнымъ инструкціямъ можно сдѣлать слѣдующій очеркъ этой женской организаціи:

Во главѣ стоитъ ***женскій комитетъ***. Ему подчинены госпожи ***окружныя***, имѣющія непосредственное сношеніе съ комитетомъ и назначающія госпожъ ***участковыхъ*** для городовъ и ***уѣздныхъ***, которыя, въ свою очередь, выбираютъ и назначаютъ,, такъ называемыхъ, ***приходскихъ попечительницъ***.

Участковая обязана устраивать денежную складку въ цѣломъ городѣ. Она получаетъ отъ подлежащей ***окружной*** особые, двоякаго рода листы, называемые ***десятичными*** и ***пятичными***, украшенные печатями: «Посчастливь, Боже.» Обязательный взносъ по десятичному листу составляетъ 12 злотыхъ (1 р. 80 к.) одновременно, и 4 злотыхъ, или 1 австр. гульденъ (60 к.) ежемѣсячно; взносъ по пятичному листу составляетъ не менѣе 10 грошей. Кромѣ этого ежемѣсячнаго

взноса, назначенъ особый взносъ на составленіе *жельзнаго фонда,* подъ видомъ фонда для увѣчныхъ. *Участковая* выбираетъ себѣ *намѣстницу,* и, сообразно съ раздѣленіемъ города выбираетъ еще на каждую часть одну *частную попечительницу,* для занятій по всѣмъ дѣламъ этой женской институціи. *Частныя* попечительницы выбираютъ себѣ помощницъ, или *сестеръ-благотворительницъ,* изъ числа исправно платящихъ ежемѣсячные взносы. *Участковая,* ея *намѣстница* и *частныя попечительницы* составляютъ *городской попечительный совѣтъ,* которымъ руководитъ участковая, составляя совѣщанія разъ въ недѣлю. На этихъ совѣщаніяхъ предложенія рѣшаются большинствомъ голосовъ, а по вопросамъ менѣе важнымъ или экстреннымъ—*участковою. Участковой,* вмѣстѣ съ *попечительнымъ совѣтомъ,* предоставляется право употреблять четвертую часть мѣсячнаго дохода на мѣстныя надобности; три части отсылаются *окружной.*

Утопію женской эмансипаціи я бы понялъ подъ однимъ только условіемъ,—подъ условіемъ принятія на себя и исполненія мужчинами правъ и обязанностей женщины. А это вмѣшательство женщинъ въ сферу политики, въ сферу заговора, маскировано благотворительностью и человѣколюбіемъ, представляется мнѣ очевиднымъ признакомъ обезсиленія хоть пожалуй, и не болѣе непрекрасной, но болѣе сильной половины народа, если только женщины, вдающіяся въ заговоры, не служатъ орудіями въ рукахъ политическихъ фокусниковъ, которые безчестно злоупотребляютъ ихъ благородными чувствами. Фактъ неоспоримый, что ни въ одинъ годъ не любились столько и такъ сильно, какъ въ прошедшій 1863 годъ. Этимъ можетъ быть пополнится потеря въ людахъ, но теорія этики останется навсегда въ противорѣчіи съ такою практикой жизни. Въ этой-то практикѣ несомнѣнно получилъ свое начало теперешній женскій заговоръ, для составленія котораго приносились въ жертву благороднѣйшія чувства. Можно быть хорошимъ католикомъ, вѣрнымъ сыномъ церкви, и все-таки признать, уважая истину, что въ исторіи ученія Лейолы видны осязательные слѣды того, какъ не только для нравственныхъ цѣлей употребляемы были средства безнравственныя, но что еще хуже—злоупотреблялись вѣра и чувства въ видахъ и весьма личныхъ и корыстныхъ. Совершенно тоже самое можно замѣтить въ организаціи, глав.

ные основатели и руководители которой хорошо поняли истину, что, желая господствовать, нужно овладѣть чувствами, слабостями и взаимными отношеніями людей; женскій комитетъ и вся женская организація, подъ наружнымъ покровомъ благотворительности, служатъ именно тѣми орудіями, съ помощію которыхъ замыслили извѣстные ультра-патріоты господствовать надъ разумомъ, сердцемъ и карманомъ народа. Если вѣрить народнымъ пословицамъ о значеніи и свойствахъ женщины, то австрійскому правительству въ Галиціи предстоитъ тяжелая работа, хоть бы и все зданіе Маріи Магдалины во Львовѣ было наполнено государственными преступниками въ кринолинахъ, чепцахъ и сѣткахъ. Будемъ однако надѣяться, что наши прекрасныя и добрыя дамы, всмотрѣвшись въ цѣлую гнусную сѣть козней безчестныхъ людей, эксплоатирующихъ ихъ чистѣйшія и достойнѣйшія чувства ради своихъ личныхъ интересовъ, откажутся наконецъ содѣйствовать ихъ замысламъ, не изъ страха тюрьмы, но потому, что замыслы эти гибельны для страны и ея интересовъ. Очевидное дѣло, зборъ приношеній въ пользу увѣчныхъ—только маска женской организаціи, ибо для такого сбора не нужно было бы ни тайны, ни чиноначалія. Оказать пособіе немощному можетъ всякій, не ожидая разрѣшенія или предложенія госпожъ окружныхъ, уѣздныхъ, участковыхъ и цѣлаго ряда попечительницъ разныхъ наименованій. Что значитъ это постоянное обложеніе податью, какъ непремѣнное условіе, чтобы получить довѣренность на собираніе подаяній въ пользу бѣдныхъ?... Убѣжденнымъ въ христіанскихъ обязанностяхъ нужно ли требовать, для ихъ исполненія санкціи и патентовъ отъ самозваннаго жонда, который уже пролилъ столько крови и разстратилъ столько народнаго достоянія? Гдѣ же ручательство, что все собиранное женской организаціей съ благороднымъ самоотверженіемъ, будетъ употреблено на благотворительныя цѣли? Гдѣ увѣренность, что женщины, участвующія въ этой организаціи, не сдѣлаются, противъ собственнаго вѣдѣнія и воли, орудіями недостойнѣйшихъ интригъ?...

Свойственный женщинамъ инстинктъ долженъ указать имъ лучше, чѣмъ самыя глубокомысленныя умствованія, что не эта организація можетъ служить для нихъ поприщемъ отличія. Пусть женщина бодрствуетъ у домашняго очага, пусть охраняетъ чистоту нравовъ и обычаевъ, пусть воспитываетъ въ дѣ-

тяхъ чувства религіозныя и народныя,—здѣсь она содѣлаетъ для Польши болѣе добра, чѣмъ своею службою неизвѣстнымъ ей планамъ, замаскированнымъ благотворительными цѣлями.

Письмо изъ м. Божина къ редактору «Вѣстника»

Милостивѣйшій государь

Ксенофотъ Антоновичъ!

Я, одинъ изъ вашихъ учениковъ,—окончившій курсъ въ Полоцкѣ 1843 года. Руководимый благодарностію къ бывшему доброму наставнику и гордясь настоящимъ его значеніемъ въ обществѣ русскихъ, я принялся за свое слабое перо, чтобы выразить сочувствіе вашему святому дѣлу. Ваши заслуги, оказанныя обществу и ваша многоплодная дѣятельность на пользу нашего отечества, приводятъ всѣхъ насъ въ неизъяснимый восторгъ. Я служу при божинскомъ духовномъ уѣздномъ училищѣ 21 годъ, отстоящемъ отъ м. Березина не въ дальнемъ разстояніи, гдѣ благочиннымъ священникъ Романъ Пастернецкій, тоже вашъ благодарнѣйшій ученикъ. При каждомъ свиданіи, мы утѣшаемся нашимъ общимъ профессоромъ. Своими познаніями и трудами, вы поражаете, такъ сказать, на голову, общихъ нашихъ враговъ, которые своими многоразличными адскими продѣлками вызывали, на зло себѣ, такое непобѣдимое на нихъ оружіе. Не ослабѣвайте въ своихъ начинаніяхъ: направленіе, цѣль, значеніе вашего журнала вполнѣ оцѣниваются истинными сынами нашего отечества и найдутъ въ потомствѣ еще благодарнѣйшихъ цѣнителей. Мы не сомнѣваемся, что наше дорогое отечество не останется равнодушнымъ къ вашимъ высокимъ и благороднѣйшимъ подвигамъ. Мы тоже несли нашу посильную лепту на алтарь отечества: живое слово и примѣръ жизни, и чуть было не сдѣлались жертвами злобы бѣшеныхъ, необузданныхъ, но при помощи Вседержителя, уже падшихъ поляковъ. 30 апрѣля прошлаго года, я самъ чуть не сдѣлался жертвою неистовства мятежниковъ, одна минута, и я былъ бы въ ихъ нечестивыхъ рукахъ. Богъ спасъ меня за правое дѣло. Въ газетѣ «День» за мартъ мѣсяцъ № 13, этого года, помѣщена

статья о моемъ несчастномъ приключеніи, написанная инспекторомъ минской гимназіи г. Балвановичемъ. Все сказанное въ ней правда, съ очень немногими исключеніями. Крамольники ни чего не щадили для достиженія своихъ безчеловѣчныхъ цѣлей, но и мы ничего не щадили для поддержанія общественнаго порядка вещей, государственнаго строя и огражденія правъ меньшихъ нашихъ братьевъ. Словомъ работали по нашимъ слабымъ средствамъ. Вѣсы правосудія Божія показали, кто правъ а кто виноватъ, и истина за нами. Еще разъ осмѣливаюсь умолять васъ именемъ Россіи, не ослабѣвайте въ своихъ трудахъ, Ксенофонтъ Антоновичъ, разите правдою исторіи и науки тайныхъ и тѣмъ болѣе зловредныхъ *мятежныхъ* ультрамонтанъ. Мы не сомнѣваемся, что передовые враги наши, подземные агитаторы тайкомъ читаютъ вашъ журналъ. Обличеніе лжи и клеветъ, это самое радикальное средство къ торжеству истины. Мы только будемъ молить Бога о продленіи и украшеніи столь полезной государству вашей жизни и дѣятельности. Награды здѣсь вы не ищите, Вы лучше меня знаете, гдѣ и кто наградитъ ваши самоотверженые подвиги, на защиту нашей вѣры и отечества. До гроба благодарнѣйшій и преданнѣйшій вашъ ученикъ и покорнѣйшій слуга Августинъ Шафаловичъ.

1864 г. 2-го мая.
Минской г., Игуменскаго у. м. Божинъ.

P. S. Заклинаемъ васъ всѣ мы, читающіе «Вѣстникъ», всѣмъ для васъ святымъ отмежевать уголокъ въ вашемъ журналѣ какъ для этого письма, такъ и для прилагаемаго при семъ отрывка, какъ эпизода изъ недавно минувшаго возстанія поляковъ, увѣряю васъ, что это не мое только личное желаніе, но просьба всей нашей околицы [1]).

---

[1]) Хотя въ редакціи „Вѣстника“ можно найти безчисленное множество подобныхъ писемъ, получаемыхъ отъ лицъ, стоящихъ на разныхъ ступеняхъ и отрасляхъ общественной дѣятельности, но редакція, по весьма понятному чувству, считала излишнимъ предавать ихъ гласности. Въ пользу же настоящаго письма сдѣлано исключеніе по многимъ уважительнымъ причинамъ и между прочимъ по формулированной особымъ образомъ просьбѣ и личнымъ отношеніямъ автора письма къ редактору-издателю „Вѣстника“. Просимъ читателей уважить эти причины и отношенія. Ред.

Вечеръ, проведенный въ добромъ семействѣ еврея.

1-го марта вечеромъ, я отправился за дѣломъ въ м. Березинъ и, по обыкновенію, заѣхалъ въ домъ тамошняго благочиннаго, отца Романа Пастернацкаго. Не заставъ дома ни его самаго, ни его жены, отъ попавшаго мнѣ на встрѣчу Вуколы, кучера мироваго посредника г. Самовича, я узналъ, что его господа и благочинный съ женою находятся въ гостяхъ у тамошняго купца еврея Симона Зельдовича. Поскучавъ нѣсколько минутъ, я послалъ увѣдомить о. благочиннаго о моемъ пріѣздѣ; возвратившійся Вуколъ, отъ имени своего барина, благочиннаго и хозяевъ, просилъ меня отправиться туда-же, я и радъ былъ подобному случаю. Кромѣ помянутыхъ лицъ, я засталъ тамъ и лучшее еврейское населеніе м. Березина.

Послѣ радушныхъ привѣтствій и приличнаго угощенія, начались у насъ толки о горестномъ прошедшемъ и неизвѣстномъ настоящемъ. Я расказалъ, по просьбѣ общества, о нападеніи на меня и преслѣдованіи мятежниками, моемъ спасеніи, мѣстѣ укрывательства, страданіяхъ моей жены и дѣтей и одрупихъ подробностяхъ этого страшнаго эпизода моей жизни. Я видѣлъ искреннѣйшее участіе въ лушателяхъ къ моей судьбѣ и расказу. Особенно пріятно мнѣ было замѣтить это участіе въ добрѣйшей женѣ г. Самовича, извѣстнаго всѣмъ своимъ патріотизмомъ, прямодушіемъ, честностію, неуклоннымъ стремленіемъ къ осуществленію благихъ предначертаній Государя Императора, неутомимаго въ опредѣленіи правъ крестьянскаго сословія, въ улучшеніи его судьбы и распоряженій генерала Муравьева, нерѣдко предворявшаго своей энергій и мудростью желанія Россіи и ея Монарха. У г. Самовичивой я замѣтилъ на глазахъ слезы. Послѣ этого, жена г. Самовича упросила и о. благочиннаго расказать свои несчастія. Я уже зналъ все: и письмо крамольниковъ съ угрозою висѣлицы, и отчаяніе его жены, и то, какъ о. Пастернацкій шесть недѣль былъ скрываемъ отъ злодѣевъ евреями. Однакожъ, какъ ни были мнѣ извѣстны всѣ эти обстоятельства, но никакъ я не могъ узнать, который еврейскій домъ пріютилъ несчастнаго о. Романа. Просьбы мои, назвать этихъ добрыхъ людей были безъ успѣха. Назовите Бога ради, о. Романъ, то доброе семейство, сказали мы въ одинъ голосъ, которое спасло васъ отъ очевидной опасности!

— Къ чему вамъ, отвѣчалъ благочинный, потупивъ глаза.

Скажите, скажите, мы продолжали настойчиво.

— Если уже вамъ такъ хочется, то скажу, сказалъ благочинный, посмотрѣвъ съ умилѣніемъ на хозяина дома, вотъ кто далъ мнѣ убѣжище, прибавилъ онъ.

«Да, я, тихо отвѣчалъ Симонъ».

И вы не боялись мести, на случай открытія мятежниками убѣжища о. Романа, замѣтилъ мировой посредникъ?

«Нѣтъ, отвѣчалъ Симонъ. О. Романъ живетъ съ нами болѣе двадцати лѣтъ; мы всѣ умѣемъ цѣнить его прекрасныя качества ума его и сердца; не только я, но все наше еврейское общество готово на всевозможныя жертвы для сохраненія его жизни, онъ для насъ лучшій во всемъ мѣстечкѣ сосѣдъ. При томъ и я, и всѣ наши евреи, крѣпко были убѣждены, что бѣшенство шляхты скоро минетъ, и мятежники со временемъ горько пожалѣютъ о своемъ безсмысленномъ возстаніи и дерзкомъ нарушеніи общественной тишины и гражданскаго благоустройства.

Мировой посредникъ и я, съ восторгомъ цѣловали благороднѣйшаго Симона, жена г. посредника и жена благочиннаго съ чувствомъ пожимали его руку; отецъ Романъ, плакалъ.

Картина была трогательна, незабвенна!

Скажите, панове и шляхта, кто выше стоитъ на нравственной лѣстницѣ поклонникъ ли папы, мѣтящій на жизнь своего собрата во христѣ, или этотъ послѣдователь Моисеева закона, спасающій жизнь новозавѣтнаго священника? Отвѣтъ очевиденъ.

Учитель Шафаловичъ.

Минской губ. игуменскго уѣзда
м. Божинъ. 3-го марта 1864 года.

Стихотвореніе, выражающее благодарность Монарху крестьянъ витебской губерніи за дарованіе имъ свободы.

Крестьяне витебской губерніи, себежкаго уѣзда, глембочинской волости, во всеподданнѣйшемъ прошеніи, выражая чувства благодарности Государю Императору, за освобожденіе ихъ изъ крѣпостной зависимости, и вѣрноподданической преданности, ходатайствовали о напечатаніи сочиненныхъ по сему случаю стиховъ, на одной сторонѣ листа, для помѣщенія въ рамкѣ подъ портретомъ Государя Императора, находящимся въ волостномъ правленіи.

По всеподданнѣйшему г. министра внутреннихъ дѣлъ о семъ докладу, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: объявить означеннымъ крестьянамъ благодарность Его Величества и исполнить ходатайство ихъ относительно печатанія схиховъ.

Вотъ это стихотвореніе:

За дарованіе незабвенной намъ свободы въ день 19 февраля 1861 года.

Позволь Монархъ великодушный,
Тебя, Отца, благодарить;
И какъ дѣтямъ во всемъ послушнымъ,
Что мы чувствуемъ—открыть.
Ты для спасенія вселенной
Съ круговъ Ангельскикъ слетѣлъ,
Воцарился, и мгновенно
Много сдѣлалъ добрыхъ дѣлъ!
И угнетенныхъ на волю
Вывелъ всѣхъ Твоихъ рабовъ,
И златую далъ намъ долю,
И защиту, и покровъ.
Съ дарованіемъ свободы
Много правъ намъ даровалъ,
А былые тяжки годы
Словомъ царственнымъ попралъ.
Вспомнить грустно, какъ страдали
До Тебя, нашъ Царь-Отецъ;
Какъ насъ бѣдныхъ угнетали,
Безъ сочувствія сердецъ.
А какъ вступилъ на тронъ священный
И всѣмъ милости излилъ, —
И насъ на свѣтъ, о незабвенный,
Вновь какъ будто возродилъ.
И мгновенно прояснилась
Жизнь страдальцевъ многихъ лѣтъ,
И правдой истина открылась,
И отверзся Божій свѣтъ.
И все доступно стало въ мірѣ,
Впредь невѣдомое намъ.

Тебѣ державному въ порфирѣ,
Льемъ сердечный ѳиміамъ.
Прими благодаренье
Вѣрно преданныхъ сердецъ,
И всей Россіи въ упоенье
Царствуй въ вѣкъ Ты, нашъ Отецъ.
День свободы полвселенной
Будетъ помнить весь нашъ родъ,
И Твое имя, незабвенный,
Богомъ сосланный съ высотъ,
Будетъ чтить благоговѣйно
И въ сердцахъ во вѣкъ носить
Залогъ любви, и умиленно
За Тебя Творца молить.
Хотя враги на насъ злобятся,
Что свободно мы живемъ,
Нашей волей тяготятся
И съ заржавленнымъ ружьемъ
Они мечтаютъ, какъ бы снова
Отъ Тебя насъ, Царь, отнять;
Но одно, Державный, слово,—
Всѣ готовы мы возстать
На враговъ, и кровь рѣкой
За Тебя и Русь пролить,
И безтрепетной рукой
Мира рушителямъ отмстить.
Мы, Царь, достаткомъ не богаты,
Но силы ратныя сберемъ:
И младъ, и старъ, изъ каждой хаты,
Мы разить враговъ пойдемъ.
Мы, россы, славой были страшны
Врагамъ на полѣ битвы въ старь;
Теперь же болѣе ужасны
Мы имъ будемъ, добрый Царь.
Теперь мы болѣ слышимъ силы
И кровь въ груди сильнѣй кипитъ
Страданье, смерть и мракъ могилы
Не въ силахъ мести заглушить.
Иди на насъ враговъ Европа,

И мы стремглавъ на встрѣчу къ нимъ,
Отстоимъ—и ни полснопа
Родной земли имъ не дадимъ,
Мы не впервые пережили
Тьму безчисленныхъ тревогъ
Отъ враговъ, но вѣрны были
Царямъ русскимъ, и нашъ Богъ
Во вѣкъ хранитъ Русь православную
Святой защитой отъ враговъ,
И вознесъ престолъ державный
И Его преданныхъ сыновъ.

Всеподданнѣйшее письмо

Отъ дворянъ кіевской губерніи, римско-католическаго исповѣданія.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШІЙ ГОСУДАРЬ!

„Достославное царствованіе Вашего Императорскаго Величества знаменуетъ эпоху, почти безпримѣрную въ исторіи народовъ. Неусыпныя заботы Вашего Величества о благоденствіи всѣхъ вѣрноподданныхъ Своихъ, составляютъ постоянное стремленіе Ваше, благодушный Государь! Мы, вѣрноподданные Вашего Императорскаго Величества, дворяне кіевской губерніи, съ упованіемъ и довѣріемъ слѣдили за преобразованіями, совершаемыми Вами, Великій Государь. Не смотря на тревоги, возникшія на западѣ, дѣятельность не прекращалась,—видимо царственныя предначертанія составляли постоянное стремленіе Вашего Величества упрочить общее благоденствіе въ знаменательную эпоху Вашего царствованія.

„Но, къ сожалѣнію, во время этихъ мирныхъ благодѣтельныхъ преобразованій, подъ вліяніемъ неурядицъ въ Царствѣ Польскомъ, нѣкоторые изъ нашихъ дворянъ, будучи увлечены общимъ волненіемъ умовъ, уклонились съ истиннаго пути, и несомнѣнно глубоко нынѣ сознаютъ свое заблужденіе.

„Всемилостивѣйшій Государь! При первомъ нашемъ съѣздѣ въ г. Кіевѣ, мы пользуемся случаемъ, чтобы повергнуть къ стопамъ Твоимъ наши вѣрноподданническія чувства и желаніе утвержденія

всеобщаго спокойствія и законнаго порядка, составляющаго залогъ благоустройства и благоденствія государства.

„Велико Твое благосердіе, Государь! и да проститъ оно виновныхъ, сдѣлавшихся жертвами заблужденій и подстрѣкательствъ. Мы же всѣ, проникнутые чувствами любви и долга, присоединяемся къ великой семьѣ русской и возносимъ вмѣстѣ съ нею мольбы, да сохранитъ Господь дни Вашего Императорскаго Величества для блага и с астія Россіи и да пошлетъ намъ силы и возможность не словами только, а дѣломъ доказать предъ Тобою, Государь, и предъ лицомъ всей Европы правдивость нашихъ чувствъ и неизмѣнную вѣрноподданническую преданность.

Вашего Императорскаго Величества вѣрноподданные, дворяне кіевскаго вѣроисповѣданія римско-католическаго.“

(Слѣдуютъ подписи).

Путешествіе въ Польшѣ.

Въ газетѣ le Nord отъ 20 апрѣля подъ заглавіемъ „Путешествіе въ Польшѣ—письмо къ редактору“ напечатана слѣдующая статья:

„Съ самаго начала инсуррекціи сужденія прессы о польскомъ вопросѣ были перемѣнчивы до крайности. Первое впечатлѣніе было вовсе не въ пользу движенія. При первомъ извѣстіи о возстаніи, всѣ почти газеты дружно заговорили о пагубныхъ его послѣдствіяхъ, называя его опрометчивымъ, несвоевременнымъ и неполитическимъ поступкомъ Онѣ явственно были убѣждены въ томъ, что Польша могла болѣе выиграть отъ времени и добровольныхъ уступокъ Россіи, чѣмъ отъ вооруженной борьбы.

Это однако продолжалось около двухъ недѣль, и во всякомъ случаѣ не болѣе мѣсяца. Вдругъ наступила совершенная перемѣна фронта. Было ли это повиновеніе приказаніямъ какой то власти, или поворотъ, вызванный крайне напряженнымъ политическимъ состояніемъ, или же опасеніе, чтобы не ошибиться въ значеніи азартнаго предпріятія, представлявшаго по видимому нѣкоторую возможность успѣха, или же только просто причуда—намъ до этого дѣла нѣтъ. Предоставимъ будущему историку нашего времени доискиваться причинъ

этого нечаяннаго и крутаго поворота. Современники въ состояніи только записать этотъ фактъ въ свою лѣтопись.—Изъ неумѣстнаго и опрометчиваго предпріятія, польское возстаніе сдѣлалось вдругъ крестовымъ походомъ свободы противъ деспотизма, священною войной, которая возникла очень въ пору. Вокругъ нея образовалась придворная свита и столпились льстецы. Россія была предана суду, лишена международныхъ правъ и приговорена къ ссылкѣ по ту сторону Уральскихъ горъ. Всѣ газеты, за исключеніемъ только трехъ или четырехъ, наполнены были статьями, отрывками и разными извѣстіями въ этомъ духѣ. Истинное положеніе политическихъ дѣлъ, равно какъ и военныя событія, вовсе не оправдывали этихъ наглыхъ нападокъ и химерическихъ проэктовъ; но не довольствуясь этимъ, газеты начали создавать произвольныя небывалыя ситуаціи, составлять ложныя телеграфическія депеши, корреспонденціи и всевозможные документы, и успѣли ввести общественное мнѣніе въ заблужденіе, до такой степени, что оно спокойно внимало ихъ возгласамъ о необходимости войны.

Только благодаря проискамъ польской партіи движенія, фабрики телеграммъ, корреспонденцій и документовъ, могли найти въ прессѣ сбытъ для своихъ издѣлій! Но фабриканты и повставщики этого рода уже черезъ чуръ ухищрялись и отъ чрезмѣрной ловкости попали въ просакъ. Они стали растягивать широкую, но до того тонкую ткань, что наконецъ нить разорвалась. Публика замѣтила это, стала разъяснять себѣ многое и вмѣсто пустыхъ фразъ и небылицъ потребовала фактовъ.

Вотъ въ какомъ положеніи теперь дѣло. Послѣ эпохи „апокрифическихъ документовъ“ настала теперь эпоха „подлинныхъ актовъ.“ Разсказы и письма правдолюбивыхъ очевидцевъ изъ числа французовъ, возвратившихся изъ Польши, а именно гг. Эмиля Мезона, Лукіана Фука и Артина Калявaза, заключаютъ въ себѣ достовѣрныя свѣдѣнія о вовстаніи. Статья же о крестьянахъ, помѣщенная въ le Nord отъ 21 января представила очеркъ соціяльнаго положенія края.

Чѣмъ больше собирается документовъ, тѣмъ менѣе надежды на успѣхъ будутъ имѣть тѣ, которые любятъ удить рыбу въ мутной водѣ. Мнѣ случайно попалось въ руки дѣло объ эманципаціи, содержащее въ себѣ всѣ труды, относящіеся къ недавнему освобожденію польскихъ крестьянъ. Въ числѣ другихъ, я нашелъ тамъ весьма интерес-

ное описаніе поѣздки въ Польшу, совершенной въ послѣднихъ числахъ октября четырмя лицами, принимавшими самое дѣятельное и самое живое участіе въ окончательномъ разрѣшеніи этого вопроса. Насъ упрекнуть быть можетъ въ неумѣстномъ любопытствѣ, за то, что мы предаемъ гласности то, что авторами вовсе не было предназначено къ печати, но такъ какъ упоминаемое здѣсь описаніе служитъ необходимымъ дополненіемъ исторической статьи, напечатанной уже въ le Nord, то я рѣшился перевести ее въ сокращеніи для читателей вашей газеты.

Я сожалѣю очень, что не могу перевести сказанной статьи безъ сокращеній, но очень понятно, что журналъ не можетъ помѣщать цѣликомъ описанія, состоящаго изъ 30 листовъ in folio. Приводя его ниже, мы просимъ не упускать изъ виду, что поѣздка совершена была въ послѣднихъ числахъ прошлаго октября мѣсяца, и что послѣднія распоряженія русскаго правительства совершенно подтвердили описываемое тамъ положеніе дѣлъ. Это уже принадлежитъ къ исторіи.

„..Изучивъ законы и постановленія, объусловливающіе настоящее положеніе крестьянъ въ Царствѣ, мы просили разрѣшенія проѣхать край въ разныхъ направленіяхъ, желая убѣдиться лично въ достовѣрности оффиціальныхъ свѣдѣній и ознакомиться ближе съ потребностями и стремленіями сельскаго населенія. Съ этою цѣлью мы предположили посѣтить равскій, ленчицкій и піотрковскій уѣзды варшавской и олькушскій уѣздъ радомской губерніи. На этомъ пространствѣ мы надѣялись встрѣтить всѣ возможныя проявленія сельскаго быта въ Польшѣ,—и дѣйствительно намъ удалось посѣтить шестнадцать различныхъ сельскихъ центровъ, а именно: 7 деревень, принадлежащихъ къ частнымъ вотчинникамъ, 2 деревни государственныхъ крестьянъ, 2 заселенныя колонистами, 1 маіоратское помѣстье и 4 мѣстечка. Вездѣ намъ удалось собрать много интересныхъ свѣдѣній. Признавая неудобнымъ исчислить всѣ замѣченныя нами подробности, мы сообщаемъ въ общихъ чертахъ результаты нашихъ наблюденій, относящихся къ крестьянскому вопросу.

„Польскіе крестьяне, тѣ изъ нихъ по крайней мѣрѣ, съ которыми намъ случалось разговаривать, далеко не такъ не довѣрчивы, подозрительны и ничтожны въ нравственномъ отношеніи, какими ихъ

обыкновенно представляютъ. Мы заводили съ ними рѣчь въ первый разъ, въ обстоятельствахъ, способныхъ усилить недовѣріе, которымъ отличается вообще все сельское сословіе; мы предлагали имъ вопросы тогда, когда одно опрометчивое слово съ ихъ стороны могло навлечь на нихъ самое жесточайшее мщеніе жонда [1]; но не смотря на эти условія, самыя неблагопріятнѣйшія для откровенныхъ изліяній, мы нигдѣ не замѣтили уклончивости отъ объясненій, а напротивъ того легче чѣмъ мы ожидали, намъ приходилось вызывать поселянъ къ предъявленію своихъ нуждъ и желаній. Чтобы достигнуть этого результата, достаточно было оказывать имъ исподоволь нѣкоторое сочувствіе—непривычное вовсе для нихъ явленіе.

„Когда собирались крестьяне, обыкновенно являлись между ними постороннія лица, отличающіяся отъ толпы и своею физіономіей, и

---

[1] Благодаря оффиціальнымъ документамъ, опубликованнымъ въ свое время читатели Norda достаточно ознакомлены съ дѣйствіями «народнаго правительства,» и потому я считаю излишнимъ входить въ печальное истолкованіе этого выраженія «Мщеніе жонда.» Въ этомъ примѣчаніи я не намѣренъ вовсе исчислять поголовно жертвы, павшія подъ ударами агентовъ центральнаго комитета, ниже говорить объ утонченности, съ которою эти господа исполняли свою обязанность—я хочу отмѣтить здѣсь только одно сознаніе. По настоящее время польскіе корреспонденты упорно отвергали многочисленныя казни, внесенныя, на основаніи русскихъ документовъ, въ послужной списокъ жонда. Дѣйствуя предусмотрительно, они постоянно противуставляли описанію жестокостей со стороны русскихъ, повѣствованіе, дѣлающее честь человѣческимъ чувствамъ революціонныхъ предводителей. Эта ловко обдуманная формула была безсмѣнно помѣщаема доселѣ всякій день во всѣхъ почти газетахъ. Наконецъ нынѣ появилась польская корреспонденція за подписью Ѳеофила Осецкаго, подтверждающая, что инсургенты не заставляютъ себя долго умолять о доставленіи занятія своимъ жандармамъ-вѣшателямъ. «Когда убѣдились, разсказываетъ г. Ѳ. Осецкій, что эти (крестьяне), измѣняютъ народному дѣлу,» ихъ стали подвергать суду передъ собранными жителями и тамъ приговаривали ихъ къ тѣлесному наказанію, и нѣкоторыхъ даже къ смертной казни (такъ).» (См. Illustration отъ 9 апрѣля, **корреспонденція изъ Польши**). Эти нѣсколько строкъ не отличаются блестящимъ слогомъ, но мысль ихъ ясно и чисто выходитъ наружу. Свидѣтельство г. Ѳ. Осецкаго многознаменательно. Далѣе слѣдуетъ еще обратить вниманіе на одинъ фактъ. Корреспондентъ говоритъ: «о хорошо уже извѣстномъ враждебномъ расположеніи галицейскихъ крестьянъ ко всему польскому.» Галицейскіе же крестьяне ни болѣе ни менѣе какъ мало-россіяне. Послѣ того какимъ образомъ станутъ защищать обыкновенную тезу о симпатическомъ содѣйствіи украинскихъ мало-россіянъ?—Н. Т.

своимъ костюмомъ. Это были офиціалисты, агенты пана, управители, писари и т. п., прибывшіе очевидно съ порученіемъ наблюдать за крестьянами, которые, зная объ этомъ, были съ своей стороны очень осторожны. Мы старались всегда устранять этихъ незванныхъ гостей, и тотчасъ крестьяне поднимали поникшія головы и мужались духомъ. Отвѣтивъ на наши вопросы о качествѣ земли, о родѣ повинностей и т. п., они переходили обыкновенно по собственному побужденію къ жалобамъ. Женщины были разговорчивѣе и откровеннѣе чѣмъ мужчины и заставляли своихъ мужей входить въ подробныя объясненія. Съ самаго начала онѣ прислушивались только съ напряженнымъ вниманіемъ, но послѣ мало по малу смѣшивались съ толпою мужчинъ, принимали участіе въ разговорѣ и наконецъ успѣвали овладѣть имъ совершенно. Между крестьянами, равно какъ и въ другихъ слояхъ общества въ Польшѣ, замѣтно всегда живое и разумное вліяніе женщины.

„Сколько мы въ состояніи судить объ этомъ—несмотря на встрѣчающіяся часто злоупотребленія, польскіе крестьяне не потеряли еще самосознанія своихъ правъ. Они понимаютъ какъ нельзя лучше разницу существующую въ положеніи, тѣхъ, которые отправляютъ барщину и тѣхъ, которые уплачиваютъ условленный денежный оброкъ. Они отдаютъ даже себѣ отчетъ о причинахъ, обусловливающихъ это различіе. Такъ, напримѣръ, они никогда не смѣшиваютъ съ собою двухъ различныхъ денежныхъ повинностей: выкупа и чинша, и ясно представляютъ себѣ первый какъ денежную оцѣнку барщины, а второй какъ поземельный оброкъ, представляющій съ большею или меньшею точностью качество и пространство земельнаго участка.

„Что касается барщины, крестьяне говорятъ о ней не иначе какъ съ отвращеніемъ. Въ одномъ изъ вотчинныхъ помѣстій, расположенныхъ въ олькушскомъ уѣздѣ, въ Блендовой-Кузницѣ, крестьяне жаловались на весьма обременительные для нихъ выкупные платежи, и на безвыходное свое положеніе. Но на сдѣланный имъ вопросъ: „Не сожалѣютъ ли они случайно о барщинѣ?“—одинъ изъ нихъ, бросивъ на насъ взглядъ, исполненный упрека, отвѣчалъ: „Возможно ль это? Развѣ мы не люди?“—Вообще говоря, вотчинные крестьяне уплачивающіе выкупъ равно какъ и состоящіе на смѣшенной повинности, завидуютъ государственнымъ крестьянамъ (которые платятъ чиншъ

или оброкъ за свои земельные участки) и желали бы перейти въ подобное положеніе. Къ несчастію введеніе чинша не сдѣлало по настоящее время никакихъ успѣховъ и крестьяне жалуются на это повсемѣстно. И такъ, въ вотчинномъ помѣстьи Хайна (въ ленчицкомъ уѣздѣ) они заявляли особенное желаніе перейти на чиншъ, присовокупляя, что не въ состояніи сдѣлать это, по причинѣ обязательнаго для нихъ договора съ вотчинникомъ. Въ одномъ государственномъ имѣніи, крестьяне работали еще въ находящейся тамъ фабрикѣ, что они считали для себя не только матеріальнымъ обремененіемъ, но и нравственною обидой. По ихъ словамъ, начальство хотѣло перевести ихъ на чиншъ, но предварительно необходимо было приступить къ размежеванію угодій съ сосѣднимъ помѣстьемъ, вотчинникъ котораго предложилъ крестьянамъ, въ замѣнъ за нѣсколько участковъ, безплодную землю. Крестьянамъ невозможно было согласиться на это и дѣло осталось по прежнему.

„Съ своей стороны государственные крестьяне сознаютъ вполнѣ превосходство своего положенія въ сравненіи съ вотчинными крестьянами. Такъ напримѣръ въ имѣніи Стремежице-Великіе, они намъ говорили: „Кромѣ Бога и Государя, мы не боимся никого."

Законъ 1846 года предоставилъ крестьянамъ въ пользованіе земельные участки, которые они обработывали въ то время, и воспретилъ вотчинникамъ не только отнимать у нихъ эти надѣлы, но и присвоивать себѣ опустѣвшіе крестьянскіе участки. Къ несчастію всѣ эти постановленія вовсе не исполняются. Въ Роговѣ (равскаго уѣзда), помѣстьи г. Позера [1]), который въ тоже время исправляетъ должность гминнаго войта, крестьяне, оставшись съ нами безъ постороннихъ свидѣтелей, объявили намъ единогласно, что въ теченіи 1863 г. вотчинникъ, безъ особаго съ ними соглашенія, переселилъ ихъ вдругъ массою изъ плодоносной мѣстности, расположенной надъ рѣкою, на

[1]) Подлинное описаніе, изъ котораго мы заимствуемъ эти факты, приводитъ собственныя письма безъ сокращеній. Это очень понятно. Оно носитъ на себѣ характеръ слѣдствія и описывая злоупотребленія по зрѣломъ обсужденіи фактовъ, желаетъ обратить на оныя вниманіе подлежащей власти. И потому оно имѣетъ всѣ признаки достовѣрности. Разумѣется, что въ случаѣ возраженій, я поставлю себѣ въ непремѣнную обязанность довести оныя до свѣдѣнія читателей Nord'а.

земли совершенно безплодныя и безводныя. Сѣнокосы и огороды были отняты у крестьянъ безъ всякаго вознагражденія и крестьяне сами должны были возмѣстить всѣ издержки этого насильственнаго переселенія. Наконецъ предоставленные имъ земельные участки были по пространству даже гораздо меньше присвоенныхъ вотчинникомъ участковъ. Мы отправились на мѣсто и лично убѣдились, что новыя усадьбы были во всѣхъ отношеніяхъ хуже прежнихъ. Распоряженія вотчинника были въ самомъ разительномъ противорѣчіи съ закономъ. Не смотря однако на то, крестьянамъ не приходило въ голову жаловаться: они должны были обратиться къ гминному войту, войтомъ же былъ—самъ вотчинникъ.

На тѣсномъ пространствѣ, которое мы проѣхали, намъ пришлось выслушать семь жалобъ въ этомъ родѣ: въ Ляскахъ, имѣніи г. Мыгельскаго и въ двухъ помѣстьяхъ г. Рогаскаго, Пеговоницѣ и Блендовой-Кузницѣ. Два слѣдующіе примѣра, изъ разсказа крестьянъ, подтвержденнаго цѣлымъ деревенскимъ населеніемъ, могутъ дать понятіе о многихъ другихъ. За семь лѣтъ до того, одинъ обѣднѣвшій крестьянинъ, не будучи въ состояніи выстроить себѣ вновь, полуразрушенную хижину, просилъ пана пособить ему въ томъ, но получилъ рѣшительный отказъ. Такимъ образомъ несчастный принужденъ былъ отказаться отъ своего земельнаго надѣла и вмѣстѣ съ своимъ семействомъ перейти въ разрядъ коморниковъ, или бобылей, которые за отправленіе извѣстной повинности получаютъ позволеніе жить въ помѣщичьемъ дворѣ и снискиваютъ себѣ пропитаніе дневнымъ заработкомъ. Попирая законъ 1846 г. помѣщикъ присвоилъ себѣ земельный участокъ этого крестьянина. Черезъ нѣсколько лѣтъ положеніе крестьянина значительно поправилось; окруженный взрослыми дѣтьми онъ былъ уже въ состояніи возвратиться къ земледѣлію и обработывать свой участокъ. Предупредивъ о томъ помѣщика, онъ засѣялъ часть своего надѣла, но панъ приказалъ запахать обработанный и засѣянный участокъ крестьянина и обсѣять его своими семенами. Крестьянинъ отправился искать защиты въ г. Олькушъ и принесъ жалобу г. Грунфельду, секретарю уѣзднаго начальника, но не получилъ никакого удовлетворенія, по той причинѣ, что г. Грунфельдъ подчинилъ себя приказаніямъ жонда и не имѣлъ времени разсматривать жалобъ

крестьянъ, а занимался раскладкою на нихъ податей въ пользу шайки Куровскаго.

„Приведемъ еще другой примѣръ. Въ имѣніи г. Рогавскаго, изъ общаго числа 40 земельныхъ участковъ, 6 оставлены крестьянами совершенно раззоренными барщиною. Вотчинникъ присвоилъ себѣ эти участки и воздѣлываетъ оные въ свою пользу, хотя крестьяне охотно согласились бы завести на нихъ свое хозяйство, за уплату установленнаго оброка.

„И такъ, вопреки существующимъ узаконеніямъ, земля мало по малу ускользаетъ изъ рукъ крестьянъ, и вовсе не потому, что они лишены средствъ къ воздѣлыванію ея, а потому только, что такова воля пановъ. Въ Царствѣ Польскомъ число земельныхъ участковъ, отторгнутыхъ такимъ образомъ отъ своего предназначенія, простирается уже до 13,000. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ насъ увѣряли, паны раздѣляютъ опустѣвшіе надѣлы на меньшіе участки, которые къ несчастію ускользаютъ отъ дѣйствующей силы закона 1846 г., и поселяютъ на нихъ своихъ работниковъ. Намъ удалось также открыть слѣды систематическаго уничтоженія крестьянскихъ надѣловъ, въ другомъ видѣ. Когда, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, затребованы были отъ помѣщиковъ свѣдѣнія объ ихъ имѣніяхъ, они показали за крестьянами меньшее количество отведенныхъ имъ участковъ, нежели то, которымъ они пользовались въ недѣйствительности. Потомъ, выходя изъ этого ложнаго и своевольнаго основанія, они производили повѣрку, и найдя въ пользованіи крестьянъ большее количество земли, въ сравненіи съ показаніемъ помѣщика, они присвоили себѣ излишекъ...

„Законъ 1846 года утверждалъ за крестьянами нѣкоторыя права, которыми они пользовались съ древнихъ временъ. И такъ, постановлено было, что помѣщики будутъ отпускать крестьянамъ лѣсъ для поддержки ихъ хижинъ и для отопленія, и что имъ дозволено будетъ пасти скотъ въ помѣщичьихъ лѣсныхъ дачахъ и собирать тамъ сухія листья для подстилки. Эти сервитуты неотмѣнены съ того времени никакимъ закономъ; не смотря однако на то, начиная съ 1861 года, большая часть помѣщиковъ по собственному произволу отказалась отъ исполненія этихъ обязательствъ. Крестьяне сильно жалуются на это. Въ Шегоновицѣ они намъ говорили: — „Прежде за топливо и за листья

мы давали 2 пѣтуховъ, 5 злотыхъ и 10 яицъ съ семьи: мы бы и теперь охотно несли эту повинность, но намъ не хотятъ уже давать ничего болѣе."

— А почему же вы не жалуетесь?—„Мы пытались отправиться въ Ольъушъ, но за то мы были еще наказаны."

„Вопросъ о томъ, кому принадлежатъ строенія, занимаемыя крестьянами, не однократно подаетъ поводъ къ различнымъ спорамъ. Всѣмъ извѣстно, что законъ 1807 года, предоставившій крестьянамъ личную свободу и вмѣстѣ съ тѣмъ лишившій ихъ всякой поземельной собственности, необезпечилъ даже за крестьянами права на ихъ дома. Кромѣ того въ практическомъ судопроизводствѣ принято было правило, что всѣ строенія принадлежатъ помѣщикамъ, ежели крестьяне не представятъ доказательствъ, что онѣ построены ими изъ собственныхъ денегъ, или же пріобрѣтены посредствомъ выкупа. Въ замѣнъ за это, помѣщики обязывались отпускать матеріалы необходимые для ремонта этихъ строеній. Но начиная съ 1861 года помѣщики перестали доставлять матеріалы, которые теперь крестьяне вынуждены покупать, ежели не хотятъ остаться безъ крова.

„Законъ 1846 года отмѣнилъ совершенно даремщизны (добавочныя повинности) во всѣхъ случаяхъ, когда эти повинности не имѣютъ законнаго основанія. Но постановленія закона очень рѣдко примѣняются на дѣлѣ. По внимательномъ разсмотрѣніи уставныхъ грамотъ многихъ имѣній, мы пришли къ тому убѣжденію, что однѣ и тѣже повинности отнесены къ разряду даремщизнъ подлежащихъ уничтоженію, или же показаны какъ поземельные платежи, которые слѣдуетъ удержать. Единственнымъ здѣсь руководителемъ былъ произволъ помѣщика, который рѣшалъ къ которому изъ этихъ двухъ разрядовъ онѣ должны быть причислены. Такъ, напримѣръ, въ имѣніи Рогово, каждый крестьянскій дворъ обязанъ вносить по 2 пѣтуха, 30 яицъ и 7 метровъ (10 аршинъ) холста. Помѣщикъ—исправляющій вмѣстѣ съ тѣмъ должность войта той мѣстности—увѣрялъ насъ, что имъ давно уже отмѣнены добровольно всѣ эти данины, тогда какъ жена его, не имѣя времени сговориться съ нимъ, утверждала совершенно противное.

„Эти даремщизны существуютъ во всей своей силѣ въ большей части помѣщичьихъ имѣній въ ленчицкомъ и ольъушскомъ уѣздахъ,

Въ одномъ изъ этихъ имѣній, сверхъ курицъ, яицъ и холста требуютъ еще, чтобы крестьяне караулили ночью на мызѣ помѣщика, рубили для него дрова и ухаживали за его стадами—все это безвозмездно и безъ надлежащаго по крайней мѣрѣ распредѣленія повинностей, соотвѣтственно величинѣ обработываемыхъ крестьянами участковъ. Всѣ одинаково раздѣляютъ господствующее мнѣніе, что поселянинъ душею и тѣломъ принадлежитъ помѣщику!

„Главная повинность называемая выкупомъ, исчисленная по оцѣнкѣ барщинныхъ дней, слишкомъ обременительна для крестьянъ, во первыхъ потому, что и она также распредѣлена несоразмѣрно величинѣ участковъ, и во вторыхъ потому, что она не соотвѣтствуетъ вовсе ихъ цѣнности, такъ какъ число рабочихъ дней было показано самими помѣщиками и не подвергалось послѣ того никакой повѣркѣ. Случалось иногда, что помѣщики записывали въ своихъ счетахъ болѣе рабочихъ дней чѣмъ сколько дѣйствительно получили. Такимъ образомъ въ Роговѣ, послѣ оцѣнки рабочихъ дней, крестьянамъ пришлось уплачивать за каждый гектаръ своихъ участковъ по 18 франковъ 18 с. (4 р. 55 коп.). Самъ помѣщикъ пришелъ въ недоумѣніе передъ этой оцѣнкою и понизилъ ее до 11 фр. 92 с. съ гектара. Слѣдуетъ еще замѣтить, что крестьянскіе участки въ Роговѣ имѣютъ песчанную почву и требуютъ много навоза. Въ смежномъ имѣніи Липины, составляющемъ собственность казны, крестьяне уплачиваютъ только 4 фр. 80 с. съ гектара земли лучшаго качества, безъ всякой даремщизны и другихъ повинностей.

„Еще одинъ примѣръ: Въ Ченцицахъ помѣщикъ Качановскій намѣревался также обложить крестьянъ выкупнымъ платежемъ въ 19 фр. 20 с. съ гектара; крестьяне воспротивились этому и предлагали уплачивать чиншъ, соотвѣтствующій цѣнности ихъ полевыхъ надѣловъ, въ чемъ получили отказъ со стороны помѣщика. Между тѣмъ въ Черноцинѣ, сосѣднемъ имѣніи г. Тимофѣева, крестьяне уплачиваютъ только 3 фр. 16 с. съ гектара.

„Участь крестьянъ, не занимающихся хлѣбопашествомъ, а именно огородниковъ и коморниковъ, во всѣхъ отношеніяхъ достойна сожалѣнія. Они живутъ въ малыхъ хижинахъ безъ всякихъ угодій. Иногда случается видѣть двѣ семьи помѣщающіяся въ одной лачужкѣ, въ которой едва ли могло бы помѣститься удобно одно семейство;

огороды не всегда бываютъ имъ отводимы помѣщикомъ, а гораздо рѣже еще полевые надѣлы. Огородники и коморники снискиваютъ себѣ насущный хлѣбъ поденнымъ трудомъ, и не смотря на то должны уплачивать помѣщику довольно обременительныя повинности. Въ вотчинномъ помѣстьи Хайна, мы видѣли одного бѣдняка изъ прежнихъ хлѣбопашцевъ, у котораго помѣщикомъ былъ отнятъ земельный его участокъ. Онъ долженъ отбывать барщины два дня въ недѣлю. Въ другомъ имѣніи, Блендовой-Кузницѣ, мы насчитали до пятидесяти коморниковъ. Они получаютъ отъ помѣщика хижину даже безъ огорода и два гектара самой неудобной земли (взятой изъ полевыхъ надѣловъ отлучившихся крестьянъ, вопреки закону 1846 г.). За эти удобства каждое семейство должно вносить ежегодно до 4 франка (1 рубль) наличными деньгами и отбывать одинъ день барщины въ недѣлю. Сверхъ того коморники обязаны работать въ пользу помѣщика столько дней, сколько ему понадобится за условленную плату 60 сантимовъ (15 коп.) въ день.

„Сверхъ поземельныхъ и личныхъ повинностей, болѣе или менѣе законныхъ. крестьяне въ Царствѣ Польскомъ обязываются покупать водку и пиво исключительно въ помѣщичьихъ корчмахъ. Ввозъ питей, купленныхъ въ какомъ нибудь другомъ мѣстѣ, воспрещенъ подъ опасеніемъ штрафа. Это запрещеніе не основано вовсе ни на какомъ законѣ; но тѣмъ не менѣе оно существуетъ во всѣхъ почти посѣщенныхъ нами имѣніяхъ, хотя помѣщики и ихъ управители не сознаются въ этомъ. Въ Невогоницѣ, крестьяне объявили намъ, что въ корчмахъ, расположенныхъ во всей окружающей мѣстности, вино гораздо лучше и продается дешевле, но имъ не дозволено ввозить его оттуда. Въ мѣстечкѣ Болеславѣ, мѣстный войтъ старался убѣдить насъ, что никто не воспрещаетъ крестьянамъ запастись виномъ, гдѣ имъ угодно; но одна присутствующая при этомъ старуха вдругъ сбила его съ толку и заставила сознаться въ истинѣ.

„Мы должны также упомянуть еще о запрещеніи другаго рода, на которое жаловались намъ крестьяне имѣнія г. Рогаскаго (въ олькушскомъ уѣздѣ). Мѣстный приходскій священникъ запретилъ имъ, подъ опасеніемъ штрафа, играть на скрипкѣ, не то ужъ въ костелѣ, хотя старинный обычай допускаетъ тамъ игру на этомъ инструментѣ, но въ винномъ погребѣ, на улицѣ и даже у себя дома. Это запрещеніе,

состоящее въ очевидной связи съ умолкшимъ боемъ колоколовъ, въ знакъ траура Царства, клонилось осязательно къ тому, чтобы вовлечь крестьянъ въ манифестацію, которой они вовсе не сочувствовали, и произвело глубокое впечатлѣніе на краковянъ, любителей музыки и танцевъ. Настоятель подошелъ къ крестьянамъ, которые разговаривали съ нами. Мы стали просить его, чтобы онъ объяснилъ намъ причины, побудившія его къ подобной строгости. Почтенный отецъ сконфузился, сказалъ нѣсколько словъ о лежащей на немъ обязанности блюстителя нравственности, и наконецъ вынужденъ былъ сознаться, что не было никакого основанія запрещать игру на скрипкѣ внѣ костела. Снисходя на наши просьбы, онъ тоже самое повторилъ крестьянамъ, которые чрезвычайно обрадовались этому. Скажемъ мимоходомъ, что тотъ же самый настоятель, съ согласія помѣщика и вопреки закону, завладѣлъ поземельнымъ надѣломъ одного крестьянина.

„Мы уже имѣли случай говорить о войтахъ. По точному смыслу закона, обязанности войта въ частныхъ имѣніяхъ составляютъ принадлежность помѣщика. Но въ дѣйствительности, помѣщики рѣдко принимаютъ на себя обязанности, сопряженныя съ этимъ званіемъ. Единственное исключеніе изъ этого правила, мы видѣли только въ Роговѣ, вотчинникъ котораго, будучи въ одно и тоже время войтомъ, въ излишкѣ изобрѣтательности, переселилъ своихъ крестьянъ на песчанныя угодья. Обыкновенно помѣщики уступаютъ свои права войта избраннымъ лицамъ, которыя исполняютъ эту должность за условленное жалованье. Ежели имѣніе находится въ арендномъ содержаніи, обязанности войта переходятъ на арендатора. Въ томъ или въ другомъ видѣ, вотъ какимъ образомъ приводятся въ дѣйствіе права войта. Въ имѣніи г. Рогаскаго, крестьянинъ просилъ помѣщика позволенія поселиться во дворѣ, въ которомъ онъ жилъ прежде и который оставался теперь ни кѣмъ не занятымъ; помѣщикъ хотѣлъ удержать дворъ за собою, но соображая, что это было бы противузаконно, онъ не рѣшился отказать ему лично, а поручилъ только крестьянину обратиться къ войту, т. е. къ лицу, заступающему мѣсто помѣщика и состоящему у него на жалованьи; естественно, что войтъ отказалъ въ его просьбѣ—и крестьянинъ остается по нынѣ безъ земли и крова.

„Подобныхъ поступковъ безчисленное множество, но часто они

носятъ на себѣ отпечатокъ жестокаго произвола. Въ имѣніи Гарнекъ, напримѣръ (въ піотрковскомъ уѣздѣ) помѣщикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ войтъ, г. Гродзицкій, какъ это обнаружило слѣдствіе, обременялъ своихъ крестьянъ тягостными повинностями, отнималъ у нихъ полевые надѣлы и подвергалъ ихъ самымъ ужаснымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Это происходило въ 1858, 1859 и 1860 годахъ. Въ последнее же время другой помѣщикъ и войтъ г. Яблонскій подвергъ мѣсячному тюремному заключенію двухъ смѣльчаковъ (Дронга и Ронта), которые протестовали противъ принятаго имъ способа размежеванія своего имѣнія Бэдлевъ, направленнаго къ тому, чтобы обрѣзать по возможности крестьянскіе надѣлы и т. п. Два приведенные нами примѣра достойны вниманія, они рѣзко характеризуютъ нравы польскихъ помѣщиковъ и отношенія крестьянъ къ своимъ панамъ-войтамъ.

„Заступающіе мѣсто войта получаютъ отъ помѣщиковъ, возложившихъ на нихъ эту обязанность, по 180—200 фр. (45—50 руб.) жалованья въ мѣсяцъ, а иногда и съѣстные припасы. Эти господа отличаются особымъ типомъ, въ которомъ замѣтна наглость и вмѣстѣ съ тѣмъ излишняя покорность—эти двѣ преобладающія черты шляхтича. Самую разительнѣйшую личность изъ этой природы людей, мы имѣли случай видѣть въ Невогоницѣ, имѣніи г. Рогаскаго, въ лицѣ заступающаго мѣсто войта. Мы пригласили его войти въ сомкнутый кружокъ крестьянъ, чтобы потребовать отъ него объясненій на счетъ отторгнутыхъ земельныхъ участковъ, возврата которыхъ напрасно домагались крестьяне. Предъ нами явился человѣкъ, очевидно желчнаго темперамента, съ размашистой походкой, отъ котораго крѣпко несло водкою. На запросъ нашъ, почему крестьяне не получили законнаго удовлетворенія, представитель войта подался грудью назадъ вложилъ руки въ карманы и бросивъ презрительный взглядъ на крестьянъ, повѣсившихъ уже головы при его приближеніи, сказалъ: „Все это пустяки, крестьянскія сплетни.“ Разумѣется, мы не довольствовались этимъ объясненіемъ. Уполномоченный войта сконфузился. Вдругъ ему пришло въ голову блеснуть передъ нами статьею закона о чиншѣ. Мы ему замѣтили, что въ настоящемъ случаѣ крестьяне платятъ выкупъ, а вовсе не чиншъ, и потому произведенный имъ законъ не можетъ быть примѣненъ къ ихъ положенію. Далѣе онъ старался убѣдить насъ, что прежде надѣленія крестьянъ полевыми участками, по-

мѣщикъ былъ въ правѣ требовать отъ нихъ извѣстныхъ ручательствъ, но мы сказали ему, что никакой законъ, никакое обыкновеніе не предоставляютъ ему подобнаго права. Тутъ нашъ молодецъ растерялся совершенно, сталъ говорить тише, снялъ фуражку и согнувшись въ дугу, сказалъ плачевнымъ тономъ: „По чему вы такъ наступаете на меня? я здѣсь самое ничтожное лице, просто червь.“

„Однакожъ, вскорѣ по забраннымъ свѣдѣніямъ оказалось, что этотъ червь былъ самымъ ревностнымъ пропагандистомъ жонда, читалъ его прокламаціи и пытался вербовать крестьянъ въ шайки. Вслѣдствіе того онъ былъ арестованъ.

„Но пора уже поговорить о расположеніи крестьянъ къ русскому правительству. Мы пользовались всякимъ случаемъ, чтобы изслѣдовать эту сторону вопроса и уразумѣть ясно, какое вліяніе имѣетъ настоящее возстаніе на крестьянъ. Извѣстно, что пользуясь опытомъ минувшихъ временъ, начальники возстанія употребляли всѣ возможныя усилія, чтобы овладѣть массою народа и привлечь ее во чтобы то ни стало на свою сторону. Съ этою цѣлью тайное правительство, съ самого начала движенія, издало прокламацію, объявляя, что земля переходитъ въ собственность крестьянъ, и что всѣ повинности въ пользу помѣщиковъ отмѣняются навсегда. Агенты жонда, разсѣянные по всему краю, твердили тоже самое. Такимъ образомъ весною 1863 г. прибыли въ вотчинное имѣніе Хойно многіе незнакомые, раздавая прокламацію, въ которой говорилось къ крестьянамъ: „Вы бѣдные люди. Вы были до сихъ поръ попираемы—но теперь доставляютъ вамъ удовлетвореніе, освобождая васъ отъ всѣхъ обязательныхъ отношеній къ помѣщику.“ Этими словами войтъ и настоятель возвѣстили въ м. Лятскахъ уничтоженіе повинностей.

Правда, что нѣсколько времени спустя, тотъ же самый войтъ и тотъже настоятель объявили, что всѣ повинности возстановляются снова: но не вездѣ революціонная пропаганда дѣлала подобные промахи. Какое же впечатленіе произвели на крестьянъ эти попытки? повѣрилъ ли народъ этимъ обѣщаніямъ?

Мы имѣемъ въ рукахъ факты, чтобы отвѣтить на эти вопросы. Крестьяне не присоединились къ возстанію. Въ Великихъ-Стремежицахъ, крестьянинъ, описывая намъ бѣдствія, которымъ подверглось селеніе вслѣдствіе военныхъ операцій, заключилъ слѣдующими словами:

„Все равно, это все таки лучше, чѣмъ быть въ зависимости отъ помѣщиковъ.“ Въ Блендовой-Кузницѣ, одна дряхлая старуха съ уныніемъ прислушивалась къ разсказамъ крестьянъ, описывающихъ намъ какимъ образомъ пытались ихъ вовлечь въ шайку, и вдругъ стала качать головою, говоря въ полъ-голоса: „Нѣтъ, не за отечество вооружаемся мы; да врядъ есть ли у насъ отечество? Мы будемъ имѣть его, когда умремъ. „Въ этомъ же самомъ селеніи, одинъ крестьянинъ разсказывалъ намъ, какимъ образомъ досталась къ нимъ грамота на свободу. „Шайка прибыла и объявила свободу. Начальникъ оной вручилъ мнѣ, черезъ посредство войта, грамоту. Я взялъ ее, чтобы передать ее другимъ, но они не хотѣли ее принять. Затѣмъ я явился къ начальнику шайки, который сказалъ мнѣ: „Всѣ вы дураки, ничего не смыслите.“ Вскорѣ послѣ того войтъ хотѣлъ отнять ее у насъ.“

Было бы преувеличеннымъ, еслибъ мы хотѣли утверждать, что прокламаціи жонда, относительно поземельной собственности, и отмѣны повинностей, вовсе не имѣли никакого вліянія на крестьянъ и не льстятъ ихъ пламеннымъ желаніямъ. Жондъ умѣлъ затронуть ихъ чувствительнѣйшую струну; но крестьяне не имѣютъ никакого довѣрія къ неолицетворенному правительству и подозрѣваютъ въ искренности обѣщаній людей, которые скрываются въ лѣсахъ и бѣгутъ при появленіи войскъ. Въ нашихъ разговорахъ съ крестьянами мы старались ободрить ихъ духомъ, и оставляя деревню, говорили, что Государь не забылъ о нихъ и что участь ихъ вскорѣ измѣнится. Эти слова находили вездѣ самый симпатическій отголосокъ, крестьяне слушали ихъ съ жадностью и повторяли ихъ нѣсколько разъ между собою, какъ будто бы они находили въ нихъ выраженіе самыхъ завѣтныхъ надеждъ своихъ.“

Извѣстно, что эти надежды не были обмануты. Указы 2 марта исторгли польскихъ крестьянъ изъ гнета помѣщиковъ, управителей, офиціялистовъ, уполномоченныхъ войтовъ, изъ гнета барщины и повинностей. Теперь уже польскій вопросъ разрѣшится окончательно не между жондомъ и русскимъ правительствомъ,—а между жондомъ и крестьянами, между тайнымъ комитетомъ и самимъ польскимъ народомъ.

Н. Чербанъ.

Колоссальная нелѣпость.

Мы хотимъ обратить вниманіе читателей на одно удивительное явленіе, на одну колоссальную нелѣпость. Наше общество часто подвергается упрекамъ въ незрѣлости и не образованности; пусть же посмотрятъ какой сумбуръ, исполненный сумасбродства и невѣжества, можетъ излагаться публично въ нынѣшней Франціи, и приниматься за нѣчто серьозное. Вотъ въ чемъ дѣло: въ Парижѣ явилась на свѣтъ новая историческая школа. Девизомъ ея служитъ счастіе народовъ и умиротвореніе племенной вражды. Основатель этой школы—„извѣстный въ ученомъ мірѣ" панъ Духинскій; число послѣдователей ея увеличивается непрерывно, какъ во Франціи, такъ и въ другихъ государствахъ ,если вѣрить свидѣтельству г-на Реньйо, фельетониста **Revue des cours littéraires**.

Новому благотворителю человѣчества нужно было бороться со многими предразсудками и доказать ничтожество многихъ преданій; три года сряду излагалъ онъ свои изслѣдованія, свои баданія, въ публичныхъ курсахъ, читанныхъ въ Парижѣ, и въ настоящемъ году, съ похвальною ревностью, онъ принялся въ четвертый разъ проповѣдывать открытыя имъ истины. И вотъ, труды его увѣнчиваются успѣхомъ! По словамъ его критика, всѣ предразсудки и преданія должны пасть предъ неотразимою силой его доказательствъ, и теперь заботы пана Духинскаго направлены уже къ практической цѣли: онъ хлопочетъ о томъ, чтобъ его ученіе введено было въ основу преподаванія всеобщей исторіи въ срединныхъ французскихъ школахъ.

И дѣйствительно, ученіе новаво пророка имѣетъ свои соблазнительныя стороны. Французамъ нравится его положеніе, въ силу котораго „миссія исторической науки заключается въ томъ, чтобы служить средствомъ умиротворенія." Панъ Духинскій даетъ исторической наукѣ такое направленіе, при которомъ она будетъ способствовать прекращенію племенной вражды, будетъ не только образовывать разумъ учащихся, но и развивать въ юныхъ питомцахъ идеи гуманности.

Въ чемъ же состоитъ сущность новаго ученія?

Панъ Духинскій полагаетъ необходимымъ, для счастія рода человѣческаго, предпосылать преподаванію всеобщей исторіи особую изобрѣтенную имъ науку, которую онъ считаетъ отраслью антропологіи и имѣнуетъ антропологіей исторіософичною. Главный результатъ этой антропологіи есть новое дѣленіе рода человѣческаго.

Этотъ профессоръ не оспариваетъ предложенныхъ до настоящаго времени способовъ дѣленія рода человѣческаго; онъ питаетъ глубокое уваженіе къ общепринятому дѣленію, по происхожденію отъ трехъ сыновей Ноя. Онъ самъ прежде принадлежалъ къ числу ученыхъ, принимавшихъ это дѣленіе; но потомъ изслѣдованія привели его къ заключенію, что ни дѣленіе Кювье, ни дѣленія Блюминберга, Бори де-Сенъ-Венсана Омаліюса д'Аллуа, Латама, Причарда, Катрфажа, и другихъ антропологовъ, не могутъ считаться удовлетворительными для объясненія историческихъ фазъ, относящихся къ жизни народовъ „съ точки зрѣнія физіологическо-психологической и физіологическо-нравственной". Чтобы получить такое объясненіе историческихъ явленій, заключаетъ этотъ удивительный профессоръ, необходимо произвести самое дѣленіе съ означенной точки зрѣнія. Двѣ категоріи признаковъ должны быть положены въ основаніе новаго дѣленія. Къ первой категоріи, физіологическо-психологической, относятся: привязанность къ родинѣ, расположеніе къ земледѣлію, любовь къ отечеству, уваженіе къ женщинѣ, стремленіе къ свободѣ личности, способность къ умственному совершенствованію, и другія подобныя свойства, на которыя совмѣстно вліяютъ и психологія, и физіологія. Въ составъ другой категоріи признаковъ входятъ тѣ средства, какія даны народамъ для обезпеченія самостоятельнаго развитія различныхъ установленій: религіозныхъ, гражданскихъ и политическихъ. Съ точки зрѣнія этого двойнаго ряда признаковъ, родъ человѣческій раздѣлился, около четырехъ тысячъ лѣтъ тому назадъ, на двѣ группы, которыя профессоръ обозначаетъ именами аріевъ и турановъ.

Результаты новой исторической антропологіи приводятъ къ слѣдующимъ подробностямъ дѣленія рода человѣческаго, согласно потребностямъ народовъ, вытекающимъ изъ ихъ наклонностей

физіологическо-психологическихъ и физіологическо-моральныхъ.

Послушаемъ парижскаго учителя: въ чемъ заключаются признаки обѣихъ вѣтвей человѣчества.

Отрасль арійская. Главная цѣль физіологическо-психологическая—свобода.

1. Привязанность къ родинѣ; любовь къ земледѣлію ради земледѣлія, а не изъ торговыхъ видовъ; сильное развитіе провинціальной жизни; наслѣдованіе землями личное или семейное; любовь къ отечеству.

2. Индивидуальная самодѣятельность въ развитіи личности и свободы, важность родоваго имени.

3. Меньшая привязанность къ лицамъ, чѣмъ къ правамъ.

4. Преобладаніе чувства надъ умствованіемъ, или гармонія между этими двумя проявленіями; творческая мысль сильно развитая энтузіазмомъ.

5. Положеніе женщины въ обществѣ огражденное почетомъ.

Отрасль туранская. Главная цѣль физіологическо-психологическая—безопасность.

1. Преобладаніе наклонности къ кочевой жизни, выражающееся или въ дѣйствительности, или въ учрежденіяхъ; земледѣліе, цѣнимое какъ статья торговли; слабое развитіе провинціальной жизни, или совершенное отсутстіе такого развитія; наслѣдованіе земель по идеѣ, господствующей въ отрасли арійской, почитается воровствомъ; недостатокъ любви къ отечеству, въ арійскомъ значеніи.

2. Индивидуальная самодѣятельность въ развитіи подчиненности; недостатокъ привязаности къ родовымъ фамиліямъ.

3. Большая привязанность къ лицамъ, чѣмъ къ правамъ.

4. Недостатокъ или совершенное отсутстіе чувства; творческая мысль слабо развитая; большая страсть къ метафизикѣ; способность подражанія сильно развитая; фанатизмъ.

5. Положеніе женщины въ обществѣ весьма стѣсненное.

Наклонности народовъ къ обезпеченію нравственности при развитіи нравственности и при развитіи свойственныхъ имъ цѣлей.

Отрасль арійская. Обезпеченіе свободы:

1, Отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной: установленіе трехъ или четырехъ сословій въ обществѣ; наслѣдованіе земель.

2. Конституціонализмъ въ образѣ правленія.

3. Провинціализмы и выраженіе ихъ въ національностяхъ, какъ основаніе государствъ: преобладаніе федеративнаго духа даже въ отношеніяхъ между государствами.

Разнообразіе цивилизаціи у народовъ, которые имѣютъ своею цѣлію свободу.

Отрасль туранская. Обезпеченіе безопасности.

1. Общество не терпитъ дѣленія на классы; общее равенство; единство власти или соединеніе всѣхъ властей въ одной.

2. Патріархальное самовластіе въ правленіи.

3. Матеріальная сила, какъ главная опора государствъ.

4. Характерическое раздѣленіе на пѣхоту и кавалерію.

Однообразіе характеризуетъ цивилизацію народовъ, имѣющихъ своею цѣлію—безопасность.

Вотъ перечень народовъ, распредѣленныхъ по вышеупомянутому дѣленію:

Народы, цѣль которыхъ—свобода:

Въ Азіи: индо-брамины (бѣлоцвѣтные), персы, тадзики—48 милліоновъ. Въ томъ числѣ около 18 милліоновъ индо-браминовъ, служащихъ типомъ группъ азіатскихъ аріевъ.

Въ Европѣ, въ Америкѣ и въ другихъ частяхъ свѣта, славяно-германо-латиновъ 280 милліоновъ.

Всего 328 милліоновъ.

Народы, цѣль которыхъ безопасность:

Тураны или кочевники.

1. Монголы, собственно китайцы, японцы 520 мил. аборигены-индійцы и негры африканскіе 300 м., аборигены Америки 7 м. аборигены Океаніи 1 м.

2. Тураны, татары, и турки оттоманскіе 15 м.

3. Казаки (два типа: киргизскій и черкесскій, подъ владычествомъ царей московскихъ; ихъ отъ 8 до 12 м). всего 20 м.

4, Собственно москали—30 милліоновъ.

5. Семитическое племя: а) арабы 15 мил., в) евреи 5 мил., с) армяне 5 мил.

Всего 918 милліоновъ.

Переходъ отъ одной группы къ другой, вслѣдствіе смѣшенія крови или географическаго положенія, представляютъ слѣдующія племена.

Въ Азіи: афганы, белуджистанцы, бухарцы, хивинцы и часть народонаселенія Индіи.

Въ Европѣ народъ туранскій, въ Финляндіи, Эстляндіи, мадьяры, славяне окрестностей Новгорода, Пскова, Смоленска, малоруссы.

Итакъ аріевъ—328 м., турановъ 918 м.

„Есть о чемъ подумать,“ замѣчаетъ французскій критикъ.

Читатели конечно замѣтили то почетное мѣсто, которое отведено профессоромъ москалямъ. Это капитальный пунктъ ученія. Что москали—тураны, это не только выводъ науки, но положительная необходимость, для того чтобы человѣчество обладало счастіемъ на землѣ. Москали—тураны съ точки зрѣнія физіологическо-психологической и физіологическо—нравственной, при которой, конечно, не обращается вниманія ни на очертаніе лица, ни на религію, ни на языкъ. Москали связаны полнымъ единствомъ съ неграми и китайцами. У нихъ и у китайцевъ проявляются въ идеяхъ, законодательствѣ, способахъ государственнаго управленія, тѣ же самыя наклонности, которыя обнаруживаются въ быту негровъ и американскихъ аборигеновъ. Федеративные элементы аріевъ, то есть народовъ латинско-германско-славянскихъ, останавливаются у русла Днѣпра; за этою рѣкой, какъ теперь, такъ и во времена Геродота, обитаютъ народы, которые не имѣютъ въ себѣ никакихъ федеративныхъ элементовъ.

Такимъ образомъ Европа, въ томъ видѣ какъ ее очертили географы, дѣлится на два обширныя пространства, пересѣченныя теченіемъ Днѣпра. Въ каждую сторону отъ этой рѣки начинается особый міръ. Европа оканчивается у Днѣпра; за нимъ начинается Азія, явственными признаками отмѣчающаяся единство племенъ монгольскаго, китайскаго, татарскаго и москалей.

Какимъ же образомъ это новое дѣленіе рода человѣческаго послужитъ къ умиротворенію племенной вражды? На это панъ

Духинскій отвѣчаетъ умозрѣніемъ, обличающимъ въ немъ преобладаніе чувства надъ разумомъ, то-есть кровнаго арійца.

Новое дѣленіе необходимо, полагаетъ профессоръ. Принятіе учеными отдѣльной истины, что москали не славяне, можетъ послужить только къ усиленію борьбы, и стало-быть не будетъ способствовать цѣли примиренія, которую профессоръ не отдѣляетъ отъ цѣлей науки. Сказать, что москали не принадлежатъ къ славянскому племени, и не доказать имъ, что ихъ собственное благосостояніе требуетъ, чтобъ они убѣдились въ этой истинѣ, значило бы только побудить ихъ еще упорнѣе признавать себя славянами, а это повело бы только къ распространенію панславизма. Новое дѣленіе рода человѣческаго одно лишь можетъ успокоить москалей, ибо оно показываетъ имъ, что предначертаніе турановъ—столь же почетно, какъ и аріевъ, хотя болѣе простаго свойства. Такимъ образомъ новое дѣленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ высокимъ нравственнымъ цѣлямъ; оно содѣйствуетъ умиротворенію племенной вражды, и освобождаетъ москалей изъ-подъ ига указовъ, навязывающихъ имъ вѣрованіе въ совершенно противное истинѣ происхожденія ихъ племени, и тѣмъ препятствующихъ москалямъ возвратиться къ ихъ народнымъ преданіямъ и обычаямъ.

При чтеніяхъ своихъ, панъ Духинскій не преминулъ сообщить, что одинъ изъ первыхъ историковъ Франціи, г. Анри Мартенъ, раздѣляетъ его взгляды, и намѣренъ даже воспользоваться ими въ XVIII томѣ своей **Исторіи Франціи**. Въ доказательство, онъ прочелъ на своей лекціи отвѣтъ г. Анри Мартена на его предложеніе относительно введенія его исторической антропологіи въ среднія французскія школы. Вотъ, ради куріоза, этотъ отвѣтъ:

„Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, что необходимо при преподаваніи всеобщей исторіи настаивать на первобытномъ единствѣ племени арійскаго, называемаго неправильно индо-европейскимъ, единствѣ, доказанномъ всѣми открытіями физіологіи и этнографіи."

„Необходимо внушить ученикамъ, что это единство сохранилось, въ основаніяхъ своихъ, при образованіи различныхъ народностей изъ племенъ происхожденія арійскаго, образующихъ европейское общество, племенъ, которыя нѣкогда должны будутъ

образовать европейскую федерацію, присоединивъ къ узамъ нравственнымъ и общественнымъ узы реальныя и политическія устройствомъ международнаго суда и взаимной обороны. Это совсѣмъ не утопія, это не пророческое увлеченіе, это логическое развитіе сущности дѣла, и оно будетъ необходимымъ противувѣсомъ: 1, колоссальному развитію американской федераціи, которая выйдетъ изъ настоящаго испытанія съ могущественною силой, въ нѣсколько разъ умноженною, 2, развитію деспотическаго единства у народовъ туранскихъ (татаръ, китайцевъ и т. д.), у народовъ сѣвера и востока, предназначенныхъ по всей вѣроятности къ переходу подъ власть турановъ. Наконецъ, представляется совершенная необходимость очертить существующее европейское общество въ отношеніяхъ **географическомъ** и **этнографическомъ**. Настоящая Европа ни мало нераспространяется до Уральскихъ горъ; она останавливается у равнинъ Днѣпра. Москали (мы отвергаемъ наименованіе россіянъ, какъ двусмысленное и не обозначающее ни народа, ни племени), москали повторяемъ, тураны, по происхожденію и духу своему, совершенно отличны отъ европейскаго общества, вносятъ въ него смуту и анархію, и не будутъ въ немъ никогда элементомъ гармоническимъ; мы вынуждены поддерживать съ ними сношенія, но только внѣшнимъ образомъ; ихъ настоящее мѣсто въ Азіи, и тамъ они могутъ имѣть свое величіе. Пока они не будутъ вынуждены подчиняться этой роли, пока не будетъ навсегда уничтожено извѣстное завѣщаніе Петра Великаго, столь пагубное для человѣчества, до тѣхъ поръ не будетъ ни мира, ни безопасности, ни порядка въ Европѣ.

„Другъ вашъ

„Henry Martin“.

4 февраля 1864 г.

Дружеское письмо г. Анри Мартена панъ Духинскій считаетъ „послѣднею отповѣдью французской науки, данною князю „Трубецкому, гг. Погодину, Порошину, Шевыреву, Шницлеру, „автору сочиненія **Польша и дѣло порядка**, и другимъ защитникамъ указовъ Екатерины II, утверждавшимъ, что москали суть „славяне, европейцы и русскіе“.

Чтобъ еще болѣе утвердить легковѣрныхъ французовъ и поляковъ въ истинѣ своихъ ученій, панъ Духинскій рѣшился объявить, что онъ особенно счастливъ тѣмъ, что въ самой Москвѣ образовался ученый кружокъ, „который“, говоритъ онъ, „начинаетъ насъ понимать и оказывать намъ сочувствіе“. Пріятно было бы узнать, что это за кружокъ.

Но въ этомъ дикомъ и безобразномъ сумбурѣ, заслужившемъ одобреніе французскаго историка, особенно куріозно то, что большая часть признаковъ, которыми панъ Духинскій характеризируетъ такъ-называемую имъ туранскую вѣтвь, лучше всего прилагается къ Франціи: всепоглащающая власть, правительство, отвѣчающее за все и подавляющее всякую личную энергію и самостоятельность въ обществѣ; законъ de la sûreté générale, идея равенства, уничтожающая всякую возможность свободы, отсутствіе всякой областной самостоятельности, а наконецъ то, что составляетъ дѣйствительное достоинство Франціи,—крѣпкое государственное единство, исключающее все, что хотя сколько-нибудь похоже на федерацію. Сословной организаціи въ современной Франціи нѣтъ; во Франціи занятіе земледѣліемъ не есть искусство для искусства, тамъ земледѣліемъ занимаются какъ промышленностію, съ торговыми видами, чего, впрочемъ, ни на островахъ Океаніи, ни въ центральной Африкѣ, ни у краснокожихъ Америки не оказывается. Къ довершенію туранской характеристики Франціи служитъ еще то обстоятельство, что именно на французской почвѣ развелись туранскія ученія, отрицающія начало собственности и провозглашающія его воровствомъ. La propriété c'est le vol,—это было сказано именно во Франціи.

Польская эмиграція въ Парижѣ.

Съ чего начать, рѣшительно не знаю, хоть напередъ знаю, чѣмъ кончу мой отчетъ о положеніи нашего дѣла на здѣшнемъ горизонтѣ. Никогда я не понималъ, а теперь понимаю менѣе, чѣмъ когда-нибудь, какимъ образомъ люди почтенные, имѣющіе за собою тѣ или другія заслуги, пользовавшіеся почти всеобщимъ уваженіемъ и довѣріемъ, мо-

гутъ, безъ сомнѣнія, вопреки своимъ внутреннимъ убѣжденіямъ, дѣйствуя въ согласіи съ нашими жесточайшими врагами, вести насъ, какъ стадо барановъ, въ пропасть, изъ которой навѣрно не выкарабкаются и правнуки наши. Вся наша надежда и спасеніе полагаются въ войнѣ! Но кто хочетъ этой войны и что она можетъ дать намъ? Допустимъ на минуту, что наконецъ дѣло дойдетъ до той благословенной европейской войны (хоть я, живя въ Парижѣ, вовсе этому не вѣрю), что Марсъ разгнѣвается даже на троны и разрушитъ ихъ святыни, что народы, ихъ священная воля, воцарятся на мгновеніе,—есть ли тутъ однако какое-нибудь ручательство въ томъ, что мы возвратимся къ независимости и политическому быту XVII столѣтія? Сумѣемъ ли мы управиться мирно и разумно? кому мы вручимъ свои судьбы? можетъ ли у насъ народъ, посредствомъ своихъ выборныхъ или представителей, пользоваться верховною властью? Покажите мнѣ практическій примѣръ подобнаго правленія, принимая въ соображеніе наши политическія способности, характеръ и племенные недостатки, рядомъ съ утраченными достоинствами? Что можетъ дать намъ война?—возвращаюсь къ вопросу, который не умѣютъ разрѣшить здѣшніе глубокомысленнѣйшіе мужи. Нужно плакать кровавыми слезами, глядя на этихъ людей, заблуждающихся, одурѣвшихъ, пользовавшихся прежде почетною извѣстностью въ различныхъ отношеніяхъ. Не разъ спрашиваешь себя: какимъ образомъ такіе господа, какъ Чар., Дзял., Галэнз., Любомір., Сапѣга, ордена и компаніи, пользовавшіеся обширною извѣстностью, уваженіемъ и довѣріемъ, могутъ, подвергая страну и народъ цѣлому ряду бѣдствій, выставлять себя на презрѣніе потомства и посмѣяніе современниковъ чужеземцевъ? Что касается до насъ, то мы должны признавать ихъ за потерянныхъ безумцевъ, заслуживающихъ глубокое состраданіе. Во всякомъ случаѣ, заслуживаетъ тщательного разсмотрѣнія вопросъ: какимъ образомъ люди, во многихъ отношеніяхъ почтенные, принимаютъ на себя руководство и исполненіе различныхъ назначеній, будто бы въ нашихъ отечественныхъ интересахъ,—и прилагаютъ подписи на бумажныхъ цѣнностяхъ, достоинства чисто-воображаемаго. Я изложу вкратцѣ тотъ взглядъ по этому предмету, какого придерживается благоразумнѣйшая партія, и который я самъ вполнѣ раздѣляю. 1) Эти свѣтила, эти дѣятельные члены управляющей махины, съ такою быстротою увлекающіе насъ въ преисподнія ущелья и пропасти,—всѣ эти

мужи обладаютъ вообще болѣе возвышеннымъ сердцемъ, чѣмъ разсудкомъ,—потому довѣрчивы, легкомысленны, всегда, болѣе или менѣе и т. д., и, наконецъ не много рискующіе лично; 2) многіе изъ этихъ господъ отдаются здѣсь безопасному труду управленія дѣлами обломковъ польскаго народа, и побуждаются къ тому желаніемъ возстановить—или свои родовые корни, или кастовыя предубѣжденія массъ, или тѣмъ, или другимъ путемъ упавшія провинціи, подстрекаемыя къ враждѣ и злостному волненію въ общественномъ движеніи; 3) окружающіе этихъ господъ псевдо-вояки, отличавшіеся въ послѣднемъ движеніи, или знаменитости его организаціи, взапуски увиваются вокругъ дѣйствительно-заслуженныхъ, но заблудившихся мужей страны, рисуютъ передъ ними картины и сочиняютъ всевозможныя свидѣтельства о способахъ, средствахъ, богатствѣ, какими еще обладаетъ нашъ край, о дурномъ принятіи крестьянами царскихъ указовъ; отсюда возникаетъ мѣстное общественное мнѣніе о совершенной возможности всеобщаго революціоннаго движенія въ конгрессѣ, и даже о несомнѣнномъ его успѣхѣ. Чрезвычайные коммиссары и уполномоченные, агенты, референты, сборщики, для которыхъ настоящее положеніе есть вопросъ жизни, имѣютъ личный интересъ въ томъ, чтобы длить, поддерживать волненіе въ полномъ развитіи,—потому горланятъ, лгутъ, импровизируютъ, часто играютъ очень смѣшныя роли великихъ людей на малыя дѣла,—и такимъ образомъ поддерживаютъ упадающее даже заграничное движеніе. Вы бы смѣялись и плакали въ то же время, видя, какъ эти великіе защитники отчизны, стоя на гостепріимной и потому безопасной почвѣ, распространяютъ часто вредные слухи о томъ, какъ ихъ безстыдными устами Наполеонъ требуетъ продолженія возстанія, какъ принцъ Наполеонъ даетъ торжественнѣйшія обѣщанія дѣятельнаго вмѣшательства, какъ Геннеси имѣетъ у Царя продолжительную аудіенцію по нашимъ дѣламъ, какъ даже Гарибальди дѣйствуетъ въ Англіи по вопросу одновременнаго освобожденія Италіи и Польши, и проч. Я не въ силахъ изобразить ту моральную и умственную нищету, какую приходится здѣсь видѣть, рядомъ съ грязью и позоромъ отдѣльныхъ великихъ людей, которые, подобно цѣлымъ массамъ молодежи, деморализованы возстаніемъ до самой низкой степени. Настоящая эмиграція вовсе непохожа на эмиграцію 1830 г. Если та сгибла въ изгнаніи и бродячей жизни, за весьма малымъ исключеніемъ, и не принесла намъ

ни чести, ни пользы, то во сколько разъ болѣе жалкіе и вредные результаты можетъ дать намъ настоящая эмиграція! Nomina sunt odiosa,— потому я никого здѣсь не называю, тѣмъ болѣе, что пришлось бы перечислять слишкомъ много и лицъ и дѣяній. Рядомъ съ поразительною нищетою легкомысленной и необузданной, но теперь уже яснѣе и разумнѣе понимающей вещи нашей молодежи,—часто встрѣчаются здѣсь только что прибывшіе съ родины мелкіе начальники, которые жуируютъ въ изысканныхъ нарядахъ, кутятъ и расточительно тратятъ нечестно добытую копѣйку,—хотя и многимъ извѣстно, что прежде нечего было терять этимъ червямъ и санкюлотамъ: догадайтесь же, откуда они взяли теперь эти средства. Революція обогатила этихъ нищихъ, придала имъ значенія, вѣсу; изъ ничтожества и мелкоты они возвысились до цѣльныхъ величинъ,—что жъ мудренаго, что при такихъ обстоительствахъ возстаніе—похвально, разумно, необходимо, спасительно, и слѣдуетъ поддерживать его всѣми силами! Знаешь ли что, любезный другъ,—пропадетъ насъ нѣсколько тысячъ, даже и менѣе, помѣщиковъ, въ насмѣшку называемыхъ шляхтой, но не въ этомъ дѣло,—видно, мы заслужили такую судьбу своею немощью; но сохранится ли полякъ въ крестьянинѣ, получившемъ теперь право гражданства и собственности, въ послѣдующемъ поколѣніи, лѣтъ черезъ 50?— это великій вопросъ! Тяжело сознавать,—но каково было зерно, таковъ бываетъ и плодъ; а сѣмена, согласитесь, были самыя прискорбныя; такова и жатва, которую мы собираемъ теперь и будемъ собирать. Лучше быть готтентотомъ, скажешь, и негромъ, и индійцемъ, только не польской шляхтой, въ образѣ и подобіи великаго защитника нашей отчизны. (Dz. Pow.).

С.-Петербургскія Вѣдомости о рѣчи папы Пія IX.

Въ С.-Петербургскихъ (нѣмецкихъ) Вѣдомостяхъ, отъ 14-го мая, напечатана слѣдующая статья о недавной папской импровизаціи:

„Папская аллокуція произвела не только въ Россіи, но и въ западной Европѣ самое непріятное впечатлѣніе“.

„Мы уже сообщили читателямъ сужденія о ней различныхъ

русскихъ и иностранныхъ органовъ журналистики. Ими доказано до очевидности, что русское правительство не подало папѣ ни малѣйшаго повода вмѣшиваться въ польскія дѣла. Что до насъ самихъ, то намъ вполнѣ извѣстны причины польскаго возстанія, извѣстно и то, какъ это возстаніе было ведено, и потому, не имѣя надобности разъяснять его, мы не станемъ и распространяться о немъ; для насъ дѣло идетъ только о томъ, какое имѣетъ право папа, какъ свѣтскій государь и даже какъ мнимый глава христіанской церкви, вступаться за независимость и религіозную свободу польскаго народа".

„Всѣмъ извѣстно, какъ образовалась свѣтская власть папы. Основаніе ей положилъ Пепинъ Короткій, предоставивъ папѣ Захарію отнятый у лонгобардовъ экзархатъ. То была награда за то, что этотъ папа одобрилъ и поддержалъ похищеніе майордомомъ Пепиномъ трона у меровингскаго короля Хильдерика. Карлъ Великій подтвердилъ этотъ даръ; къ этому прибавились еще другія присоединенія, и такимъ образомъ составилась область, составляющая теперешнее церковное государство, которое, несмотря на свое болѣе нежели двумысленное происхожденіе, названо наслѣдіемъ св. Петра и объявлено священнымъ и неприкосновеннымъ".

„Какія же блага оставило папское правительство всѣмъ этимъ странамъ? Умственное и политическое рабство — ничего больше! Повсюду господствовалъ тяжелый гнетъ, совершенный недостатокъ безпристрастнаго судопроизводства, кумовство (непотизмъ); водворилась инквизиція; явно производились разбои; разбойникамъ покровительствовали духовные сановники, для того чтобы только обезпечить себѣ спокойствіе, или же и съ тѣмъ, чтобы пользоваться ими для своихъ интригъ, а дворянство формально застраховывало свое имущество у разбойниковъ; ограбленнаго гражданина, который осмѣливался донести на грабителей, сажали въ тюрьму. Когда все это стало невыносимо римскому народу, и онъ не могъ уже смиренно слѣдить за тѣмъ, какъ пламенно желаемая имъ, столь часто обѣщанная и всѣми государствами признанная за необходимую, политическая реформа церковной области, какъ мечъ, смотря по минутнымъ потребностямъ, перебрасывалась между Франціей и Австріей, тогда вспыхнула,

наконецъ, революція. Папа бѣжалъ въ Гаэту, и Римъ былъ объявленъ республикою. За притѣсненнаго первосвященника вступилось французское правительство, и къ стѣнамъ священнаго города приступило французское войско. Еще подъ выстрѣлами осаждавшихъ, вожди возстанія писали, 19-го мая 1849 года, къ Лессепсу слѣдующее: „Въ сердцѣ римскаго народа господствуетъ ненависть къ владычеству духовенства, въ какой бы то ни было, формѣ, и отвращеніе отъ свѣтской власти папъ“. Ничто не помогло. Римъ долженъ былъ сдаться, французскія войска вступили въ него, и папа, торжественно обѣщавшій самыя коренныя реформы и амнистію, воротился въ Римъ. Возстановилось владычество земнаго представителя Бога любви. Въ теченіе перваго года его возстановленнаго царствованія (1850) пали 1644 политическія жертвы отъ свинца и пороха, или отъ руки палача. Въ газетахъ упоминалось тогда о 10,000 политическихъ арестантахъ, посаженныхъ въ тюрьму, въ 1850 году; возражая на это, оффиціальная римская журналистика объявила, что этихъ арестовъ всего на все было только 8,500. Какъ ни было велико это число въ сравненіи съ 700,000 подданныхъ, надъ которыми простиралось владычество папы, однакожъ и оно было ложью: на самомъ дѣлѣ, въ этомъ году, за политическія преступленія, содержалось въ тюрьмахъ 10,436 человѣкъ [1]). И въ какихъ тюрьмахъ содержались они! Положимъ, что въ первый годъ была необходима строгость; но преслѣдованія усиливались съ каждымъ годомъ: въ 1851 въ тюрьмахъ томилось 11,279, въ 1852—11,167, въ 1853—12,035, а въ 1854—13,006 человѣкъ, и все in majorem ecclesiae gloriam (во славу церкви)!“

„Такой порядокъ вещей не былъ ни сколько слѣдствіемъ личнаго воззрѣнія теперешняго папы. Всѣмъ извѣстно, что Пій IX началъ свое царствованіе цѣлымъ рядомъ реформъ, и римскій народъ сначала привѣтствовалъ его какъ избавителя. Но это былъ краткій сонъ: папа вынужденъ былъ подчиниться господствующей системѣ кардинальской государственной мудрости. Слѣдовательно всему виной эта пагубная система“.

---

[1]) См. сочиненіе Шарла де-ла-Варенна **Le Pape et les Romaines** (Paris 1860).

„Спрашивается: имѣетъ ли такая власть право возвышать свой голосъ во имя независимости и свободы народовъ“?

„Но папа, говорятъ, верховный глава христіанства, и въ этомъ качествѣ обязанъ оказывать пособіе каждому человѣку, угнетенному въ своей религіи. Сверхъ того католическій догматъ приписываетъ папѣ непогрѣшимость; поэтому онъ не можетъ ошибаться, и если онъ говоритъ, что кто-нибудь угнетенъ, то стало-быть, есть ли въ самомъ дѣлѣ угнетеніе, или вовсе нѣтъ его, но оно все-таки должно быть признаваемо существующимъ“.

„На чемъ, однако, основывается эта духовная власть папы? Если мы хотимъ поступить честно, то должны здѣсь на первомъ мѣстѣ упомянуть о поддѣльномъ документѣ, о лже-исидоровыхъ декретаріяхъ. Изъ этого-то документа преимущественно черпали римскіе епископы юридическую основу для своихъ притязаній, и при благопріятномъ мракѣ среднихъ вѣковъ, при распаденіи прежнихъ и при образованіи новыхъ отношеній, эти притязанія были примѣнены къ дѣлу, какъ бы древнее право. Опираясь на эту крупную ложь, папское стремленіе къ владычеству безпрерывно усиливалось, до тѣхъ поръ пока, наконецъ, Григорій VII, своими Dictatus Hildebrandini, завершилъ зданіе, поставленіемъ всему духовенству въ непремѣнную обязанность безбрачіе, чѣмъ отдѣлилъ его отъ всякой гражданской зависимости и доставилъ папѣ безусловное владычество въ духовной области. Такимъ образомъ зданіе церковной автократіи было довершено. Тогда сдѣлалось возможнымъ глубокое униженіе германскаго императора Генриха IV, который зимою 1077 года три дня и три ночи, въ одеждѣ кающагося, босикомъ и съ обнаженною головой, терзаемой стужей, голодомъ и жаждой, стоялъ передъ замкомъ каносскимъ, умоляя папу о милосердіи и о снятіи съ него церковнаго отлученія! Кому неизвѣстно, какъ потомъ эта власть, несмотря на благотворныя дѣйствія ея въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, была постоянно злоупотребляема съ цѣлію содержать народы въ невѣжествѣ, суевѣріи и арабской зависимости отъ духовенства? Инквизиція съ ея пытками и кострами, преслѣдованіе евреевъ, подавленіе всякаго свободнаго движенія ума, происки іезуитовъ: все это извѣстно каждому и доказываетъ, что папство лишило хри-

стіанскую религію ея чистаго благодатнаго вліянія на человѣчество".

„Спрашиваемъ снова: имѣетъ ли папство право говорить въ пользу свободы вѣрованія съ человѣчески-нравственной и вообще съ истинно-христіанской точки зрѣнія"?

„Но папство и не думаетъ о томъ, чтобы покровительствовать свободѣ вѣроисповѣданія. Если оно гдѣ-нибудь вмѣшивается, то дѣлаетъ это въ пользу своихъ такъ-называемыхъ правъ, для поддержанія своей власти, установившейся въ варварскія времена, и въ которой удивительно только то, что она могла сохраниться въ теченіе столькихъ вѣковъ, при цивилизаціи, которая вопреки всѣмъ проискамъ папскихъ орудій, все-таки безпрерывно развивается".

„Поэтому мы находимъ, въ сущности, весьма естественнымъ, что папа хочетъ двинуть Европу на защиту Польши; это необходимое слѣдствіе политическаго и религіознаго направленія папства. Когда народъ, подобный полякамъ, въ срединѣ котораго таится столько элементовъ, боящихся свѣта, возмущается противъ своего государя, ведущаго своихъ подданныхъ къ свѣту и свободѣ, то заранѣе можно знать, на чью сторону склонится непогрѣшимый глава церкви, внѣ которой нѣтъ спасенія. Папа долженъ былъ, наконецъ, вступиться за Польшу, если хотѣлъ остаться вѣрнымъ себѣ самому и своей системѣ.

„Но слѣдуетъ ли намъ придавать этому дѣлу большую важность? Нисколько. Мы сочтемъ однакожъ за счатье для Россіи, если вмѣшательству папы во внутреннія дѣла ея разъ навсегда нынѣшнія событія положатъ конецъ." (Моск. Вѣд.).

Изъ Царства Польскаго. Изъ Варшавы, отъ 8-го мая, пишутъ въ Р. Инв.: „Крестьяне съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе цѣнятъ великую милость Государя и дѣлаются безусловно довѣрчивыми къ русскимъ властямъ. Передаю вамъ нѣкоторые отрывки изъ писемъ, полученныхъ мною изъ ленчицкаго уѣзда. Въ одномъ письмѣ пишутъ: „Въ экспедиціи мы давно уже перестали ходить, о шайкахъ давнымъ-давно ни слуху, ни духу; даже одиночныхъ бродягъ нигдѣ нѣтъ въ уѣздѣ. Изъ нашихъ офицеровъ, въ искорененіи здѣсь революціонной

организаціи, отличился особенно штабсъ-ротмистръ баронъ Сакенъ: онъ переловилъ и начальниковъ шаекъ, и вѣшателей. Паны куда какъ пріутихли, за то крестьяне ожили и сдѣлались еще довѣрчивѣе прежняго къ военнымъ; иногда выражаютъ только опасеніе, чтобы опять не отдали ихъ въ руки польскихъ чиновниковъ". Слѣдующій отрывокъ изъ другаго письма того же уѣзда заслуживаетъ вниманія: „2-го числа прибыла къ намъ въ Кутно коммиссія по крестьянскимъ дѣламъ и получила на первый разъ около 2000 прошеній [1]) отъ крестьянъ; по большей части эти прошенія основательны и доказываютъ, до какой степени крестьянинъ былъ сжатъ и обиженъ своимъ господиномъ, который не смотрѣлъ на него, какъ на человѣка. Тутъ, при новомъ устройствѣ крестьянъ, встрѣчается очень много затрудненій или, лучше сказать, исключеній, непредвидѣнныхъ и не означенныхъ въ положеніи [2]), такъ что придется много рѣшать по здравому смыслу и по совѣсти, а для этого нужно большое умѣнье. Народъ намъ преданъ безусловно, вполнѣ вѣритъ намъ; нужно стараться всѣми силами поддержать эту преданность и оправдать довѣріе. Очень много зависитъ отъ военныхъ начальниковъ; одного буквальнаго исполненія предписаній начальства для военнаго начальника недостаточно: тутъ нужно еще умѣнье и особенно любовь къ самому дѣлу. Помѣщики, почти безъ исключенія, всѣ весьма недовольны, что хлопу дали право человѣка, и говорятъ, что они боятся кровавыхъ послѣдствій. Это, хотя и не новая пѣсня, не можетъ, разумѣется, не оказывать вліянія на людей, мало-разсудительныхъ и робкихъ. Сельская стража дѣйствуетъ хорошо; впрочемъ теперь уже рѣдко случается стражѣ поймать какого-либо бродягу, и то пришельца изъ другаго уѣзда. Жаль, что на школы мы не обращаемъ такого же вниманія, а это важный предметъ въ настоящее время. Вліяніе помѣщиковъ и неограниченная моральная власть духовенства надъ крестьянами теперь почти вовсе изчезли". Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ люблинской губерніи, населенныхъ уніатами, эти по-

---

[1]) Это только малая часть; во всякомъ участкѣ уже готово до 1.000 прошеній, а участковъ у насъ 6.

[2]) Для развитія положенія и рѣшенія запутанныхъ вопросовъ непредвидѣнныхъ, учрежденъ комитетъ.

слѣдніе, послѣ выборовъ, просили военныхъ начальниковъ о скорѣйшемъ учрежденіи у нихъ школъ для образованія гминныхъ писарей.

Вотъ еще фактъ, какъ крестьяне понимаютъ и цѣнятъ великую милость Государя. Въ одномъ изъ варшавскихъ магазиновъ мнѣ случилось встрѣтить крестьянина изъ села Едвабное, августовской губерніи, ломжинскаго уѣзда. Крестьянинъ покупалъ костельныя вещи и, по разговорамъ, видно было, что онъ не только грамотенъ, но даже знакомъ съ священнымъ писаніемъ. Когда я спросилъ у него, довольны ли они милостію Государя, крестьянинъ, бросивши покупки и обратившись къ иконѣ, сложивъ руки, текстами изъ священнаго писанія благодарилъ Бога, что онъ даровалъ имъ такого литостиваго (милостиваго) Цесаря. „Найяснѣйшій нашъ Цесарь, прибавилъ потомъ крестьянинъ, избавилъ насъ отъ неволи панской, какъ отъ плѣна вавилонскаго“.

Сообщаю вамъ еще замѣчательный фактъ, показывающій, до какой степени деморализаціи довелъ защитниковъ ойчизны глава католическаго костела. Въ костелѣ Паулиновъ, на углу Долгой и Новомѣйской улицъ, сынъ богатаго фабриканта укралъ подушку, какія обыкновенно лежатъ на престолахъ, но по выходѣ изъ костела былъ задержанъ полицейскимъ солдатомъ и отведенъ въ 3-й циркулъ. При допросѣ оказалось, что этотъ господинъ былъ въ шайкахъ, потомъ варшавскимъ жандармомъ,но главное, когда у него спросили, зачѣмъ же онъ сдѣлалъ святотатство, преступникъ твердо отвѣчалъ, что папа все дозволилъ во имя ойчизны. А неслыханныя убійства и неистовства варшавскія, напутствуемыя ксендзами, безчинства, совершаемыя въ костелахъ, отвратительныя комедіи, разыгрываемыя въ Ченстоховскомъ монастырѣ, во время манифестацій, — все дѣлалось во имя папы, который оттолкнулъ отъ себя польскихъ поселянъ, не вѣрящихъ болѣе ксендзамъ; и въ такое-то время глава католическій рѣшается обвинять русское правительство!

Варшава съ каждымъ днемъ принимаетъ веселый, оживленный видъ: сады наполняются гуляющими; въ заведеніяхъ минеральныхъ водъ, въ саксонскомъ и краковскомъ садахъ играетъ по утрамъ музыка. Говорятъ, что скоро прибудетъ изъ Венгріи оркестръ Бильзе, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ восхищалъ Варшаву.

Въ другой корреспонденціи изъ Варшавы сказано:

„Варшава совершенно измѣнилась, ее нельзя рѣшительно узнать: опять закипаетъ жизнь и бравурныя личности канули въ вѣчность. Открытіе главныхъ членовъ жонда, вслѣдствіе бумагъ, взятыхъ у сестеръ Гузовскихъ, было окончательнымъ ударомъ, нанесеннымъ революціонерамъ. Нужно отдать полную справедливость военно-временно-слѣдственной коммиссіи; она съ удивительнымъ искусствомъ и энергіею вела дѣло открытія и, что называется, вырвала зло съ корнемъ. Нѣкоторыя революціонныя учрежденія были уничтожены вполнѣ; всѣ члены арестованы и находятся подъ слѣдствіемъ".

Положеніе крестьянскаго вопроса въ минской губерніи. Въ „Днѣ" напечатана записка, представленная въ минское губернское присутствіе членами повѣрочныхъ коммиссій, въ февралѣ мѣсяцѣ. Въ этой запискѣ, между прочимъ, сказано: „Въ общемъ собраніи членовъ повѣрочныхъ коммисcій со всей губерніи, представился единственный случай каждой коммиссіи повѣрить свои дѣйствія обмѣномъ наблюденій и фактовъ, вынесенныхъ изъ практики и опыта другими коммиссіями, вслѣдствіе чего и вопросъ о низкихъ оцѣнкахъ подвергнутъ былъ самому подробному и серіозному обсужденію, при чемъ въ основаніе разсужденій положены были главныя основанія обязательнаго выкупа въ здѣшнемъ краѣ, и именно: 1) чтобы выкупаемая земля оцѣнена была по ея достоинству, и 2) чтобы бытъ бывшихъ помѣщиковъ крестьянъ устроенъ былъ на прочныхъ началахъ, какъ свободныхъ поземельныхъ собственниковъ. По сообщеніи каждою повѣрочною коммиссіею всѣхъ нужныхъ свѣдѣній и подробныхъ объясненій своихъ дѣйствій, подтвержденныхъ фактическими данными, члены повѣрочныхъ коммиссій пришли къ слѣдующимъ выводамъ и заключеніямъ: 1) минская губернія, за исключеніемъ новогрудскаго и слуцкаго уѣздовъ, представляетъ собою почти сплошную массу земель песчаныхъ, подзолистыхъ, болотныхъ и каменистыхъ, требующихъ для обработки и слишкомъ большаго труда, и самаго удобренія. 2) Во многихъ имѣніяхъ крестьянамъ отведены земли самыя худшія изъ земель фольварковыхъ, съ недостаточнымъ количествомъ сѣнокоса, безъ пастбищъ для скота и безъ лѣса, вслѣдствіе чего такія земли никогда не могутъ имѣть одинаковой цѣнности съ землями помѣщичьими, соединяющими въ себѣ необходимыя условія для

устройства и правильнаго веденія хозяйства въ здѣшнемъ краѣ. 3) Изъ всѣхъ доселѣ составленныхъ и представленныхъ въ губернское присутсвіе выкупныхъ актовъ, самыя низкія оцѣнки произведены были только въ борисовскомъ, минскомъ и мозырскомъ уѣздахъ, съ опредѣленіемъ оброчной повинности за десятину въ 20 коп., а выкупной ссуды за десятину въ 3 руб. 33$^1/_4$ коп. сереб., но, во 1) такія оцѣнки представляютъ собою рѣдкое исключеніе, такъ напримѣръ: въ борисовскомъ уѣздѣ, изъ оцѣненныхъ коммиссіей 6,900 десятинъ крестьянскихъ земель, только въ 4 мелкопомѣстныхъ имѣніяхъ, въ которыхъ общее количество земли, оцѣненной въ 3 р. 33$^1/_4$ к., составляетъ всего 209 дес. 145 саж., и во 2) крестьянскіе надѣлы въ имѣніяхъ, гдѣ произведена такая оцѣнка, оказались до такой степени неудобными и малопроизводительными, что большая часть поселенныхъ на нихъ крестьянъ не имѣютъ возможности даже пропитать свои семейства изъ добываемаго на самой землѣ хлѣба, такъ какъ почва отведенной имъ земли сильно песчаная и подзолистая, покрытая почти сплошною массою камней (такъ называемыхъ валуновъ); сѣнокосныя же мѣста состоятъ изъ болотной трясины и количество ихъ до такой степени недостаточно, что на одну десятину пашни всего приходится отъ 6$^1/_2$ до 10 пудовъ сѣна, и при всемъ этомъ совсѣмъ нѣтъ ни усадебнаго выгона, ни пастбищъ, ни малѣйшаго участка лѣса; наконецъ крестьянскіе надѣлы разбросаны отдѣльными клочками и изрѣзаны большими чрезполосностями, самыя же мѣстоположенія сихъ имѣній отдѣлены отъ всякихъ торговыхъ и промышленныхъ пунктовъ, и въ окружности на 40 и 50 верстъ не представляютъ для крестьянъ никакихъ выгодныхъ заработковъ. Такая совокупность крайнихъ невыгодъ крестьянскихъ земель возлагала на повѣрочныя коммиссіи прямую обязанность улучшить положеніе крестьянъ, существующихъ въ нищетѣ, и оцѣнить землю по ея достоинству, имѣя въ виду главное основаніе обязательнаго выкупа, чтобы выкупаемая земля, своею производительностію, само собою могла выплачивать и обезпечивать казнѣ выкупные платежи. И не смотря однакоже на такую совокупность крайнихъ невыгодъ на крестьянискихъ земляхъ, отнимающихъ у нихъ всякую цѣнность, повѣрочныя коммиссіи опредѣлили оцѣнку только условно низкую, но никакъ не абсолютно, чему лучшимъ доказательствомъ могутъ служить вольныя продажныя

цѣны на помѣщичьи земли: въ борисовскомъ, напримѣръ, уѣздѣ цѣлыя имѣнія, со всѣми фольварковыми угодьями и лѣсами продавались по 5 р. за десятину, и такія цѣны далеко не составляютъ исключенія и въ настояще время. 4) Приказывая, на основаніи фактическихъ данныхъ, что сравнительно низкія оцѣнки крестьянскихъ земель въ минской губерніи составляли, во 1, рѣдкое исключеніе и во 2, произошли онѣ не отъ пристрастія и односторонняго увлеченія повѣрочныхъ коммиссій, а вызванныя вопіющею необходимостію, члены повѣрочныхъ коммиссій не могли не обратить вниманія на слѣдующее, чрезвычайно важное обстоятельство, требующее положительнаго разрѣшенія, не столько въ огражденіе дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій отъ несправедливаго нареканія, сколько для правильной и уравнительной оцѣнки крестьянскихъ надѣловъ, и для самаго устройства хозяйственнаго быта крестьянъ на прочныхъ началахъ. Если неопровержимъ фактъ, что въ минской губерніи существуютъ такіе крайне невыгодные крестьянскіе надѣлы, которые не могутъ сами собою не только обезпечить выкупныхъ платежей казнѣ, но и достаточно обезпечить самое существованіе крестьянъ, то при оцѣнкѣ такихъ надѣловъ повѣрочныя коммиссіи всегда и неизбѣжно будутъ поставлены въ безвыходное положеніе: или произвести низкую оцѣнку земли по ея достоинству, или обременить крестьянъ излишнею повинностію, что будетъ вопіющею несправедливостію въ отношеніи сихъ послѣднихъ, такъ какъ крестьяне не имѣютъ права при обязательномъ выкупѣ отказаться отъ всего надѣла, а коммиссіи съ своей стороны не имѣютъ права признать всего надѣла неудобнымъ, если только крестьяне запахивали свою землю, хотя бы только потому, что другой земли, болѣе удобной, имъ не далъ помѣщикъ. По единогласному мнѣнію членовъ повѣрочныхъ коммиссій, такое затруднительное положеніе и повѣрочныхъ коммиссій, и еще болѣе самихъ крестьянъ, при обязательномъ выкупѣ исключительно невыгодныхъ и неудобныхъ крестьянскихъ надѣловъ, можетъ быть устранено только яснымъ и положительнымъ закономъ. Въ семъ послѣднемъ случаѣ неизбѣжно одно изъ двухъ, или необходимо предоставить крестьянамъ право совсѣмъ отказываться отъ крайне невыгодныхъ для нихъ надѣловъ, или же изыскать способы надѣлять ихъ другими, болѣе удобными и обезпечивающими ихъ бытъ землями.

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ СОВРЕМЕННЫЙ ВОПРОСЪ [1]).

Польскій вопросъ въ тысячу разъ, въ милліонъ разъ меньше важенъ и опасенъ для насъ, нежели вопросъ *о современномъ воспитаніи юношества въ Россіи.* Бунтующихъ сумазбродовъ-поляковъ можно усмирить. Часть такъ-называемаго *Царства Польскаго*, за исключеніемъ еврейскаго племени и нѣмцевъ, состоитъ изъ уніатовъ, которые не совсѣмъ еще ополячились, и скоро дастъ Богъ сознаютъ свое фальшивое положеніе въ массѣ человѣческаго рода и возвратятся попрежнему въ недра своей прародительной православной церкви, слѣдовательно опять будутъ русскими. Останутся поляки-католики двухъ родовъ, одни благоразумные и честные поляки, другіе нигилисты. Благоразумные поляки сами теперь видятъ и сознаютъ, что польское католичество, въ лицѣ своихъ ксендзовъ, опозорило себя на цѣлый свѣтъ своимъ личнымъ участіемъ въ бунтѣ и возбужденіемъ другихъ противъ законнаго

---

[1]) Редакція Вѣстника получила эту статью при слѣдующемъ письмѣ:

„Безспорно, что Вѣстникъ юго-западной и западной Россіи есть спеціальное изданіе, посвященное исключительно интересамъ юго-западнаго края Россіи. Но вѣдь есть же вопросы и интересы **общіе**, равно касающіеся всѣхъ полосъ нашего обширнаго отечества,—въ томъ числѣ и югозападнаго края, и я думаю, Вѣстникъ югозапад. Росссіи не имѣетъ права отказываться отъ нѣкоторыхъ статей, имѣющихъ **обще-русскій**, современный, особенный интересъ. Къ числу такихъ вопросовъ, безспорно, принадлежитъ **вопросъ о воспитаніи**. Мы всѣ русскіе: и сѣверные, и восточные, и югозападные, равно заинтересованы этимъ дѣломъ, которое достойно серьознаго вниманія **всѣхъ „Вѣстниковъ"**. Матеріализмъ и нигилизмъ подтачиваютъ у насъ воспитаніе: неужели Вѣстникъ югозападной Россіи откажется напечатать на своихъ страницахъ нѣсколько мыслей бывшаго учителя объ этой **общей** опасности, угрожающей не только востоку и сѣверу, но и югу и западу? [1])..„

[1]) Напротивъ того,—редакція «Вѣстника» съ полнымъ сочувствіемъ печатаетъ эту статью неизвѣстнаго автора, и отъ души благодаритъ его. Ред.

русскаго правительства; честные поляки не могутъ теперь имѣть уваженія и довѣрія къ своимъ священникамъ, изъ которыхъ многіе стали въ ряды разбойниковъ, а *всѣ* вообще, въ лицѣ своемъ, унизили латинскую схизму революціонными церковными манифестаціями, революціоннымъ трауромъ, возмутительными проповѣдями, и вообще явнымъ или тайнымъ участіемъ въ послѣдней постыдной революціи. Видя и сознавая всю эту *мерзость запустѣнія*, засѣвшую въ польско-католическомъ духовенствѣ, благоразумные и честные поляки уже начали, слава Богу, обращаться къ православію, т. е. къ своей древней, православной прародительской церкви,—ибо неподкупимая и неумолимая исторія давно уже сказала правду, что вся Польша, въ первые годы своего существованія, была православною, и что она погибла именно отъ ватиканской практики, отъ нашествія на Польшу, и участія въ ея политикѣ разныхъ патеровъ, особенно іезуитовъ.

О нигилистахъ полякахъ нечего безпокоиться: для нихъ ubi bene: ibi patria, и безъ сомнѣнія, они скоро уйдутъ хоть въ Турцію, и сдѣлаются тамъ ренегатами, подобно многимъ своимъ предшественникамъ-соотечественникамъ. Это—люди равно погибшіе и для Польши, и для Россіи, и для всего человѣчества.

Что касается до называющихъ себя поляками (потому только, что они паписты) нѣкоторыхъ жителей югозападнаго и бѣлорусскаго края Россіи, которые имѣютъ свою долю въ польскомъ вопросѣ, то относительно ихъ нужно однажды навсегда постановить слѣдующее правило: ежели они поляки, то пусть себѣ идутъ въ Польшу; а ежели не хотятъ переселяться туда, въ такомъ случаѣ пускай не только не говорятъ, но и не думаютъ въ тайникѣ души своей, будто они поляки, а не русскіе,—само собою разумѣется, что они могутъ оставаться папистами ad libitum, только не поляками, а русскими. Если, по сознанію самихъ поляковъ, есть же на свѣтѣ «*поляки Моисеева закона*»? — то почему же и нѣкоторымъ полякамъ не быть «*русскими р. католическаго закона*»? И такъ, польскій вопросъ уже почти разрѣшенъ, или *на дняхъ* разрѣшится вышеизложеннымъ способомъ, а не какъ нибудь иначе, ибо всякій другой способъ былъ бы жалкою полумѣрой, которая изобличила бы или незнаніе дѣла, или недостатокъ воли.

Переходимъ къ вопросу о воспитанiи. Вотъ что сказалъ недавно одинъ нашъ честный публицистъ: «нельзя не подивиться тому равнодушiю, съ которымъ до сихъ поръ наше общество относится къ вопросу о *воспитанiи.* Дѣло идетъ о тѣхъ нравственныхъ результатахъ нашего общественнаго воспитанiя, которые у всѣхъ предъ глазами. Мы не можемъ видѣть въ латинскомъ и греческомъ языкахъ (т. е. въ предполженiи дать нашимъ гимназiямъ классическое образованiе) панацею отъ всѣхъ золъ, разъѣдающихъ молодыя силы нашего общества. Вообразите себѣ крестьянина, купца (пожалуй и дворянина) еще вѣрнаго нравственнымъ и духовнымъ началамъ русскаго быта: чѣмъ заявляетъ себя для нихъ воспитанiе школы, когда необходимость заставляетъ ихъ отдавать своихъ дѣтей въ мужескую гимназiю или женскiй пансiонъ? Какимъ то паденiемъ, какою-то порчею нравственной. Крѣпость быта растлѣна (въ нашемъ школьномъ воспитанiи) легкомысленнымъ своеволiемъ; нравственныя правила замѣщены вкусами; страсти вознесены и поставлены выше нравственнаго долга; обычаи всего народа въ презрѣнiи; разумъ народный не уважается и долженъ уступить мѣсто личному своемыслiю; знанiе жизни и непосредственное чувство дѣйствительности замѣняются какимъ-то непониманiемъ жизни, отвлеченнымъ или мечтательнымъ къ ней отношенiемъ. Однимъ словомъ, наше воспитанiе не укрѣпляетъ, но разслабляетъ людей. Самыя просвѣтительныя начала, лежащiя въ основанiи нашего школьнаго ученiя, находятся во внутреннемъ противорѣчiи съ тѣми началами, подъ дѣйствiемъ которыхъ сложился и развился русскiй народъ. Не одни купцы наши жалуются на современное общественное воспитанiе. Есть много дворянъ, много помѣщиковъ и вообще много людей образованныхъ изъ разныхъ классовъ общества, которые, *не смотря на свое образованiе*, остались (слава Богу) вѣрны духовнымъ и нравственнымъ началамъ русской земли и большинства русскаго народа, и которые со страхомъ теперь помышляютъ (вотъ до чего мы дожили) о необходимости отдать своихъ дѣтей въ публичную школу и повести ихъ по всей оффицiальной лѣстницѣ общественнаго воспитанiя. Многiе умные и благочестивые родители, помѣщая дѣтей своихъ въ гимназiю, особенно же тѣ, которыхъ постоянное мѣстожительство отдалено отъ этихъ центровъ просвѣщенiя далекими пространствами, и которые потому лишены возмож-

ности наблюдать надъ развитіемъ своихъ дѣтей,—разстаются съ своими дѣтьми почти такъ, какъ крестьяне съ сыномъ, сдаваемымъ въ рекруты, или какъ будто отпуская ихъ въ далекое мореплаваніе. Что-то выйдетъ изъ сына? Не насмѣется ли онъ надъ родителями, вернувшись домой? Сохранится ли связь его съ роднымъ кровомъ, съ роднымъ бытомъ, съ преданіями, *съ православною церковью наконецъ?*.. Надъ этими тайными муками родителей жестоко издѣвались и издѣваются наши *веселые прогрессисты*; но тутъ нѣтъ ничего смѣшнаго; только въ такомъ безкорненномъ (безалаберномъ, безразсудномъ) обществѣ, какъ наше, могутъ казаться смѣшными такія родительскія опасенія; только у насъ родители стыдятся (за что послѣ плачутъ) и робѣютъ произносить въ слухъ свои сѣтованія Въ настоящее время *(слушайте! слушайте!)* почти каждый, кончающій курсъ въ общественномъ заведеніи, выходитъ оттуда сильно тронутый такъ-называемымъ матеріализмомъ,—а это такой нравственный и духовный строй, который отрицаетъ всѣ нравственныя и духовныя основы русскаго народа, который противорѣчитъ всѣмъ жизненнымъ началамъ общества; слѣдовательно родители и вообще общество въ правѣ не желать, чтобы дѣти ихъ получали такое направленіе и *волей—неволей* становились нигилистами. А такъ-какъ воспитаніе у насъ не есть дѣло общества, то можно всегда ожидать, что благонамѣренное вѣдомство, во власти котораго находится наше общественное воспитаніе, силою своей власти приметъ тотчасъ (о, дай Богъ!) всѣ надлежащія мѣры къ установленію требуемаго согласія между школой и жизнью. Вспомнимъ споръ кіевскаго духовенства съ кіевскимъ учебнымъ округомъ о народныхъ школахъ ... (можно вспомнить и о томъ что извѣстно изъ газетъ о неприличномъ поведеніи кіевскихъ гимназистовъ въ университетской церкви).... Два года тому назадъ московскіе купцы хотѣли основать свою независимую школу, подъ наблюденіемъ священника. Ихъ закидали грязью за эту мысль публицисты и учителя гимназіи,—и попытка не удалась. Жаль [1])».…

Все это правда, хоть горкая, но самая ощутительная, осязаемая правда, высказанная еще довольно сдержанно и осто-

---

[1]) См. 18 № газеты „День“, 2-го мая 1864 г., передовая статья.

рожно для того, вѣроятно, чтобъ не оскорбить чье-либо самолюбіе. А главный, вопіющій результатъ всѣхъ этихъ правдивыхъ словъ вотъ какой: «почти каждый, кончающій курсъ въ нашихъ общественныхъ заведеніяхъ, выходитъ оттуда сильно тронутый матеріализмомъ, и наши дѣти, большею частью, дѣлаются тамъ *волей, не волей* нигилистами. Классическое образованіе, проэктируемое для нашихъ гимназій, не можетъ служить лекарствомъ отъ всѣхъ нравственныхъ золъ, разъѣдающихъ молодыя силы нашего общества»....

Болѣзнь открыта, опредѣлена и названа; приготовляемое противъ нея лекарство признано безполезнымъ: чтожъ теперь намъ дѣлать? Не ужели мы будемъ по-прежнему только ходить «*вокругъ* да *около*» этого жизненнаго вопроса, а въ самую сущность его не заглянемъ? Не ужели не поищемъ радикальнаго лекарства отъ болѣзни, разъѣдающей молодыя силы нашего общества?.. Да не будетъ!—Пора серьозно подумать о болѣзни, и принять рѣшительныя мѣры къ ея исцѣленію. Независимо отъ выбора классической или реальной системы образованія нашего юношества, надобно, *непремѣнно надобно*, очистить наши учебныя заведенія отъ *невѣрія* и *нечестія*, отъ матеріализма, нигилизма, которые губятъ нашихъ дѣтей. Какъ же сдѣлать это? Трудно, очень трудно, но *непремѣнно надобно!* Вмѣсто теоретическихъ разсужденій, переливаемыхъ изъ пустаго въ порожнее, попробуемъ представить общественному вниманію нѣсколько практическихъ способовъ, основанныхъ на убѣжденіяхъ друзей человѣчества, на жизни всѣхъ благоденствующихъ народовъ.

Спору нѣтъ, что дитя первые начатки нравственнаго или безнравственнаго воспитанія, благочестивой или нечестивой жизни, можетъ получить въ своей семьѣ отъ окружающихъ его примѣровъ отца, матери, родныхъ и другихъ близкихъ свидѣтелей его дѣтства. Въ публичную школу дитя поступаетъ иногда съ зародышами вѣрованій, убѣжденій, привычекъ и уже съ видимымъ очертаніемъ будущаго нравственнаго характера, имѣющаго опредѣлить со временемъ всю стоимость послѣдующей жизни его. Спору нѣтъ, что практика послѣдующей жизни многое переработываетъ въ человѣкѣ, какой бы запасъ вѣро-

ваній, убѣжденій и привычекъ онъ ни вынесъ изъ своихъ юношескихъ лѣтъ; но все-таки школа общественнаго ученія и воспитанія *должна быть* единственнымъ горниломъ, въ которомъ переплавливается, очищается, получаетъ опредѣленную форму, и закаливается на всю послѣдующую жизнь весь умственный строй и нравственный характеръ воспитанника, какое бы первоначальное воспитаніе ни получилъ онъ въ своей семьѣ и какія бы преобразованныя перемѣны ни ожидали его въ практической жизни. Для чего же и устроять общественныя училища, для чего и дѣтей отдавать въ нихъ, если бы для образованія человѣка достаточно было первоначальнаго домашняго воспитанія да практики жизни?—Можетъ быть, скажутъ, что общественныя училища открываются собственно не для воспитанія, *но только для обученія*, потому что не каждое семейство можетъ располагать такими обширными и многосторонними средствами обученія, какъ общественная школа. Допуская (какъ и слѣдуетъ) недостаточность частныхъ средствъ къ многостороннему обученію дѣтей сравнительно со средствами государства. не забудемъ однако-жъ и того, что каждая наука, преподаваемая въ общественномъ училищѣ, кромѣ обученія, должна заключать въ себѣ и *нѣчто воспитательное*. И мы сдѣлали бы непростительную ошибку, если бы всю дѣятельность общественныхъ училищъ ограничили *только обученіемъ*. Самое названіе «*общеобразовательныхъ*» училищъ налагаетъ на нихъ обязанность быть и *воспитательными* пріютами для нашихъ дѣтей. Только эгоизмъ настоящаго времени да нравственное разслабленіе нашихъ образовательныхъ силъ были причиною того, что теперешнія наши общественныя училища захотѣли замкнуться въ тѣсный кругъ *обученія*, не обращая никакого вниманія на нравственное *воспитаніе* юношества, и даже (увы!) передавая эту свою священнѣйшую обязанность (risum teneatis, posteri nostri!) вѣдѣнію городской полиціи!!!.. Какъ будто полиція можетъ слѣдить за образованіемъ убѣжденій, характера, можетъ удержать умъ и сердце дитяти-юноши отъ накопленія въ духѣ ихъ разныхъ оттѣнковъ индифферантизма, либерализма, вообще нигилизма. Какъ будто полиція можетъ замѣтить нравственную опеку родителей воспитателей и притомъ въ такую пору возраста, когда страсти требуютъ обузданія, когда формируются убѣжденія, симпатіи, полагаются основы для всей нравственной жизни человѣка. По-

лиція можетъ видѣть внѣшнія явленія жизни, и даже тѣ только слѣдствія, а не примѣры, можетъ (и притомъ очень часто) замѣтить проступокъ, скандалъ, а тайники духа, отъ котораго они исходятъ, который уже сдѣлался резервуаромъ ихъ на всю жизнь,—для нея останутся не слѣдимыми! Жалкое ослѣпленіе!!! Вотъ отъ чего огромные томы замѣчаній, мнѣній, объясненій объ устройствѣ училищъ, написанныя въ недавнее время, не только не подвинули воспитанія впередъ, но окончились сознаніемъ, что изъ нынѣшнихъ нашихъ училищъ выходятъ воспитанники по большей части «матеріалистами и нигилистами....» Что жъ намъ дѣлать?... Мы должны обратиться къ природному русскому, здравому смыслу и твердо помнить, что рыба портится съ головы. ***Ежели воспитанники нашихъ общественныхъ училищъ теперь выходятъ изъ школы, большею частью, матеріалистами и нигилистами, то во всемъ этомъ виновны наставники ихъ***. Это—естественное слѣдствіе изъ естественной причины такъ очевидно и справедливо, что никакая попытка опровергнуть его ложными софизмами не возможна. Не сваливайте всей вины развращенія современнаго юношества на «ту среду (модное выраженіе), изъ которой поступаютъ дѣти въ училища.» Это, очевидно,—«миганье украдкой на Петра.» Главная сила—въ руководящемъ началѣ для общеобразовательныхъ заведеній и въ выборѣ надежныхъ начальниковъ и наставниковъ для училищъ. Надобно признаться, что у насъ доселѣ руководствовались въ этомъ случаѣ или протекціей и рекомендаціей вліятельныхъ лицъ, или даже просто—служебною очередью, соотвѣтствующимъ чиномъ, обыкновенною отмѣткою въ формулярѣ: «способенъ и достоинъ,» учебнымъ аттестатомъ, а въ нѣкоторыхъ, чрезвычайныхъ случаяхъ, пожалуй, и пробною лекціей. Въ начальникѣ училища, кто бы онъ ни былъ, вовсе не считалось препятствіемъ къ управленію воспитаніемъ юношества, хотя бы онъ самъ былъ отъявленнымъ нигилистомъ и матеріалистомъ; отъ наставниковъ требовалось только, чтобъ они не компрометировали своего священнаго званія отъявленнымъ нравственнымъ безобразіемъ, наприм , пьянствомъ, но ежели тотъ или другой начальникъ или наставникъ открыто, наприм., живетъ съ чужой женой, если по двору училища бѣгаютъ побочныя ихъ дѣти, если все свободное время они занимаются картежною игрой, не совсѣмъ безъ шулерства, но только

избѣгая *безобразія*, если тотъ, или другой, прямо или косвенно, обнаруживаютъ предъ учениками свое неуваженіе къ уставамъ, къ ученію и обрядамъ православной церкви, а нерѣдко позволяютъ себѣ богохульствовать à la Герценъ, подтрунивать надъ всякою властью; то все это и многое другое вовсе не препятствуетъ продолжать учебную службу и образовывать юношество. Каково дерево—таковы и плоды его: и вотъ, къ несчастью, мы дождались плодовъ матеріализма и нигилизма!— И странное дѣло! Нанимая для себя слугу, мы заботимся узнать о прежней его жизни и поведеніи; а выбирая наставниковъ для нашихъ общественныхъ училищъ, для новаго поколѣнія Россіи, вовсе объ этомъ не заботимся. Да если сказать правду, у насъ и некому заботиться объ этомъ,—все дѣло производится посредствомъ канцелярской переписки, и если только соблюдена *формальность*, такъ вотъ я и учитель, и инспекторъ, и директоръ, хотя бы я былъ самый рѣдкій экземпляръ нравственнаго уродства. Главное дѣло въ томъ, чтобъ избѣгать явнаго *безобразія* и поразительной гласности въ порокахъ, а *при всемъ прочемъ* смѣло можно браться за воспитаніе юношества и *даже* получать награды и отличія на этомъ поприщѣ.

Было время, когда многіе наши добросовѣстные соотечественники громко вопіяли на иностранцевъ—учителей и гувернеровъ, которые развращали наше юношество. Безъ сомнѣнія, такое нареканіе заслуживало, въ свое время, наше вниманіе. Но теперь учители и гувернеры—иностранцы, въ дѣлѣ развращенія (чуть было не сказалъ: воспитанія) юношества, стоятъ уже на второмъ планѣ; наши русскіе, доморощенные развратители далеко превзошли иностранцевъ своею дѣятельностью, не говоря уже объ ихъ численномъ превосходствѣ. Извините меня, любезные товарищи мои, соучители! Я знаю что и теперь между вами есть еще довольно честныхъ, благонамѣренныхъ и добросовѣстныхъ наставниковъ; я говорю не о васъ; большинство нигилистовъ заслоняетъ васъ; васъ или гонятъ и оттираютъ назадъ, или вы сами съ нетерпѣніемъ ожидаете своего 25-лѣтія, чтобъ идти на покой. Я говорю о современномъ большинствѣ наставниковъ—и говорю потому, что уже прежде меня *объявлено въ газетахъ*, что «каждый, кончающій теперь курсъ въ нашихъ общественныхъ заведеніяхъ, выходитъ

оттуда сильно затронутый матеріализмомъ, и дѣти наши дѣлаются тамъ нигилистами.»

Гдѣ же взять намъ добросовѣстныхъ и честныхъ наставниковъ?.... Да они всѣ могли бы быть такими (за исключеніемъ немногихъ неисправимыхъ нигилистовъ, которыхъ тотчасъ надобно выгнать изъ школъ), *если бы это требовалось отъ нихъ*, и требовалось не для соблюденія только *формальности*, или для такъ-называемой *канцелярской очистки*, но съ непрерывною настойчивостью, съ постояннымъ наблюденіемъ за ними, съ постоянною повѣркой дѣйствій ихъ и съ постояннымъ практическимъ стремленіемъ къ той цѣли, что наши общественныя училища должны не только *обучать*, но *непремѣнно* еще *воспитывать* юношество и воспитывать именно въ духѣ русской вѣры и народности. Ахъ, надобно будетъ отвѣчать намъ и за развращеніе наставниковъ юношества, не только за развращаемое юношество! Замокъ выдуманъ не отъ вора, но отъ «*честнаго*» человѣка: воръ съумѣетъ уворовать изъ-подъ замка, а «*честнаго*» человѣка замокъ предохраняетъ отъ искушенія воспользоваться чужимъ добромъ. Мало на свѣтѣ такихъ людей, которые были бы строго-справедливы и честны не только безъ внѣшняго побужденія и предостереженія, особенно при всеобщемъ, увлекающемъ потокѣ противныхъ примѣровъ; мало и учителей такихъ, которые, при всеобщемъ разслабленіи воспитательныхъ и образовательныхъ началъ, и сами не разслабѣли бы отъ всеобщаго заражающаго примѣра. Слѣдовательно, для благонамѣренной и добронравственной дѣятельности нашихъ наставниковъ, какъ хотите, нужно внѣшнее побужденіе, и прежде всего нуженъ примѣръ начальниковъ, чрезъ всю служебную лѣстницу, сверху—до низу. Согласитесь сами, что все это сказано *вообще*, безъ всякаго отношенія къ какимъ-либо личностямъ, и—слѣдовательно—обижаться вышесказанными словами никто, кажется, не долженъ.

Между учителями нашихъ общественныхъ училищъ есть довольно людей изъ непріязненнаго и враждебнаго намъ польскаго племени. Утверждать, что *всѣ* поляки-учители развращаютъ наше юношество—было бы несправедливо. Между поляками-учителями могутъ быть, и, вѣроятно, есть честные, благонамѣренные и добросовѣстные люди, которые готовы стать грудью противъ заразы матеріализма и нигилизма, обуявшей

наши училища. Но при нынѣшней, всеобщей нравственной срамотѣ, которою загрязнила себя вся польская нація, отъ своихъ вѣроучителей-ксендзовъ, до послѣдняго шляхтича, затѣявши безумный бунтъ противъ законнаго правительства, при нынѣшнемъ всеобщемъ вѣроломствѣ и тяжкомъ грѣхѣ братоубійства, который лежитъ на польской націи, полякъ-учитель, чѣмъ онъ нравственнѣе и честнѣе, чѣмъ онъ благонамѣреннѣе и добросовѣстнѣе, тѣмъ больше онъ долженъ краснѣть за свою націю и, изъ побужденія такого благороднаго стыда за свою національность, онъ непремѣнно долженъ самъ, добровольно, сложить съ себя званіе наставника русскаго юношества. Честный полякъ-учитель долженъ теперь собственнымъ примѣромъ самопожертвованія утвердить ту естественно-необходимую аксіому, что поляки-паписты, *покамѣсть*, не должны быть учителями и воспитателями русскаго, православнаго юношества, хотя—повторяемъ—между ними, вѣроятно, есть добрые и честные люди. Честному поляку-учителю теперь, должно быть, совѣстно смотрѣть въ глаза своимъ русскимъ ученикамъ, которые всѣ знаютъ, къ *какой* враждебной національности онъ принадлежитъ; да и удержать русскихъ учениковъ въ должныхъ предѣлахъ уваженія къ такимъ учителямъ—теперь чрезвычайно трудно. Трудная необходимость, жестокій долгъ чести!!.. но поляки должны, *по крайней мѣрѣ до неопредѣленнаго времени*, оставить учительскія мѣста въ русскихъ училищахъ, должны добровольно оставить, не дожидаясь напоминанія отъ начальства, которое, по деликатности, можетъ быть, и не будетъ напоминать имъ о томъ.

Нравственное вліяніе на учениковъ, болѣе всѣхъ учителей, могутъ и должны бы имѣть православные законоучители нашихъ училищъ и по самому святоотеческому сану ихъ и по святой важности ученія, преподаваемаго ими Слѣдовательно, если изъ нашихъ общественныхъ училищъ теперь много выходитъ матеріалистовъ и нигилистовъ, то не виновны ли въ этомъ *сколько-нибудь* и законоучители?... Вопросъ тяжкій, но естественно вытекающій изъ существа дѣла. Не даромъ блаженной памяти Императоръ Николай Павловичъ, по случаю исторіи съ Петрушевскимъ, повелѣлъ обращать самое строгое вниманіе на выборъ законоучителей въ свѣтскія училища. Ежели когда, то именно *теперь*, каждый законоучитель нашихъ училищъ дол-

женъ быть миссіонеромъ на своемъ мѣстѣ. Теперь уже не то время, чтобы можно было всю дѣятельность по законоучительству ограничивать только исправнымъ хожденіемъ на уроки, своевременною подачею вѣдомостей и прочею формалистикой,— нѣтъ! теперь законоучители должны возстановлять и утверждать христіанство въ душахъ своихъ учениковъ, а не рѣдко и въ самыхъ наставникахъ этихъ учениковъ: подвигъ трудный, но обязательный для законоучителя! Дай Богъ, чтобъ наши духовныя училища, приготовляющія законоучителей для свѣтскихъ училищъ, достойно и праведно исполняли эту свою апостольскую обязанность! Дай Богъ, чтобы исцѣленіе современной нравственной проказы матеріализма и нигилизма не потребовалось начать съ самихъ врачей, чтобъ они, призванные врачевать другихъ, по крайней мѣрѣ, сами были чисты и здоровы!... Есть, чѣмъ заняться; жатва многа: дай Богъ, чтобъ и дѣятелей было довольно!

Бывшій учитель.

ГОЛОСА ИЗЪ ГАЛИЦІИ *).

I.

Львовъ, 8-го апрѣля 1864 года.

Возраженіе на „отвѣтъ Палацкому“, появившееся въ № 39 **Московскихъ Вѣдомостей**, не могло не обрадовать всякаго благомыслящаго сына русской матери, а такихъ есть у насъ, слава Богу, большая часть между просвѣщеннымъ сословіемъ. Оно и ободрило меня обратиться къ почтенной редакціи этой газеты, съ прошеніемъ принять и моихъ нѣсколько словъ по этому предмету, такъ какъ у насъ нѣтъ газеты, въ которой бы я могъ заявить. Безспорно, **Слово** наше было черезъ нѣкоторое время народнымъ органомъ, ибо ревностно и усердно защищало чистоту нашего обряда отъ напора латинизма, наши народныя права отъ наглыхъ притязаній ляховъ, а на русскихъ (въ Россіи) не содержало въ себѣ ни бранчивыхъ выходокъ, ни клеветъ. Но вдругъ принимаетъ оно иное направленіе: под-

---

*) Съ особеннымъ удовольствіемъ печатаемъ эти письма изъ Галиціи, столь рѣшительно протестующія противъ нашего украинофильства, которое, какъ мы видимъ, не имѣетъ ни малѣйш го успѣха даже на оторванной отъ Россіи русской почвѣ. Печатаемъ эти письма почти безъ всякой перемѣны въ слогѣ. Первое изъ нихъ, какъ читатели замѣтятъ, отличается особенно чистотою русскаго языка. **Ред.**

стѣивается надъ русскими орденами, помѣщаетъ возмутительныя корреспонденціи изъ Украйны, примиряется съ исконными нашими врагами, силится доказать (въ отвѣтѣ Налацкому), что существуетъ особая малороссійская народность съ собственнымъ языкомъ. Только слѣпою ненавистью къ Россіи можно себѣ объяснить помѣщеніе извѣстныхъ корресподенцій изъ Украйны и братанье съ ляхами, ибо какъ можно повѣрить такимъ корреспонденціямъ человѣку хоть нѣсколько одаренному критическимъ умомъ, которыхъ лживость бросается въ глаза, или хоть мало знакомому съ расположеніемъ русскаго народа къ ляхамъ, который свою недовѣрчивость къ нимъ такъ рельефно выразилъ въ пословицѣ: „съ ляхомъ говори, а камень въ пазухѣ держи"? Писать также отвѣтъ знаменитому историку съ такою сбивчивостью и неосновательностью могъ лишь человѣкъ ослѣпленный или, если угодно, можетъ-быть, что бы однако крайне обидно было, разчитывающій на невѣжество своихъ читателей. Основанія, на которыхъ г. Дѣдицкій созидаетъ свою особую малороссійскую народность, очень шатки, но и статья г. Костомарова „Двѣ русскія народности", на которую наши украйнофили такъ часто ссылаются, никакъ насъ не убѣждаютъ. Историкъ, который утверждалъ, что варягорусси пришли въ девятомъ столѣтіи изъ Литвы, потому что въ одиннадцатомъ вѣкѣ одинъ изъ рукавовъ Нѣмана назывался русскимъ, — который храбраго Дмитрія Донского назвалъ трусомъ, а недавно тому, еще третью русскую народность изобрѣлъ, для насъ не авторитетъ.

Итакъ, г. Дѣдицкій не думаетъ ли, что этимъ своимъ оборотомъ онъ и русскій народъ совратитъ? Нѣтъ! русскій народъ непоколебимъ въ своихъ убѣжденіяхъ до такой степени, что даже ляхи въ своей пословицѣ дали ему эпитетъ: „упрямый", и не отъ газетъ-то зависитъ его направленіе.

Теперь скажемъ еще кое-что о русскомъ литературномъ языкѣ, какъ объ немъ наши ученые думали, не исключая и самаго г. Дѣдицкаго, и какъ съ этимъ вопросомъ въ настоящее время обстоитъ.

Въ вышеупомянутой статьѣ **Московскихъ Вѣдомостей**, въ которой такъ дѣльно опровергнуто мнѣніе г. Дѣдицкаго, весьма справедливо замѣчено, что иначе это дѣло ближайшіе соотечественники его понимаютъ и, какъ на примѣръ, указано на г. Цыбика. Нельзя

могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь одно мѣсто, касающееся того же предмета изъ № 25 Вѣстника, газеты, издаваемой въ Вѣнѣ для австрійскихъ русскихъ. Вѣстникъ этотъ, ратуя противъ вкоренившагося между львовскою молодежью украинофильства, въ особенности же противъ Кулишовской какографіи и полтавско-чигиринскаго нарѣчія, которое кое-какіе писаки у насъ ввели (Мета), вотъ что говоритъ: „Развѣ языкъ нашего Устіяновича, Могильницкаго, „Головацкихъ, Добрянскаго, Ковальскаго, Гушалевича и пр., не „звученъ, не плавенъ, не народенъ? Кто не понимаетъ нашего Ша„рашевича, Попеля, Цыбыка и пр., и пр.? Надо ли намъ укра„инщины? Вопросъ, какого языка и правописи галицкіе писатели при„держиваться должны, можетъ только Матица рѣшать".

Здѣсь между прочими видимъ и Цыбыка, на котораго и въ вышеупомянутой статьѣ Московскихъ Вѣдомостей указывается, какъ на писателя, въ сочиненіяхъ коего обрѣтается чистый русскій языкъ съ нѣкоторыми только идіотизмами. Развѣ г. Дѣдицкій скажетъ, что и вѣнскій Вѣстникъ гравитуетъ къ Москвѣ? Но здѣсь мы встрѣчаемъ еще имена писателей, которыхъ языкъ еще чище, особенно же Головацкаго и Попеля, которыхъ не легко упрекнуть хоть въ одномъ полонизмѣ или идіотизмѣ, а надо знать, что оба публичные профессора. Въ конца замѣчаетъ Вѣстникъ справедливо, что только Матица можетъ рѣшить, на какомъ языкѣ должно писать, а въ томъ-то и дѣло, что Матица еще въ 1849 г. этотъ вопросъ въ пользу общерусскаго литературнаго языка рѣшила. Вотъ что читаемъ въ № 6 Слова I г. „Когда завязывалось въ 1849 г. въ Львовѣ общество „русской Матицы, предложенъ былъ вопросъ къ разрѣшенію: на ка„комъ языкѣ и по какой правописи должны печататься книжки, из„даваемыя Матицею, а именно: на простомъ ли нарѣчіи, или на об„разованномъ и литературою цвѣтущемъ, какимъ пишетъ Россія, или „наконецъ на церковномъ? Тогда всталъ Петрушевичъ и доказалъ „достаточными доводами, что языкъ, на которомъ пишетъ Россія, „есть чистый русскій языкъ, понятный всякому малороссу безъ пред„варительныхъ грамматическихъ наукъ. По тѣхъ словахъ, которыя „многія изъ присутствующихъ членовъ Матицы подкрѣпляли, началось „горячее языкословное преніе и кончилось рѣшеніемъ большинства, „чтобы сочиненія научныя для читателей литературно образованныхъ

„издавать на письменномъ русскомъ языкѣ, употребляемомъ въ Россіи; за исключеніемъ только немногихъ формъ и выраженій исключительно великорусскаго происхожденія (какъ это,—ія...). Итакъ уже „въ самомъ началѣ народнаго возрожденія высказали себѣ писатели „русскіе на земли галицкой путь для трудовъ своихъ". Этой программѣ послѣдовалъ между прочими и г. Дѣдицкій въ своемъ **Отцѣ Игнатѣ**, а въ **Конюшемъ** употребилъ даже вопреки программѣ и ужасное московское: какъ это... По этой программѣ писала и пишетъ до сихъ поръ вся старшая Русь, не смотря на усилія ляховъ представить, вслѣдствіе того ея стремленія къ единству литературному съ прочими русскими, какъ измѣнницу, гравитующую къ Москвѣ и схизмѣ. Только съ 1862 года молодежъ львовская, подущаемая вашими украинофилами (nota bene), далась увлечь сепаратистическими тенденціями, но какъ мало встрѣтила сочувствія въ народѣ, доказываетъ то, что первый ея органъ, **Вечерницы**, не составлялся, а другой, **Мета**, такъ неурядно издается, что безсомнѣнно падетъ [1]). Однако не только подстрекательства изъ-за границы, но также хоръ наглѣйшихъ клеветъ, безстыднѣйшей лжи и безобразнѣйшихъ выдумокъ, взводимыхъ на Россію бѣснующимися фанатиками-крикунами въ польской журналистикѣ, не мало дѣйствуютъ на молодые, неопытные умы, особенно потому, что нѣтъ у насъ русскихъ книгъ, изъ которыхъ бы они могли убѣдиться въ противномъ. Не зная ни русской исторіи (слушайте русскіе братья: ея не учатъ нигдѣ у насъ въ школахъ—вѣдь нарочно!), ни русскаго литературнаго языка, они легко даются обмануть и обольстить. Весьма поучительнымъ примѣромъ можетъ, въ этомъ отношеніи, послужитъ похвальное искренное, публичное признаніе профессора Устіяновича. Вотъ что онъ писалъ въ № 7 **Слова** I г.

„Всякая правда имѣла и будетъ имѣть до конца свѣта своихъ „противниковъ. Признаюсь передъ всѣми читателями этой газеты, „что и я былъ такимъ противниковъ введенія такъ-званнаго россій-„скаго языка въ галицкую литературу. Я предложилъ себѣ держаться „навсегда простонародной рѣчи и ввелъ ее въ **Вѣстникъ**, мною въ „Львовѣ 1849 г. издаваемый. Вѣрный моей задачѣ, я не познако-„мился даже до онаго времени съ церковнымъ языкомъ, и не

---

[1]) Уже и пала она прекратилась на IV книжкѣ. Ред.

„имѣя наименьшаго понятія о россійскомъ, боролся я съ встрѣча-„емыми трудностями бодро и несломно, заокроивалъ какую-то новую „правопись для **Вѣстника**, перекручивалъ слоги словъ, подвергая „имъ новое значеніе, или образовалъ цѣликомъ новыя, писалъ по „десяти разъ и маралъ снова столькократно и бѣдился безмѣрно въ „томъ одномъ для меня тогда-то найважнѣйшемъ стремленіи, чтобы „не отдалиться отъ возлюбленной мнѣ черни, быть простонароднымъ „писателемъ.

„Какая же польза была съ моимъ трудомъ? Вотъ что: языкъ, „на которомъ я писалъ, былъ похожъ на колыбающуюся лодку безъ „постоянности, но и безъ движенія впередъ... Я то все познавалъ, „но былъ упрямъ. Я ковалъ новыя слова, гдѣ ихъ было нужно, но „дивно: когда мнѣ духъ простаго народнаго языка подшептомъ „помогъ утвердить какое новое слово, и я съ радостью выражалъ „его передъ своими почтенными сотрудниками, въ глубокомъ убѣж-„деніи, что оно не можетъ быть иное, какъ чисто простонародное „русское,—находили они мнѣ его въ чистомъ московскомъ сло-„варѣ **Шмидта**. А такъ ишолъ я уже тогда противъ моей воли прямо „на противную, мною нарокомъ обминаемую дорогу, вмѣсто въ нашъ „Кіевъ, въ московскую Калугу.

„Отдалився отъ редакціи **Вѣстника**, и пребывая снова въ моемъ „уединеніи въ Карпатскихъ горахъ, не имѣлъ я ни средствъ, ни слу-„чайности обучиться письменному россійскому языку, даже изъ не-„нависти ко всему ненародному не читалъ я **Зори Галицкой** г. „**Дѣдицкимъ** издаваемой (слышите ли г. Дѣдицкій). **Газеты церков-„ной** (изд. въ Пештѣ и писанной чисто по-русски) не видѣлъ я ни „одного листа; я однако прочитавъ случайно повѣсть россійскую **Ста-„рый Домъ**, нѣкоторыя поэзіи Пушкина, убѣдился чѣмъ разъ больше, „что языкъ, которымъ пишетъ Москва, есть чистый русскій, что украин-„скіе писатели съ политическихъ причинъ пытаются различною пра-„вописью свой языкъ безуспѣшно отлучить отъ письменнаго русскаго и что? А. Петрушевичичъ справедливо говоритъ, утверждая, что такъ-„зовомый языкъ московскій есть языкъ русскій“.

Безсомнѣнно большая часть нашей молодежи въ томъ же состояніи, въ которомъ и проф. Устіяновичъ находился до изученія русскаго языка. Желательно только было бы, чтобъ они образумились

и такъ благородно въ своемъ невѣжествѣ признались; тогда не радовались бы ляцкіе пропагандисты своимъ успѣхамъ въ отчужденіи русскаго, они бы не говорили такъ, какъ сказано въ одной книжонкѣ („Ручаюсь что согласимся„ Львовъ стр. 34, 1861 г.) „Малороссіяне „говорятъ и пишутъ свои сочиненія на языкѣ русскомъ (малороссій„скомъ), а поляки радуются тому и подпираютъ литературу, чтобы „тѣмъ самымъ свѣтъ и москалей убѣдить, что Русь не Москва; „коли противно у насъ жаль смотрѣти (авторъ сожалѣетъ надъ тѣмъ, что еще въ 1861 г. у насъ въ Галиціи держатся письменнаго русскаго языка), но дасть Богъ будетъ лучше". Но недай Богъ чего онъ желаетъ, присовокупляемъ мы, ибо оно только Ляку на пользу, а намъ Русскимъ на погибель!

А. Г. С.

(Русскій изъ Галиціи).

II.

5-го апрѣля.

Случайно досталось намъ въ руки 49-ое число (нумеръ) вашей газеты,—случайно говорю, ибо у насъ великая рѣдкость русская газета [1])! Прочитавъ въ этомъ числѣ (нумерѣ) за насъ, Галицкую Русь, обѣ статьи, не можемъ вамъ не отвѣтить. Касательно первой статьи, литературнаго содержанія, скажемъ вамъ коротко, съ немалымъ удовольствіемъ признавая, что дѣло истинно такъ понимаете, какъ оное у насъ вообще понимаютъ, и что такъ-сказать мысли наши задушевныя выражаете, какъ будто перенимая намъ слова изъ устъ. Чувствительно за то благодаримъ.

Не такъ согласны съ дѣйствительностію извѣстія, передаваемыя вашимъ корреспондентомъ изъ Вѣны. Въ дополненіе оной нѣсколько словъ необходимы, которыя вы въ вашей газетѣ напечатать благоволите.

Дѣло, о которомъ въ настоящее время наибольше у насъ говорится, о которомъ и вашъ корреспондентъ извѣщаетъ, есть такъзовэмое украинофильство („молодая Русь") и братаніеся ляховъ съ русскими.

---

[1]) Вслѣдствіе жалобъ на недостатокъ русскихъ газетъ львовскаго корреспондента нашего, «Вѣстника», редакція его посылаетъ въ Львовъ, безвозмездно, кромѣ нѣсколькихъ экзем. этого журнала, «Московскія Вѣдомости», «День» «Биржевыя Вѣдомости», Сѣверную Почту, Вѣсть, Современный Листокъ и другія. Ред.

Что касается перваго, не нужно бы намъ было здѣсь объ этихъ жалкихъ головахъ и говорить, если бы тіи въ сознаніи то, что дѣлаютъ, дѣлали. Русь галицкая и всякій русскій сожалѣетъ надъ своими молодиками, что имъ захочивается опыты пустые предпринимать, — сожалѣетъ надъ утратою нѣсколькихъ годовъ, какіе имъ еще нужны, чтобы дошли до полнаго сознанія самихъ себя и убѣжденія въ истинѣ. Пусть убѣдятся, и будутъ какъ подобаетъ быть людямъ, которые выживились русскимъ хлѣбомъ и въ которыхъ течетъ русская кровь! Не излише будетъ вспомнить что это сепаритистическая фантазія вызвана элементомъ, отъ вѣка, Руси враждебнымъ, элементомъ, который никогда не пропускалъ случаевъ, ниже пренебрегалъ и найподлѣйшими средствами къ приготовленію зла Руси, и всему что русское.

Вамъ извѣстно уже изъ прошедшихъ трехъ годовъ „Львовскаго Слова," какъ подло наши сосѣди Ляхи, съ трехъ милліоннымъ русскимъ народомъ въ Галиціи всегда поступали: съ неменьшею подлостію продолжаютъ они, и въ теперешнія времена, свою злобу къ этому народу. Какъ неожиданно голоса ляцкіе изъ нашего Львова braterstwo провозглашаютъ въ тѣхъ самыхъ газетахъ, которыя еще передъ нѣсколькими днями отрицали существованіе того народа, съ которымъ имъ теперь такъ хотѣлось бы побрататься? Потерпите мало, я вамъ раскажу какъ въ послѣднее время они нами опековались, а увидите, какъ одна хитрость и злоба изъ другой истекаетъ. Уже отъ времени нашего отъ сна возстанія, достопамятнаго 1848 года, переходимъ мы почти ежегодно черезъ тяжкія испытанія. „Nie było Rusi; Stadion stworzył Ruś!" кричали эти вороги. Когда сталъ въ Вѣнѣ министромъ графъ Голуховскій [1]), первою мыслію его было Русь уничтожить. Но какимъ же образомъ, когда она уже и австрійскимъ правнтельствомъ признана? Польша къ тому средствъ имѣетъ довольно: кирилицу отобрать, кирилица намъ дорога: обрядъ ксендзами испорченъ, рѣчь полонизмами искажена, только кирилица противъ окончательнаго ополяченія упиралась.

---

[1]) Голуховскій—Ляхъ.

Слава да будетъ Провидѣнію Божіему: помощію своего священства спаслась Русь отъ грозившей ей погибели, а лукавство и козни Ляховъ на ни чемъ кончились!

Свои планы продолжали Ляхи, безъ угрызѣнія совѣсти, даже и во время введенной въ краѣ конституціи. Кому неизвѣстны выборы послѣ засѣданія Львовскаго сейма 1861 и 1862 годовъ? Кому тайна эта услуга оказанная Ляхами Русскимъ въ Галиціи при выборахъ членовъ въ Вѣнскій рейхсратъ? Кому въ свѣтѣ неизвѣстны эти обиды русскому священству, ихъ вѣрѣ, церкви, обряду? Вотъ вамъ цивилизація ляцкая, въ свѣжихъ еще памяти дѣяніяхъ: не нужно вамъ и временъ Бродовича!

Но напрасны происки Ляховъ! Не будетъ имъ господства на Руси, подъ какимъ бы то ни было именемъ—хоть-бы и украинскимъ. Народъ русскій стократно-познавшій братерство Ляховъ, стоитъ неопреодолимъ ни для какихъ коварствъ. Не даромъ выработалась межъ самими Ляхами пословица: „jak świat światem, nie był Polak Rusinowi bratem." Впрочемъ, неужели они забыли или не убѣдились довольно, что ни одно славянское племя къ нимъ довѣрія не имѣетъ? Неужели они забыли, что дѣлали съ ними даже ихъ соплеменники, польское крестьянство въ 1846 году, въ западной Галиціи? А вотъ доказательство изъ послѣднихъ дней: какую пользу принесли имъ złote hramoty (w rusinskiem narzeczu)? Какъ были сіи грамоты приняты народомъ въ западныхъ губерніяхъ? Нужно ли имъ больше опытовъ? Пусть искушаютъ! Т.

БЕЗСИЛЬНЫЕ ГРОМЫ ВАТИКАНА. Бѣда дожить иному до старости лѣтъ, до потери здраваго смысла, до оскудѣнія собственной воли! Егда же состарѣешися, сказано Спасителемъ апостолу Петру, и инъ тя поящетъ и ведетъ, аможе не хощеши. Слова эти, въ нѣкоторомъ смыслѣ, сбылись теперь надъ мнимымъ преемникомъ св. Петра, представителемъ римско-католической религіи, вѣнчаннымъ царственною короною архіереемъ, когда-то рѣшителемъ судебъ царствъ и народовъ, а нынѣ хилымъ и безсильнымъ, физически и морально, папою Піемъ IX. Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ епископовъ, (пишутъ въ Indépendance Belge), принимавшій дѣятельное участіе въ движеніи, обнаружившемся въ р. католическихъ

государствахъ въ пользу свѣтской власти папы, воротясь изъ Рима въ свое отечество, безъ обиняковъ расказывалъ, что, не смотря на сдѣланный ему пріемъ, всѣ его мечты и надежды рушились, при видѣ жалкой дѣйствительности. Онъ говорилъ во всеуслышаніе, что Римъ— какой-то Вавилонъ, въ которомъ, не знаешь, кто господствуетъ; что кардиналы Антонелли и Меродъ по очереди заправляютъ государственными дѣлами, на ходъ которыхъ имѣютъ вліяніе и постороннія лица, и что папа Пій IX, окруженный прелатами, составляющими его дворъ, находится въ полной зависимости отъ нихъ и дѣйствуетъ имъ въ угоду, потому только, что тѣ умѣютъ веселить и развлекать его [1]).

Къ сожалѣнію, эти шутники и забавники не ограничиваются дешевыми игрушками и фокусъ-покусами одного р. католическаго міра: они бросаются по всѣмъ сторонамъ, чтобы развлечь своего паціента, да и самимъ позабавиться немножко. На дняхъ подняли они чуть живаго папу и заставили его произнести рѣчь въ своей консисторіи, направленную противъ Россіи и ея державнаго Вѣнценосца. Два года уже польскіе агитаторы и польскіе клерикалы хлопочутъ объ этомъ въ Римѣ, призывая на Россію громы Ватикана, и теперь усерднѣе чѣмъ когда либо взялись за это жалкое средство. Забыли ли они, или только притворились, будто забыли, что эти громы давно перестали быть громами не только для Россіи, никогда имъ не внимавшей, но и для Европы р. католической. Какъ бы то ни было, они достигли наконецъ своего: папа заговорилъ въ ихъ пользу,—и чтоже? Старческій голосъ его не имѣлъ даже интереса новости, а только возбудилъ негодованіе всей Европы. Вотъ отзывъ о рѣчи папской газеты Indépendance Bélge. „Духовная рѣчь всегда пользовалась стилистическими льготами и всегда употребляла ихъ во зло... Нѣтъ ничего удивительнаго, что глава римской церкви смотритъ на укрощеніе русскими войсками возстанія (которое въ своихъ разрушительныхъ дѣлахъ употребляло орудіемъ своимъ представителей римскаго культа), какъ на торжество схизматизма надъ истинною вѣрою. Папа воспользовался въ этомъ случаѣ единственною формою отлученія, какую только онъ могъ примѣнить къ некатолическому правительству; это отлученіе,

---

[1]) Сѣв. Почта 1864 г. № 93.

очевидно, не могло выразиться въ той же формѣ, въ которой папа предалъ проклятію короля Виктора Эммануила и всѣхъ его сотрудниковъ въ національномъ дѣлѣ. За слова свои святѣйшій отецъ, какъ глава церкви, отвѣчаетъ, конечно, только передъ своею совѣстью: но аномалія, поражающая насъ въ этой рѣчи, заключается въ томъ, что слова, произносимыя папою—первосвященникомъ, въ тоже время выходятъ изъ устъ папы—государя. Очевидно, что подобныя слова, обращенныя отъ одного монарха къ другому, могутъ повлечь за собою немедленный разрывъ дружественныхъ отношеній, [1]) а то и привести къ весьма серьезнымъ политическимъ послѣдствіямъ. Здѣсь является новое доказательство несовмѣстимости двухъ властей—духовной и свѣтской. До сихъ поръ только право народовъ, по видимому, осуждало соединеніе въ одномъ лицѣ духовной власти съ свѣтскою, а теперь оказывается, что и международное право, право дипломатическое въ свою очередь, съ неменьшею энергіей, возстаетъ противъ такого соединенія. Рѣчь папы Пія IX служитъ, въ отношеніи къ европейскимъ государямъ, очевиднымъ доказательствомъ того, какъ неудобно и опасно обращаться съ святѣйшимъ отцомъ, какъ съ свѣтскимъ государемъ, и принуждать его такимъ образомъ или отказаться отъ свободы своего духовнаго слова, или забывать приличія и самыя первыя обязанности сана, которыми онъ обладаетъ въ числѣ свѣтскихъ монарховъ. Вотъ почему насъ нисколько не удивляетъ удовольствіе, выраженное по этому случаю газетами: le Siécle, la Patrie и l'Opinion nationale. Когда аеинскій народъ, противъ своего обыкновенія, апплодировалъ Фокіону, — послѣдній спрашивалъ себя: не сказалъ ли онъ какой глупости. Мы, конечно, не дозволимъ себѣ провести параллель между его святѣйшествомъ и Фокіономъ, который былъ только простой мудрецъ, и еще менѣе расположены мы сравнивать le Siécle, la Patrie, l'Opinion nationale съ аеинянами: но на мѣстѣ ватикана мы почувствовали бы нѣкоторое безпокойство при этомъ одобреніи (satisfecit), которымъ такъ поспѣшно наградили его вышеупомянутыя газеты.

„Мы надѣялись, говорится въ той же газетѣ, что текстъ папской рѣчи совершенно опровергнетъ анализъ, сообщенный намъ о

[1]) Разрывъ этотъ уже совершился: нашъ посланникъ отозванъ изъ Рима Ред.

ной прежде по телеграфу; потому-то мы не рѣшались вѣрить, чтобы съ высоты папскаго престола, гдѣ должны царствовать милосердіе, благость и кротость, могли раздаваться слова, скорѣе похожія на грубую брань экзальтированнаго революціонера, чѣмъ на рѣчь главы католицизма. Текстъ папской импровизаціи, переданный въ сокращенномъ видѣ по телеграфу, далъ лишь слабое понятіе о ея запальчивости. Рѣчь святѣйшаго отца не поддается никакимъ комментаріямъ. Припадокъ гнѣва нельзя объяснить съ помощію разумныхъ толкованій, и на слова папы можно смотрѣть не иначе, какъ на результатъ лихорадочной и болѣзненной экзальтаціи [1].

Въ рѣчи своей такъ и представляется намъ этотъ же самый Пій IX, поджигавшій въ 1848 году революцію въ Европѣ. Мы помнимъ ходившую тогда по рукамъ заграничную каррикатуру, въ которой онъ былъ представленъ стоящимъ близь костра и раздувающимъ полами своей одежды подложенные подъ него уголья. Жалкая участь, скажемъ съ „Московскими Вѣдомостями", [2]) суждена этому бѣдному Пію IX! Вступилъ онъ на престолъ какимъ-то неслыханнымъ на папскомъ престолѣ либераломъ-преобразователемъ; онъ искалъ популярности демагога; онъ кокетничалъ съ революціей, онъ далъ ей разыграться въ Римѣ, бѣжалъ отъ нея, подвергъ „вѣчный городъ" бомбардировкѣ, [3]) спрятался за французскіе штыки, превзошелъ потомъ своихъ предшественниковъ въ тупомъ сопротивленіи самымъ законнымъ требованіямъ гражданскаго благоустройства, потерялъ почти всѣ свои владѣнія, за исключеніемъ, такъ называемой, вотчины св. Петра, и еще болѣе, чѣмъ достоинство своего свѣтскаго престола, уронилъ честь своего духовнаго сана. Никогда римская церковь не подвергалась такому уничиженію, никогда такъ явственно не обнаруживалась ея внутренняя несостоятельность, какъ въ правленіе

---

[1]) Оба эти отрывка заимствованы газетою le Nord изъ газеты Indèpendance Belge и помѣщены ею на своихъ страницахъ. Очевидно, что обѣ они одинаково относятся къ рѣчи Пія IX.

[2]) Моск. Вѣд. 1864 г. № 93.

[3]) Намъ приходитъ на память по этому случаю каррикатура, видѣнная нами въ 1848 году въ французской газетѣ l'Jllustration, гдѣ маршалъ Удино посылаетъ бомбу изъ мартиры въ вѣчный городъ, съ надписью: Urbi et Orbi (городу и міру).

этого папы, который теперь, быть можетъ, наканунѣ своей кончины, этой импровизаціей достойно завершаетъ печальные подвиги своего житія. Гдѣ же достоинство, честь и правда, если представитель одного изъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, чествующій себя намѣстникомъ св. Петра, рѣшается говорить такимъ языкомъ? Онъ объявляетъ, что не хочетъ возжигать революціонныхъ страстей: — слава Богу! не доставало только того, чтобы глава римской церкви громко сознался предъ цѣлымъ міромъ, что для него всякія средства хороши, и что онъ охотно даетъ свое апостольское благословеніе революціи, какъ давалъ его бурбонскимъ бандитамъ въ Неаполѣ. Однакоже, чтожъ онъ теперь дѣлаетъ, какъ не возжигаетъ революцію? Римская курія съ ужасомъ и негодованіемъ отзывалась о козняхъ революціи. Еще такъ недавно гремѣла она противъ короля Виктора-Эмануила, проклинала и отлучала его правительство за революціонныя дѣйствія, и обрекала геённѣ огненной Гарибальди, который съ крикомъ: Roma o morte (Римъ или смерть!) шелъ выгонять папу изъ ватикана. А что дѣлаетъ теперь этотъ папа? Онъ подаетъ свою одряхлѣвшую руку тому же самому Гарибальди, и повторяетъ, но только съ меньшимъ приличіемъ, слова, которыя Гарибальди, въ качествѣ главы революціи, на этихъ дняхъ сказалъ депутаціи отъ польской шляхты, представлявшейся ему въ Лондонѣ. Если въ теперешнемъ состояніи здоровья, Пій IX не могъ взвѣсить значенія произнесенныхъ имъ словъ, то его совѣтники не могли не сообразить, что дѣло, въ которомъ римская курія приняла столь живое участіе, есть дѣло революціи, болѣе чѣмъ какое либо другое. Господа Гавенъ и Геру, рукоплещущіе папѣ — вотъ достойная награда ему, вотъ заслуженный позоръ на ватиканъ, вотъ изобличеніе того лживаго духа, который въ немъ живетъ и который своими дѣйствіями, хуже чѣмъ ученіе безвѣрія и атеизма, отрицаетъ и безславитъ дѣло вѣры Христовой!

Пій IX, продолжаютъ „Московскія вѣдомости“, [1]) конечно, не назвалъ по имени ни „обширнаго сѣвернаго государства“, ни царствующаго въ немъ „могущественнаго монарха“; онъ не сказалъ имени тѣхъ „владѣній, которыя простираются до полюса:“ но мы будемъ откровеннѣе его, и скажемъ, что слова его дошли по адресу. Слова

[1]) Моск. Вѣд. 1864 г. № 92.

эти громки; они облетятъ весь свѣтъ: сказанныя государемъ и епископомъ, они имѣютъ двойную силу. Но тѣмъ болѣе слѣдовало бы ему взвѣсить каждое изъ словъ, облеченныхъ такою силой. Тѣмъ выше авторитетъ человѣка, тѣмъ менѣе можетъ онъ увлекаться страстію къ импровизаціямъ. Когда французскій газетчикъ, въ угоду своимъ патронамъ, беззастѣнчиво пишетъ одну изъ тѣхъ зажигательныхъ статей, какими наполнялась прошлаго года европейская печать,—дивиться нечему: въ наше время есть кондотьеры пера, какъ бывали нѣкогда кондотьеры шпаги; имъ терять нечего; на нихъ не лежитъ никакой отвѣтственности, кромѣ той, которую возлагаютъ на нихъ болѣе или менѣе сговорчивая совѣсть. Но таково ли положеніе римскаго епископа? Такъ ли легко могутъ сходить ему съ рукъ недостойныя сплетни, которыхъ онъ становится органомъ? Неужели папа Пій IX полагаетъ, что, превзойдя принца Наполеона въ неприличіи, онъ успѣшнѣе проведетъ своего нунція въ Россію, чего онъ, по примѣру своихъ предшественниковъ, такъ настойчиво добивался? Неужели онъ думаетъ, что легкомысленно отзываясь о Государѣ могущественнаго народа, онъ въ области этого народа лучше обезпечитъ положеніе духовенства,—того духовенства, которое такъ нуждалось въ настоящее время въ снисходительности и прощеніи? Знаетъ ли онъ, что этотъ народъ имѣетъ старые, длинные счеты съ римскимъ духовенствомъ, и что въ интересѣ этого духовенства лучше бы не пробуждать ни старыхъ, ни слишкомъ свѣжихъ воспоминаній о ксендзахъ, предводительствовавшихъ шайками убійцъ и грабителей, о плебанахъ, которые собственноручно разстрѣливали крестьянъ, не хотѣвшихъ нарушить вѣрноподданнической присяги? Тяжелыя, раздражающія и крайне невыгодныя для римскаго духовенства воспоминанія импровизаторъ въ тіарѣ вздумалъ будить, и будить когда же?—когда борьба окончена, и побѣжденные въ рукахъ побѣдителей!...

Говоря о злощастной выходкѣ Пія IX, Indépendance Belge справедливо напоминаетъ ему, что онъ видитъ сучекъ въ окѣ ближняго, а не видитъ бревна въ своемъ собственномъ. „Правда, говоритъ эта газета, въ Римѣ не ссылаютъ въ Сибирь, но сажаютъ въ піомбы аретастантовъ, виновныхъ въ распространеніи библіи. Чтожъ сдѣлалъ бы римскій дворъ, если бы онъ былъ поставленъ въ необходимость

бороться противъ возмущенія и революціи, возбужденныхъ иновѣрческою сектой"?

Мы желали бы знать страну, гдѣ подданный, какой бы религіи и какого бы званія онъ ни былъ, можетъ безнаказанно проповѣдывать возмущеніе противъ законнаго правительства, презрѣніе къ господствующей церкви и ненависть и къ коренному народонаселенію. Если король Италіи, страны римско-католической, увидѣлъ себя вынужденнымъ положить предѣлъ своеволію латинскаго духовенства, если онъ смѣнялъ епископовъ и предавалъ суду аббатовъ, то не безумно ли было бы ожидать большей снисходительности отъ правительства русскаго, вполнѣ свободнаго отъ духовныхъ отношеній къ Риму? Если правительство это имѣло довольно силы, чтобы не дозволять нарушенія государственныхъ законовъ со стороны единовѣрнаго ему духовенства, то неужели оно можетъ потворствовать иновѣрческому? Неужели оно можетъ допустить, чтобы римско-католическое духовенство открыто нарушало государственные законы, проповѣдывало мятежъ и руководило революціей? Неужели оно не въ правѣ и не обязано требовать, чтобы латинскіе ксендзы перестали мечтать о господствѣ въ Россіи, и чтобы, повинуясь Риму въ всемъ, что касается догмата, они подчинялись законамъ русскимъ, и навсегда, безусловно отреклись отъ всякаго политическаго значенія?

Странное дѣло! На пространствѣ русскаго царства живутъ и уживаются всевозможныя религіи, отъ всѣхъ существующихъ христіанскихъ исповѣданій до язычества и поклоненія огню,—и ни одна изъ этихъ религій не угнетена, ни одна не жалуется, кромѣ р. католической [1])! Чтоже поставило эту послѣднюю въ исключительное и невыгодное для нея положеніе? Отвѣтъ на это мы получимъ, припомнивъ нѣсколько историческихъ фактовъ. Послѣ возвращенія запад-

---

[1]) Однакожъ и лютеранство, въ лицѣ своего епископа Вальтера, въ Лифляндіи, начинаетъ жаловаться на то, что его будто бы угнетаетъ православіе и не позволяетъ ему развиваться, во вредъ коренной русской народности. Очевидно, что и эта жалоба происходитъ въ слѣдствіе припадка той же болѣзни, которою страдаетъ папство въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Подобно католическому, и лютеранское духовенство вздумало играть преобладающую роль въ странѣ, не признаваемой имъ за свое отечество, и брать на себя значительную долю голоса въ дѣлахъ общественныхъ. Ред.

ныхъ губерій, Екатерина II ласкала р. католическое духовенство, оставила за нимъ всѣ его права и привиллегіи и, въ заключеніе, одна изъ всѣхъ государей Европы, дала пріютъ іезуитамъ, изгнаннымъ отовсюду. Вотъ положеніе, какое было съ перваго шага создано р. католическому духовенству русскимъ правительствомъ Какъ же р. католическое духовенство имъ воспользовалось? Оно вознегодовало на духовенство православное, которому удалось возвратить въ лоно своей церкви нѣкоторое число уніатовъ, незадолго предъ тѣмъ отторгнутыхъ отъ нея страхомъ и насиліемъ. Не ограничиваясь негодованіемъ и жалобами, оно вздумало вступить въ дѣятельную борьбу съ господствующею въ странѣ, съ природною ея церковію... Результатомъ этого перваго, но колосальнаго, безумія было изгнаніе іезуитовъ, на которое былъ вынужденъ императоръ Александръ I. Постоянно обольщаясь на счетъ собственныхъ силъ и слабости Россіи, р. католическое духовенство приняло участіе и въ возмущеніи 1831 года. Чтоже послѣдовало? Его имѣнія были отобраны и замѣнены опредѣленнымъ жалованьемъ; нѣсколько десятковъ монастырей закрыто.... А какъ же иначе? Пій IX взялъ на себя трудъ изчислить послѣдствія нынѣшнихъ, въ высшей степени недостойныхъ, дѣйствій своего духовенства: но онъ изчислилъ не все. Онъ не знаетъ, можетъ быть, что если бы въ настоящую минуту схизматики обратились къ крестьянамъ-католикамъ и сказали имъ: „выбирайте между Царемъ, освободившимъ васъ, и ксендзами, которые предавали васъ вѣшателямъ",— то выборъ былъ бы несомнѣненъ.

Никакая церковь не можетъ выиграть отъ союза съ измѣной и тайнымъ убійствомъ. Поэтому несомнѣнно, что и теперь римская церковь не можетъ не понести значительнаго ущерба отъ образа дѣйствій, принятаго латинскихъ духовенствомъ въ Царствѣ Польскомъ. Польское возстаніе есть язва для Россіи, но еще большая язва для католицизма. Импровизація папы, очевидно, была бы невозможна, если бы папа имѣлъ хоть сколько нибудь вѣрныя свѣдѣнія о происхожденіи польскаго мятежа. Всѣмъ извѣстно, что мятежъ былъ вызванъ уступчивою и примирительною политикой, введеніемъ автономіи, допущеніемъ пропаганды, политической и церковной, противъ Россіи. Но папѣ, по видимому, это неизвѣстно; папа говоритъ, конечно, по убѣжденію, и вѣритъ въ передаваемыя имъ сплетни. Онъ увѣренъ,

что русское правительство своими жестокостями вынудило польскій народъ взяться за оружіе. Кѣмъ же Пій IX обманутъ? Не ясное ли дѣло, что если бы польское духовенство не скрывало правды отъ главы своей церкви, то папа Пій IX не могъ бы впасть въ то заблужденіе, на которомъ основана его несчастная рѣчь? И такъ, не только нѣтъ правды въ отношеніяхъ польскаго духовенства къ государственной власти, — правды нѣтъ и въ отношеніяхъ его къ своей собственной іерархіи. Ложь пущена въ ходъ не только противъ насъ — схизматиковъ, но и противъ римскаго первосвященника. Жалкое положеніе римскаго папы! Прискорбное свидѣтельство о внутреннемъ разложеніи римской церкви!

Не такъ говорилъ предшественникъ Пія IX, папа Григорій XVI. Слово его не возбуждало страстей, не питало заблужденій, не вносило деморализаціи въ духовенство, а говорило о мирѣ и уклоненіи отъ зла. Въ окружномъ посланіи, съ которымъ онъ обратился, 9 іюня 1832 года, къ польскому духовенству, мы читаемъ слѣдующее: „теперь, когда, съ Божіею помощію, спокойствіе и порядокъ возста„новлены, снова открываемъ мы вамъ наше сердце, и еще ревност„нѣе убѣждаемъ васъ не щадить никакихъ усилій, чтобъ отвратить „отъ ввѣренной вамъ паствы причины минувшихъ бѣдствій. Долгъ „побуждаетъ васъ заботиться со всевозможнымъ тщаніемъ о томъ, „чтобы люди злонамѣренные, обольщенные ложными доктринами, не „разсѣвали въ вашемъ стадѣ лживыхъ и тлетворныхъ теорій. Люди „эти, прикрываясь личиной рвенія къ общему благу, пользуются легко„вѣріемъ лицъ добросовѣстныхъ, которыя, въ ослѣпленіи своемъ, „становятся ихъ орудіемъ, съ цѣлію смущать спокойствіе царства и „подрывать тамъ существующій порядокъ. Необходимо, для выгодъ „и чести учениковъ Іисуса Христа, разоблачать коварство и злона„мѣренность этихъ проповѣдниковъ лжи; необходимо опровергать „обманчивые принципы ихъ положительнымъ словомъ св. Писанія и „достовѣрными памятниками преданій церкви. Чистые источники эти, „въ которыхъ р. католическое духовенство должно черпать правила „своихъ дѣйствій и поученій, обращаемыхъ имъ къ паствѣ, доказы„ваютъ очевидно, что подчиненіе власти, установленной отъ Бога, „есть непоколебимый принципъ, и что нельзя уклоняться отъ него

„до тѣхъ поръ, пока власть эта не нарушаетъ законовъ Божескихъ „и церковныхъ„ [1]).

При тѣхъ обстоятельствахъ, въ какія поставило себя теперь католичество, необходимо возникаетъ вопросъ о будущемъ положеніи римской церкви въ Россіи. Намъ нечего бояться чего либо худшаго со стороны ксендзовъ. Все, что только было возможно, сдѣлано имъ; всѣ силы лжи и злобы устремлены къ нашей гибели. Послѣ всего того, что мы испытали, уже нѣтъ угрозъ, которыми эта враждующая церковь могла бы застращать насъ. Оставалась одна опасность: ошибочная надежда, что изъ Рима услышится когда нибудь голосъ, который призоветъ заблудшихъ на путь религіознаго долга. Эта надежда могла бы вести къ нѣкоторой уступчивости, но рѣчь папы пришла во время. Какъ безразсудство красныхъ открыло намъ глаза на то, что было замаскировано подъ скромнымъ девизомъ административной автономіи Царства Польскаго, такъ старческая нетерпѣливость папы Пія IX предостерегаетъ насъ теперь отъ того зла, которое готовилось для насъ въ притязаніяхъ латинской церкви на большую свободу движенія. Польскій мятежъ въ нашихъ западныхъ предѣлахъ и римскій папа въ Римѣ дѣлаютъ явнымъ то, что могло отъ насъ укрываться. Благодаря имъ, мы имѣемъ всѣ данныя, чтобы рѣшить безошибочно вопросъ о томъ, какъ слѣдуетъ намъ поступить относительно тѣхъ льготъ, которыми латинское духовенство пользуется у насъ, и относительно тѣхъ, на которыя оно изъявляетъ притязанія. Отношенія бываютъ искреннѣе, когда съ недругомъ мы и для вида не обращаемся какъ съ другомъ. Если нельзя ожидать примиренія, то нѣтъ повода къ уступчивости. Чѣмъ меньше будетъ уступокъ, тѣмъ меньше будетъ опасности отъ вражескихъ дѣйствій, и тѣмъ меньше будетъ для нихъ опоры.

На всякія притязанія и требованія со стороны государства, исполненныя силы, должно отвѣчать не уступками, а энергическимъ отпоромъ и соотвѣтственнымъ развитіемъ своихъ внутреннихъ силъ. Всякая уступка наша въ интересѣ какой либо чужой державы или въ интересѣ римской церкви, облеченной свѣтскою властію и организованной какъ государство, была бы и признакомъ слабости и но-

[1]) Моск. Вѣд. 1864 г N 96.

вою причиной ослабленія. Не уступчивостію заставила Россія замолкнуть коалицію трехъ державъ, которая тѣснила ее въ прошломъ году, а развитіемъ высокаго патріотическаго духа, который поднялъ ея народъ и придалъ достоинство и силу отвѣтамъ ея правительства. На безчинныя притязанія папства самый вѣрный и самый лучшій отвѣтъ— умаленіе того почета и тѣхъ политическихъ льготъ, которыми пользуется его духовенство въ нашихъ предѣлахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣятельныя мѣры, которыя могли бы измѣнить къ лучшему положеніе нашей православной церкви, возвысить ея служителей, укрѣпить, на точномъ основаніи канововъ, союзъ клира съ міряками и раскрыть наконецъ русскую православную церковь въ ея истинномъ видѣ предъ міромъ, который, не зная ее, считаетъ ее какимъ-то полицейскимъ институтомъ, и на всякое ея торжество смотритъ, какъ на ущербъ живой вѣры Христовой. (Домашняя Бесѣда).

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ С.-ПЕТЕРБУРГА ВЪ „МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ" О ГЕНЕРАЛѢ М. Н. МУРАВЬЕВѢ И О ВВѢРЕННОМЪ ЕГО УПРАВЛЕНІЮ КРАѢ.

М. Н. Муравьевъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Вильно. Представленія его касательно системы, которой слѣдуетъ держаться въ западномъ краѣ, кажется, одобряются. Здѣсь всѣ говорятъ о нихъ, но я, въ моемъ качествѣ русскаго корреспондента, могу, разумѣется, только кое-что сообщить вашимъ читателямъ объ этомъ предметѣ. Система генерала Муравьева очень проста; она вся заключается въ слѣдующемъ: исторія назначила западному краю быть русскимъ краемъ, такимъ и надо его сдѣлать. Для достиженія этой цѣли Михаилъ Николаевичъ полагаетъ необходимымъ учредить въ западномъ краѣ русскую колонизацію на самыхъ широкихъ основаніяхъ, то-есть вызывать туда помѣщиковъ изъ внутреннихъ губерній и вообще капиталистовъ всякаго званія, дабы имѣть въ краѣ русскихъ землевладѣльцевъ; учреждать колоніи и изъ простолюдиновъ, преимущественно изъ старообрядцевъ, какъ самыхъ крѣпкихъ въ русскомъ обычаѣ людей; селить слободами солдатъ при увольненіи ихъ въ отставку. До того времени, когда въ краѣ образуются довольно многочисленныя группы

образованныхъ русскихъ людей, изъ которыхъ можетъ пополняться мѣстная администрація, почерпать ее изъ внутреннихъ и южныхъ губерній. Поднимать и поддерживать всѣми зависящими средствами мѣстное православное духовенство и распространять народныя школы. Присоединить нѣкоторыя части западныхъ губерній къ смежнымъ внутреннимъ, при чемъ, кажется, предполагается переместить нѣкоторые административные центры. Обратить самое серіозное вниманіе на р. католическое духовенство, которое поставлено конкордатомъ въ весьма неопредѣленное положеніе относительно русскаго правительства и принять мѣры къ ослабленію его вреднаго вліянія. Въ литовской и жмудской части края ввести обученіе на туземномъ нарѣчіи, но съ русскимъ алфавитомъ, который весьма удобно примѣняется къ воспроизведенію звуковъ этихъ нарѣчій.

Вотъ въ общихъ чертахъ положительная сторона системы генерала Муравьева. Я, конечно, не упоминаю о томъ, что уже имъ сдѣлано, какъ напримѣръ преподаваніе во всѣхъ училищахъ сѣверо-западнаго края на русскомъ языкѣ. Я не касаюсь также нѣкоторыхъ подробностей системы отчасти потому, что не довольно точно знаю самъ нѣкоторыя довольно важныя подробности. Мнѣ и то приходится сдѣлать небольшую поправку въ одномъ изъ извѣстій, сообщенныхъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ. Я писалъ, что уставы церковныхъ братствъ будутъ разсматриваемы и утверждаемы епархіальными архіереями, и только сообщаемы для свѣдѣнія губернаторамъ: это не совсѣмъ такъ; уставы эти будутъ поступать на предварительное разсмотрѣніе губернаторовъ и за тѣмъ уже отсылаться для окончательнаго утвержденія епархіальнымъ начальствамъ [1]).

Я давно обѣщалъ написать вамъ о правилахъ относительно покупки имѣній въ западномъ краѣ. Признаюсь, мнѣ стоило большихъ трудовъ добиться этого, и вотъ что я извлекъ изъ весьма многочисленныхъ распросовъ, повѣряя одни пересказы другими.

---

[1]) И тутъ ошибается г. корреспондентъ: уставы эти поступаютъ прежде на разсмотреніе и одобреніе епархіальнаго архіерея, потомъ губернаторовъ а за тѣмъ уже отсылаются для окончательнаго утвержденія Министру Внутр. Дѣлъ. Ред.

То, что вы прочтете здѣсь, достовѣрно [1]). Прежде всего имѣйте въ виду двѣ главныя категоріи поступающихъ въ продажу имѣній: 1) казенныя, назначаемыя въ продажу по распоряженію министра государственныхъ имуществъ, и 2) имѣнія частныя, продаваемыя за недоимки въ кредитныя установленія, за долги казенные и частные и т. д. Кромѣ того, не воспрещается помѣщикамъ западнаго края и по собственному побужденію ходатайствовать о продажѣ своихъ имѣній на тѣхъ основаніяхъ, которыя будутъ вслѣдъ за симъ изложены, такъ какъ основанія эти таковы, что могутъ привлечь большое число покупателей. Продажи эти производятся съ публичныхъ торговъ. Покупщикамъ всѣхъ этихъ имѣній дѣлаются льготы, даются преимущества и разрѣшаются ссуды. Всякій купившій имѣніе въ западномъ краѣ получаетъ право курить въ немъ вино, что до сего времени было исключительнымъ правомъ дворянъ. Купецъ, первой или второй гильдіи, купившій имѣніе цѣнностію не менѣе 15 т. р. безъ полученія ссуды и перевода долга, получаетъ права почетнаго гражданства, также какъ и тотъ, кто, получивъ отъ казны ссуду или пересрочивъ долгъ, лежащій на имѣніи, купитъ имѣніе въ 30 т. р. или выше.—Вотъ вамъ правила общія. Теперь правила относительно покупки имѣній частныхъ, продаваемыхъ за долги, или по желанію владѣльцевъ; что касается до казенныхъ, то о нихъ я долженъ собрать еще кое-какія справки. Купившій также имѣніе (частное) имѣетъ право перезаложить его, если на немъ есть долги въ кредитныя установленія, а если есть долги въ казенныя вѣдомства, то пересрочить ихъ, въ обоихъ случаяхъ однакожъ на сумму, не превышающую его оцѣнки. Онъ можетъ просить, кромѣ того, пособія или ссуды; объ этомъ онъ долженъ ходатайствовать черезъ генералъ-губернатора той мѣстности, гдѣ желаетъ купить имѣніе; генералъ-губернаторъ отсылаетъ это ходатайство къ министру государственныхъ имуществъ, съ удостовѣреніемъ, что покупщикъ имѣетъ право на полученіе пособія; при этомъ же должны быть приложены свидѣтельства того учрежденія, гдѣ будетъ производиться продажа имѣнія, съ обозначеніемъ гдѣ оно

[1]) Мы уже сообщили о главныхъ основаніяхъ этихъ правилъ въ № 116.

продается и когда.—Ссуда выдается съ разрѣшенія министра государственныхъ имуществъ; размѣры ея не могутъ превосходить половины оцѣнки имѣнія, а если на немъ числится долгъ въ казну или кредитное установленіе, то ссуда выдается тогда только, когда долгъ этотъ не превышаетъ половины оцѣнки. Ссуда не выдается на руки покупщику, но если онъ получитъ на нее разрѣшеніе, то мѣсто, производившее торги, принимаетъ это разрѣшеніе въ уплату слѣдующихъ денегъ. Разрѣшается уплачивать не только капитальный долгъ, лежащій на имѣніи въ кредитныхъ установленіяхъ, но и проценты, выкупными свидѣтельствами и $5^1/_2$ процентною рентой по нарицательной цѣнѣ. Погашеніе ссуды и долговъ казнѣ производится взносомъ $6^0/_0$ въ теченіи 37 лѣтъ. За просрочку по уплатамъ ссуды взыскивается пеня въ мѣсяцъ по $^1/_2$ процента. Таковы главныя правила для покупки имѣній частныхъ. Они вполнѣ относятся и къ казеннымъ имѣніямъ, съ прибавкою еще большихъ льготъ, о которыхъ сообщу въ слѣдующемъ письмѣ.

Вотъ вамъ извѣстіе, которое, надѣюсь, будетъ не безъинтересно для вашихъ читателей; думаю это, потому что мнѣ случалось уже видѣть многихъ, очень заботливо распрашивавшихъ объ условіяхъ продажи имѣній въ западномъ краѣ. Сколько можно предвидѣть, кажется, наибольшее число покупщиковъ должно явиться изъ среды купеческаго сословія, которое противъ дворянскаго имѣетъ въ настоящемъ случаѣ большія преимущества, получая вмѣстѣ съ землей право винокуренія и почетное гражданство. Купечество располагаетъ притомъ и большимъ количествомъ свободныхъ капиталовъ и смѣлѣе пускаетъ ихъ въ оборотъ.

Вы, конечно, замѣтили, что въ гродненской губерніи совершается довольно сильное движеніе изъ католицизма въ православіе. Случайно напалъ я на извѣстіе, которое, подтверждая это замѣчаніе, приводитъ фактъ въ высшей степени любопытный, если онъ справедливъ. Въ одну нѣмецкую газету,—и довольно притомъ серіозную, Ostsee-Zeitung, пишутъ изъ Варшавы, что въ гродненской губерніи и съ нѣкоторыхъ другихъ 36 ксендзовъ заявили о готовности своей свергнуть съ себя зависимость отъ папы и образовать „независимую церковь,“ если имъ дозволено будетъ

жениться. Не правда ли, фактъ любопытный и замѣчательный! Признаюсь, я довольно расположенъ ему вѣрить. Извѣстно, что безбрачіе р. католическаго духовенства есть постановленіе позднее и что противъ него въ свое время были заявлены сильные протесты; одною изъ побудительныхъ причинъ Лютерогой реформы былъ принципъ безбрачія; возможность нарушить его много способствовала успѣху протестанства. Безбрачіе не есть догматъ; это не болѣе какъ постановленіе римскаго первосвященника, имѣвшее цѣлію сдѣлать р. католическое духовенство болѣе послушнымъ и сильнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Съ точки зрѣнія р. католической пропаганды, установленіе безбрачія было дѣломъ величайшаго законодательнаго искусства и глубокомысленнѣйшаго макіавелизма; но съ точки зрѣнія религіозной, оно не имѣетъ никакихъ серіозныхъ основаній.

Поэтому, мнѣ кажется, что эти дѣйствительные или мнимые 36 ксендзовъ, обзаведясь законными супругами, могли бы оставаться такими же добрыми католиками, какъ и прежде. Конечно, р. католическій міръ назоветъ ихъ отступниками, отвергнетъ ихъ, какъ измѣнниковъ; онъ перестанетъ ихъ считать католиками; р. католикъ не подчиненный папѣ для многихъ немыслимъ. Въ дѣйствительности же эта подчиненность не болѣе какъ „марево." Папы можетъ и вовсе не быть. Римъ можетъ сдѣлаться столицей италіянскаго короля, а р. католическое духовенство все-таки существовать будетъ. Оно только потеряетъ свой завоевательный, вредный для спокойствія міра характеръ, чего въ особенности намъ желать надобно. Въ самомъ дѣлѣ, мы ведемъ борьбу только съ папою, съ его безбрачнымъ воинствомъ, которое надрывается, чтобы „покорить подъ нозѣ его" все, что не хочетъ войдти въ составъ его духовной имперіи.

Отложеніе 36 ксендзовъ отъ папской власти и нарушеніе обычая безбрачія будетъ большое нововведеніе въ судьбахъ римской церкви, конечно; да вѣдь и установленіе англиканской церкви, и конкордаты, и протестанство,—все это были въ свое время нововведенія. Міръ отъ нихъ не разрушился; авось не разрушится онъ и теперь; и увидѣвъ, что этотъ древній міръ продолжаетъ по прежнему вертѣться на своей оси, можетъ быть черезъ нѣ-

сколько лѣтъ явится и 360 р. католическихъ священниковъ, которые пожелаютъ вкусить сладость брака, а тамъ и 3,600 и такъ далѣе,—и католичество будетъ опять тѣмъ, чѣмъ было оно до Григорія VII, и ксендзы, прелаты и иныхъ наименованій лица бѣлаго р. католическаго духовенства обратятся въ мирныхъ, истинныхъ проповѣдниковъ слова Божія къ радости всего христіанскаго міра. Мы не видимъ причины, почему бы это желаніе 36 ксендзовъ, если оно дѣйствительно есть, должно было встрѣтить препятствія. Ксендзамъ можно, кажется, предоставить полную свободу въ этомъ отношеніи, сохраняя полную же свободу и за прихожанами, которые могутъ признавать и не признавать ихъ: могутъ послѣдовать за ними и не послѣдовать.

Къ удивленію, въ извѣстіи Ostsee-Zeitung, есть намекъ на какое-то какъ будто колебаніе со стороны нашей администраціи, принять ли предложеніе 36 ксендзовъ? Что же, если фактъ справедливъ, могло бы быть причиной этого колебанія? Опасеніе поднять новые крики Европы? Но я думаю, что въ настоящемъ случаѣ вопль раздался бы только въ средѣ р. католическихъ клерикаловъ, тогда какъ другія многочисленныя партіи захлопали бы въ ладоши; и неужели благосклонность первыхъ намъ такъ драгоцѣнна, и желаніе ласкаться къ нимъ неужели можетъ быть такъ велико, послѣ роли, которую они играли въ прошедшемъ году, послѣ молебствій за наше низложеніе и публичныхъ импровизацій папы? Вопли и ругательства враговъ нашихъ! но это тактика старинная, извѣстная со временъ Гомера, которая только усовершенствовалась въ послѣднее время, приспособивъ къ своимъ цѣлямъ литературу брошюръ и памфлетовъ. Мы, кажется, довольно обстрѣлены подобнымъ оружіемъ, и на себѣ самихъ испытали что оно не убиваетъ. Можетъ быть, въ настоящемъ случаѣ смущаетъ нѣкоторыхъ новизна этого случая, его необычность...... вотъ это дѣйствительно способно многихъ у насъ заставить растеряться. Жизнь наша текла до сихъ поръ такимъ размѣреннымъ путемъ; для всего, что приходилось намъ вписывать въ свою исторію, были такъ отчетливо проведены графы и рубрики, что, если справедливъ приведенный выше слухъ, иной въ состояніи у насъ спро-

сить: въ какую же графу занести ксендзовъ, которые отложатся отъ папской власти? „Независимая церковь:“ что это такое? Можно ли задавать себѣ такіе вопросы? Независимая церковь въ римскомъ католицизмѣ, есть расколъ въ папизмѣ. Но какое намъ дѣло не допускать раскола въ нѣдрахъ римской церкви? Вѣдь допущено же его существованіе въ нашей: неужели же мы обязаны строже опекать чуждую и постоянно враждебную намъ церковь нежели собственную?

Въ заключеніе—коротенькое извѣстьице: мнѣ пишутъ, что въ Тельшахъ, ковенской губерніи, вслѣдствіе сдѣланнаго обычнымъ порядкомъ представленія, еще въ 1846 году Высочайше разрѣшено было построить православную церковь, да остановка, видите ли, все была за тѣмъ, что городъ не могъ найдти удобнаго для нея мѣста. Не знаю какъ случилось, только на дняхъ и мѣсто нашлось и къ работамъ будетъ приступлено.

Довольно на этотъ разъ.

X.

Возвращеніе изъ С.-Петербурга генерала Муравьева 2.

— **ВИЛЬНО**. Вчера, 25-го мая, въ $5^1/_2$ ч. утра, его высокопревосходительство, г. главный начальникъ сѣверо-западнаго края, генералъ отъ инфантеріи Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ изволилъ возвратиться изъ С.-Петербурга въ Вильно.

На дебаркадерѣ желѣзной дороги встрѣтили его высокопревосходительство гг. помощникъ командующаго виленскимъ военнымъ округомъ, генералъ-адъютантъ Крыжановскій, начальникъ губерніи, всѣ военные и гражданскіе чины, дворянство, духовенство разныхъ исповѣданій; представители городскихъ сословій г. Вильно съ хлѣбомъ солью и большое стеченіе разныхъ лицъ.

Станція была прекрасно убрана цвѣтами, гирляндами, зеленью; по обѣимъ сторонамъ зданія, при входахъ, построены были весьма красивыя легкія арки, украшенныя разноцвѣтными флагами и зеленью.

Все это было сдѣлано усердіемъ нѣкоторыхъ лицъ здѣшняго общества, желавшихъ заявить свою радость по случаю благополучнаго возврата доблестнаго начальника, умиротворителя сего края.

Когда его высокопревосходительство вышелъ изъ вагона, всѣ присутствующіе окружили его, оглашая воздухъ радостнымъ и продолжительнымъ ура!—Осмотрѣвъ почетный караулъ, поздоровавшись съ нимъ и принявъ хлѣбъ-соль отъ городскихъ сословій, г. главный начальникъ благодарилъ всѣхъ за эту искреннюю и задушевную встрѣчу. Потомъ опять раздались восторженные клики ура и не умолкали пока экипажъ не скрылся изъ глазъ.

По полученнымъ нами извѣстіямъ, при возвращеніи его высокопревосходительство, изъ С.-Петербурга, на всемъ пути, вездѣ на станціяхъ, гдѣ долѣе останавливаются поѣзды, ожидало множество окрестныхъ жителей и заявляло свою искреннюю радость, по случаю благополучнаго его возвращенія на новые знаменательные подвиги для блага здѣшней страны, для возстановленія въ ней, не только законности и порядка, потрясенныхъ крамолою,—но и русской народности—восторженными и радостными кликами ура!

Все соотвѣтствовало торжественности этихъ сердечныхъ и радостныхъ заявленій; даже погода, послѣ ненастныхъ и холодныхъ дней—разъигралась, и весь день была прекрасна.

На станціи Корсовкѣ встрѣтилъ начальникъ Витебской губерніи, генералъ-маіоръ Веревкинъ, сопровождавшій его высокопревосходительство до Динабурга, гдѣ, на дебаркадерѣ желѣзной дороги построенъ былъ почетный караулъ и ожидали мѣстные военные и гражданскіе чины, дворянство и депутаціи отъ городскихъ и сельскихъ сословій съ хлѣбомъ и солью, при большомъ стеченіи народа.

Старшины и выборные временно-обязанныхъ и казенныхъ крестьянъ, а также общества старообрядцевъ виленскаго уѣзда, узнавъ о проѣздѣ г. главнаго начальника края, обратились къ военному начальнику виленскаго уѣзда князю Хованскому съ заявленіемъ желанія привѣтствовать его высокопревосходительство отъ цѣлаго уѣзда, и получивъ на сіе разрѣшеніе, собрались на станціи Беcданы, въ

числѣ 370 человѣкъ, гдѣ и поднесли г. главному начальнику хлѣбъ-соль.

Свѣнцянское же еврейское общество представило письмо, въ коемъ говоритъ, что, пользуясь случаемъ лично поздравить его высокопревосходительство съ благополучнымъ возвратомъ въ Высочайше ввѣренный его управленію край, спѣшитъ изъявить свою радость и засвидѣтельствовать чувства своей безпредѣльной благодарности за дарованіе прочнаго мира и ненарушимаго спокойствія, а равно и за учрежденіе надъ ними такихъ мѣстныхъ начальниковъ, кои въ короткое время явили себя ревностными исполнителями благотворнаго закона и достойными дѣятелями для пользы ввѣренныхъ ихъ попеченію жителей.

Освященіе новой слободы Николаевской, устроенной вмѣсто околицы ИБЯНЫ [1]).

Изъ Ковна, отъ 10-го мая, пишутъ въ Моск. Вѣд. Вчерашняго числа, т. е, 9-го мая, въ день Святителя Николая, мы отпраздновали открытіе и освященіе первой новой русской Николаевской слободы, въ 20 верстахъ отъ города Ковно, устроенной на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ прошломъ году стояла извѣстная шляхетская околица Ибяны. Околица эта составила ту шайку мятежниковъ, которою предводительствовали ксендзъ Петровичъ и Дугайло, и которая, напавъ ночью на жившихъ здѣсь вблизи русскихъ старовѣровъ, одиннадцать изъ нихъ повѣсила, послѣ самыхъ звѣрскихъ надъ ними истязаній. Вслѣдствіе сего, по приказанію генерала Муравьева, вся околица была сожжена до тла; начальникъ шайки военно-судною коммиссіей приговоренъ къ повѣшенію, прочіе получили тоже достойное наказаніе, землю принадлежащую шляхтѣ, генералъ Муравьевъ приказалъ отдать старовѣрамъ, преимущественно семействамъ и родственникамъ убитыхъ, построить для нихъ дома на счетъ сбора съ помѣщиковъ и выдать деньги на посѣвъ хлѣба. Такъ какъ дома эти уже окончены и 30 семействъ старовѣровъ въ нихъ уже поселены, и между

[1]) Смотри выше, на стр. 40, околица Ибяны.

ними поселены и 4 семейства православныя, то управляющій ковенскою палатою государственныхъ имуществъ, г. Бутковскій, по русскому обычаю, пригласилъ священника освятить новую усадьбу и устроилъ праздникъ, какъ для новыхъ поселенцевъ, такъ и для всѣхъ приглашенныхъ. Праздникъ былъ на славу.

По прибытіи г-на ковенскаго военнаго губернатора Н. М. Муравьева, отслужены были водосвятіе и молебень о благополучномъ житіи новоселенцевъ, съ многолѣтіемъ Государю Императору и съ панихидою по убіенныхъ; на дворѣ поставлены были столы для мужичковъ, а для прочихъ гостей въ устроенномъ для этого случая баракѣ. По выслушаніи молебна, начальникъ губерніи выпилъ съ мужичками чарку водки за здоровье Государя Императора и за благоденствіе новой слободы. Когда народъ приступилъ къ столамъ, всѣ гости приглашены были въ баракъ къ закускѣ, а оркестръ драгунскаго полка и два хора пѣсенниковъ, одушевляя всю публику, дали празднику истинно-русскій оттѣнокъ. Такъ отпраздновано было пріобщеніе къ русской землѣ мѣста, въ которое полгода еще тому назадъ, мы не иначе могли пріѣхать, какъ при усиленномъ конвоѣ.

(Сѣвер. Поч).

Дневникъ волонтера въ Польшѣ.

Въ **Morning Herald** напечатанъ дневникъ одного шотландскаго волонтера, который пробылъ цѣлый мѣсяцъ въ шайкѣ польскихъ повстанцевъ. Г. Макдональдъ (такъ зовутъ этого шотландца) получилъ хорошее воспитаніе и занималъ очень порядочное мѣсто на Гласгольской желѣзной дорогѣ; но когда вспыхнуло польское возстаніе, то какъ онъ самъ говоритъ, голова его закружилась отъ разсказовъ, которыми наполнялись тогда столбцы газетъ, о необыкновенныхъ подвигахъ храбрости и геройствѣ поляковъ, и онъ полетѣлъ сражаться въ рядахъ этихъ рыцарей безъ страха и упрека. Разочарованіе было полное. Сначала, поссорившись съ однимъ изъ товарищей своихъ офицеровъ, г. Макдональдъ вызвалъ его на дуэль; но тотъ гордо отвѣчалъ „рус-

скихъ много, а поляковъ мало! Каждый изъ насъ необходимъ отечеству." Вотъ выдержки изъ дневника г. Макдональда:

„**6-го января**. Зимніе бивуаки убійственны. У насъ безпрестанно дезертируютъ, и шайка изъ 150 чековѣкъ уменьшилась до 60. Польскіе крестьяне совсѣмъ не патріоты: не только большая часть ихъ враждебна намъ, но даже тѣ, которые вступаютъ въ банды, получивъ оружіе и одежду, да поучившись кое-какимъ военнымъ премудростямъ, бѣгутъ при одномъ слухѣ о приближеніи непріятеля".

„**9-го января**. День хорошій, но очень морозный. Ружейный выстрѣлъ произвелъ страшную тревогу: я отправился съ патрулемъ на выстрѣлъ, и не найдя ничего особеннаго, успокоилъ команду; но за-то поплатился крынкою молока, которую у меня въ это время стащили. Чрезъ нѣсколько времени два человѣка прибѣжали сказать, что казаки близко. Начальникъ отряда ушелъ въ ближнюю деревню, и команду принялъ офицеръ изъ волонтеровъ. Мы приготовились къ защитѣ, но въ это время раздался крикъ: **москали! моксали!** Всѣ, кромѣ меня и еще шести человѣкъ, бросились бѣжать съ такою быстротой, какъ будто за ними гнался самъ чортъ! Мы начали кричать: **стойте! стойте! Что же это вы дѣлаете?** Но поляки, должно быть, такъ **презираютъ** русскихъ, что совсѣмъ не могутъ выносить ихъ близости!.... Офицеръ бѣжалъ первый и удиралъ какъ заяцъ".

Далѣе идутъ подобные же разсказы. Двѣ банды передрались изъ-за украденнаго полѣна дровъ. Офицеры отправляются пить чай къ помѣщику и оставляютъ команду безъ куска хлѣба. Присланная наконецъ, пища, оказывается никуда негодною; за то водки даютъ такъ много, что у перепившихся солдатъ исчезаетъ всякое понятіе о дисциплинѣ, и они теряютъ ружья, шапки, рукавицы. Офицеры вообще ничего не смыслятъ въ военномъ дѣлѣ; не могутъ провести въ порядкѣ свою команду даже и на верстѣ разстоянія; они водятъ ее изъ стороны въ сторону, только не туда, гдѣ думаютъ встѣртить непріятеля; они не заботятся нисколько о положеніи солдата; наконецъ бѣгутъ при первой встрѣ-

чѣ съ непріятелемъ и бросаютъ отрядъ на произволъ судьбы. Приведемъ еще одну выписку изъ журнала г. Макдональда:

2-го февраля. Прошлую ночь мы провели въ походѣ. Между пятью и шестью часами утра на насъ напали русскіе, когда мы только что легли спать. Часовые должно быть тоже заснули;—я, впрочемъ, не увѣренъ въ этомъ, но знаю что польскихъ часовыхъ всегда можно застать врасплохъ. Я схватилъ ружье, пороховница исчезла. Оглянулся чтобы примкнуть къ своимъ,—но ихъ и слѣдъ простылъ. Бѣжали мы самымъ постыднымъ и безпорядочнымъ образомъ, и остановились только за 40 верстъ отъ мѣста нападенія".

„Наконецъ, несчастную жертву увлеченія геройскими подвигами повстанцевъ взяли въ плѣнъ, и г. Макдональдъ не можетъ достаточно нахвалиться вѣжливостію, обходительностію и любезностію русскихъ офицеровъ. Заключается дневникъ слѣдующими словами:

„Найдутъ можетъ-быть, что я слишкомъ строгъ къ польскимъ довудцамъ, но я, совершенно наоборотъ, совсѣмъ не врагъ имъ и считаю себя истинныьъ другомъ польскаго дѣла, я только горько оплакиваю потерю такого громаднгао количества людей, оружія и денегъ. Вотъ перечень потерь нашей шайки: насъ было 150 солдатъ и 15 офицеровъ, 10 офицеровъ взято въ плѣнъ; 12 солдатъ убито, а 26 ранено; потеряно 200 карабиновъ. Оставшіеся 120 человѣкъ разбѣжались"-

Словечко о гимназіяхъ западно-русскаго края.

Если вспомнишь, что въ западныхъ нашихъ губерніяхъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и въ канцеляріяхъ и въ учебиыхъ заведеніяхъ почти всѣ должностныя лица были поляки, или люди, причисляющіе себя къ полякамъ, да если сообразить при томъ, что и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ и во всѣхъ русскихъ губернскихъ городахъ находится не малое число чиновниковъ-поляковъ, или считающихъ себя поляками, то невольно представляются вопросы: откуда такая бла-

годать? Откуда берется такое обиліе чиновниковъ-поляковъ? Какая почва ихъ производитъ, какое сословіе нарождаетъ и какія заведенія воспитываютъ? Отвѣты на эти вопросы не затруднительны: всѣ эти господа чиновники—уроженцы западныхъ губерній; предки весьма не многихъ изъ нихъ пришли изъ Польши и насѣли здѣсь на русское и литовское крестьянство; остальные же происходятъ отъ людей русскихъ и православныхъ, отпавшихъ вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ отъ своей вѣры и народности; но до правды минувшаго времени имъ дѣла нѣтъ, и они теперь по своимъ понятіямъ, вѣрованіямъ и стремленіямъ, истые поляки и р. католики. Сословіе же, нарождающее ихъ—шляхта, это уродливое явленіе исторической жизни польскаго народа; а заведенія, которыя подготовляютъ для россійской имперіи такое значительное число шляхетныхъ чиновниковъ—это гимназіи и прогимназіи виленскаго учебнаго округа. Вотъ объ этихъ-то гимназіяхъ мы и желаемъ замолвить словечко. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что ни въ одной великороссійской губерніи жители не пользуются такими удобствами относительно средствъ образованія своихъ дѣтей, какія предоставлены шляхетскому сословію въ губерніяхъ: виленской, ковенской, гродненской и минской. Въ этихъ четырехъ губерніяхъ считается 13 гимназій и 3 прогимназіи. Конечно на первый взглядъ, можно только радоваться такому обстоятельству; всякій подумаетъ, что потребность образованія здѣсь довольно сильна и распространена повсемѣстно, когда гимназіи существуютъ не только въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, но и въ бѣдныхъ малолюдныхъ мѣстечкахъ. Да, такъ дѣло можетъ казаться людямъ, мало съ нимъ знакомымъ, но въ дѣйствительности радоваться тутъ рѣшительно нечему. Кого воспитали эти гимназіи? Поляковъ-чиновниковъ и порядочное количество молодыхъ людей которые не сдѣлались чиновниками только потому, что ушли въ прошломъ году въ лѣсъ и не возвратились оттуда, а если и возвратились, то уже не могли попасть въ палату или въ канцелярію на службу.

Полагать, что шляхта посылаетъ своихъ дѣтей въ гимназію по побужденіямъ, вытекающимъ изъ сознанія необходимости нравственнаго образованія для каждаго человѣка, было бы съ нашей

стороны непростительнымъ простодушіемъ; нѣтъ, мы очень хорошо знаемъ, что не о томъ шляхта хлопочетъ; шляхтичъ-чиновникъ, шляхтичъ-хлѣбопашецъ, шляхтичъ-сторожъ какой нибудь канцеляріи, шляхтичъ-лакей, всѣ они, проникнутые гордостію своего шляхетства, всѣми силами стараются доставить дѣтямъ своимъ гимназическое образованіе, съ цѣлію посредствомъ гимназіи открыть имъ путь въ чиновничество, а чиновничество уже доставитъ имъ средства обзавестись и домикомъ и имѣніемъ, т. е. сдѣлаться настоящими панами. Такихъ примѣровъ есть довольно. Притомъ, многихъ-ли изъ этихъ чиновниковъ-поляковъ, по сущей правдѣ, положа руку на сердце, можемъ мы назвать истинными слугами Россіи, чистосердечно, не лицемѣрно желающими ей добра и успѣха? Отвѣчать на этотъ вопросъ было бы излишне; замѣтимъ только, что въ то время, когда бунтующая противъ Россіи шляхта пользуется такими огромными выгодами въ способахъ образованія своихъ дѣтей, народъ бѣлорусскій, изстрадавшійся подъ гнетомъ пановъ, вѣрный, преданный своему государю и отечеству, остается только при школахъ грамотности, устроенныхъ хотя и въ значительномъ, но все еще не достаточномъ числѣ. Было бы очень желательно и, кажется, вполнѣ справедливо, если бы небольшая часть тѣхъ средствъ, какіе отпускаетъ нынѣ правительство на образованіе шляхетскихъ дѣтей, была обращена на преданное Россіи крестьянство, вообще на русское населеніе, другими словами, отчего бы не закрыть двѣ-три уѣздныя гимназіи и на оставшіяся отъ нихъ суммы основать новую чисто-русскую гимназію, съ русскимъ составомъ учителей и учащихся, и нѣсколько двухклассныхъ и четырехклассныхъ школъ для крестьянъ, съ практическимъ направленіемъ?

Мы слышали, что мысль объ учрежденіи такого чисто-русскаго средняго учебнаго заведенія въ одной изъ мѣстностей, съ православнымъ населеніемъ, уже одобрена главнымъ начальникомъ края и что проектъ этотъ разработывается въ учебномъ вѣдомствѣ. Вотъ этому дѣлу такъ мы порадуемся сердечно, когда оно будетъ приведено къ концу; а медлить нечего: дѣло хорошо.

Вильно, **Русскій.**
16 февраля 1854 года.

Совѣщательный съѣздъ въ Кіевѣ.—Въ Сѣв. Почтѣ пишутъ изъ Кіева, отъ 12-го мая: „По обнародованіи указа 30 іюля и по учрежденіи временной коммиссіи, находящейся подъ непосредственнымъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, для распорядительныхъ дѣйствій, имъ вызванныхъ, крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ вступило въ новый періодъ: строго-систематическое стремленіе оградить крестьянское сословіе отъ злоупотребленій, вкравшихся при введеніи инвентарныхъ правилъ—сдѣлалось рычагомъ всѣхъ дѣйствій коммиссіи. Выпустивъ инструкцію мировымъ посредникамъ, гдѣ съ возможною полнотою указаны общія начала, которыми должны руководиться всѣ мировыя учрежденія, для того, чтобы въ дѣйствіяхъ своихъ не допускать характера случайности, коммиссія, по сношенію съ военнымъ губернаторомъ, созвала, въ послѣднее время, въ Кіевѣ совѣщательный съѣздъ, имѣвшій цѣлью выслушать и обсудить тѣ главные вопросы, разрѣшеніе которыхъ преимущественно зависѣло отъ практическихъ условій и гдѣ опытность лицъ, испытавшихъ такое или иное примѣненіе ихъ къ дѣлу, могла представить драгоцѣнныя свѣдѣнія высшему въ здѣшнемъ краѣ учрежденію по крестьянскимъ дѣламъ. Собранный съѣздъ, составленный изъ предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ и мировыхъ посредниковъ кіевской губерніи, открылся въ воскресенье, 26-го апрѣля, въ присутствіи военнаго губернатора, членовъ распорядительной коммиссіи и губернскаго присутствія. Генералъ-маіоръ Казнаковъ открылъ собраніе слѣдующею рѣчью: „Прежде чѣмъ открыть засѣданіе губернскаго присутствія и приступить къ очереднымъ занятіямъ, въ разрѣшеніи которыхъ вы имѣете принять участіе, считаю нужнымъ объяснить причины и цѣль созванія вашего въ Кіевѣ. Несчастныя политическія событія, готовившіяся съ давняго времени, послѣдствія коихъ мы испытываемъ, не могли не оказать вреднаго вліянія на крестьянское дѣло въ западномъ краѣ. Правительство, озабочиваясь приведеніемъ въ исполненіе закона на началахъ положенія 19-го февраля, чуждаго сословныхъ интересовъ, вынуждено было удалить многихъ мировыхъ посредниковъ и на мѣсто ихъ искать людей новыхъ, вѣрныхъ долгу, преданныхъ дѣлу. Желая съ самаго начала дѣйствій обновленныхъ мировыхъ учрежденій согласовать ихъ усилія къ достиженію одной общей цѣли, г. главный начальникъ края, руководствуясь циркуляромъ министерства внутрен-

нихъ дѣлъ отъ 18-го ноября 1861 года, призналъ полезнымъ пригласить всѣхъ председателей мировыхъ съѣздовъ и мировыхъ посредниковъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе для совмѣстнаго обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ. Отъ взаимнаго обмѣна мыслей, отъ разъясненія исполнительныхъ соображеній, отъ сообщенія практическихъ указаній, вынесенныхъ уже вами изъ непосредственнаго сношенія съ народомъ, должно неминуемо выиграть трудное дѣло, ввѣренное нашимъ совокупнымъ дружнымъ усиліямъ. Указъ 30-го іюля прошлаго года прекратилъ въ юго-западныхъ губерніяхъ обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Вслѣдъ за нимъ послѣдовало распоряженіе о замѣщеніи лицами русскаго происхожденія бывшихъ мировыхъ посредниковъ, заявившихъ себя пристрастными и исключительными сторонниками интересовъ одного сословія и чуждой національности. Такимъ образомъ, на вашу долю выпала обязанность ближайшаго приведенія въ дѣйствіе указа 30-го іюля. Трудъ вашъ усложняется тѣмъ, что не смотря на три года, прошедшіе со дня обнародованія положеній 19-го февраля, крестьяне западнаго края, отъ тѣхъ же политическихъ причинъ, нынѣ устраненныхъ, не могли выяснить себѣ правъ и обязанностей, на нихъ закономъ возложенныхъ. Напротивъ того, люди неблагонамѣренные, изъ личныхъ цѣлей и предосудительныхъ видовъ, старались превратными толкованіями затемнить благотворный смыслъ положенія, вселить недовѣріе къ новому порядку и выставить преданное правительству сельское населеніе неповинующимся его распоряженіямъ и недовольнымъ дарованными преимуществами. Чтобы исполнить по смыслу положенія главное назначеніе мироваго посредника—быть примирителемъ и судьею интересовъ обоихъ сословій, кромѣ значительныхъ усилій, труда и знанія дѣла необходимы сочувствіе къ крестьянскому дѣлу, приводимому нынѣ къ конечному результату дарованіемъ правъ собственности на землю, снисхожденіе, предписываемое вамъ закономъ къ малоразвитому народу, и пріобрѣтеніе довѣрія полнаго, совершеннаго, безусловнаго, дабы крестьяне добровольно и во всѣхъ случаяхъ обращались къ посредникамъ и не искали болѣе постороннихъ, рѣдко благонамѣренныхъ и часто несвѣдущихъ истолкователей закона. Такое довѣріе, какъ слѣдствіе справедливыхъ, послѣдовательныхъ рѣшеній, можетъ быть по мнѣнію присутствія пріобрѣтено однимъ лишь точнымъ и не-

указанным исполненіемъ закона въ духѣ гражданскомъ и примирительномъ. Пріучая народъ къ разрѣшенію возникающихъ недоразумѣній и споровъ, правильнымъ и мирнымъ путемъ законнаго разбирательства, мировые посредники тѣмъ самымъ устранятъ употребленіе принудительныхъ мѣръ къ сожалѣнію слишкомъ часто повторяемыхъ для исполненія требованій закона и его охраненія. Съ своей стороны губернская власть приметъ всѣ зависящія отъ нея мѣры, чтобы законныя требованія мировыхъ посредниковъ и съѣздовъ были исполняемы уѣздною полиціею неуклонно и чтобы вообще мѣстныя власти оказывали мировымъ учрежденіямъ должное и ревностное содѣйствіе.

„Окончательный успѣхъ преобразованія крестьянскаго быта, въ настоящее время столь важное для будущности здѣшняго края, зависитъ преимущественно отъ васъ. Столь великое призваніе налагаетъ и великую отвѣтственность. Душевно желаю, чтобы каждый изъ васъ, окончивъ свои труды, могъ сказать, что онъ употребилъ всѣ бывшія въ его власти средства къ оправданію довѣрія правительства и Россіи. Будемъ же надѣяться, что чуждыя личныхъ возврѣній и интересовъ, преисполненныя единствомъ мысли, руководимыя однимъ закономъ и въ нужныхъ случаяхъ указаніями распорядительной коммиссіи,— мировыя учрежденія кіевской губерніи исполнятъ твердо, вѣрно, честно свое назначеніе и въ сферѣ предоставленной имъ дѣятельности помогутъ правительственной власти упрочить въ краѣ порядокъ, спокойствіе и благосостояніе на началахъ твердыхъ и несокрушимыхъ.“ По произнесеніи рѣчи, военный губернаторъ предложилъ на разрѣшеніе съѣзда слѣдующіе вопросы: 1) О способѣ взысканія выкупныхъ платежей, основанномъ на точномъ пониманіи положенія 19-го февраля. 2) О соединеніи мелкихъ волостей въ болѣе крупныя, въ видахъ удобствъ управленія ими административныхъ властей и завѣдыванія мировыми посредниками, сокращенія расходовъ крестьянскихъ обществъ, возможности производить лучшіе выборы, и развитія въ особенности началъ самоуправленія крестьянъ, становящемся болѣе необходимымъ съ поступленіемъ ихъ въ разрядъ крестьянъ собственниковъ; 3) Увеличеніе числа мировыхъ участковъ, въ виду скорѣйшаго производства и безостановочныхъ работъ повѣрочныхъ съѣздовъ. 4) Соображенія къ болѣе успѣшному дѣйствію землемѣрныхъ работъ. Всдѣдъ затѣмъ предложены были вопросы распорядительной коммиссіи, съ замѣчательною

полнотою охватившіе всѣ стороны крестьянскаго быта, знаніе котораго такъ необходимо для правильнаго разрѣшенія крестьянскаго дѣла съ практической его стороны. Кромѣ того вопросы эти дали мировымъ посредникамъ право критически отнестись ко всѣмъ новымъ установленіямъ по крестьянскому вопросу на столько, на сколько они уже повѣрены опытомъ. Отвѣты предоставлено сообщать въ коммиссію по мѣрѣ возможности. Затѣмъ приступлено было къ обсужденію поднятыхъ вопросовъ. („День.“)

ОПЕЧАТКИ.

Въ 9 книжкѣ Вѣст., Отд. IV, стран. 326, напечатано: объясненіе, а нужно было напечатать: объединеніе.

Тамъ же, вмѣсто: вопросъ, догматику, нужно читать: вопросовъ догматики,—вмѣсто: привить ихъ тамъ, нужно читать: привились и къ намъ.

Тамъ же, въ примѣчаніи, вмѣсто: братства... прихожанъ, нужно читать: братствъ... приходскихъ.

Тамъ же (страница 327) вмѣсто Эремечу,!, многи, нужно читать: Эремичу,;, многъ.

Въ тойже книжкѣ и отдѣлѣ, въ повѣсти „Польскій миражъ,“

		напечатано:	нужно читать:
Стр.	271	скрилиоь	скрылись
—	—	пана капитана,	пана капитана.
—	—	ѣхавши впереди	ѣхавшіе впереди
—	272	закрычали	закричали
—	—	за мужемъ, и	за мужемъ, а
—	275	бросался подъ	бросился на
—	276	сѣтую	сѣтуя
—	—	слѣзы	слезы
—	277	жалыстя? спросилъ	жалысть?, спросилъ (въ этомъ родѣ, равно какъ и въ словахъ, происшедшихъ отъ кричу, скрываю, есть еще нѣсколько опечатокъ.

Стр.	277	А вамъ непомнаете	не памятаете
—	278	забью яка	забью якъ
—	—	Услышавъ (часто написано вмѣсто) услыхавъ	
—	—	для собиранія	для сообщенія
—	—	до десятк, а	до десяти,
—	280	о казначѣе	о казначеѣ
—	281	души его	душили его
—	—	отдалѣніи	отдаленіи
—	281	разорылся	разорился
—	283	кода онъ	когда онъ
—	284	посаженію	положенію
—	—	не забудьтѣ	не забудьте
—	—	которые	которыя
—	286	ручьки тоди	ручки тоби
—	287	посматривалъ	посмотрѣлъ
—	288	непопался	не попался въ бѣду
—	—	на встречу	на встрѣчу
—	289	ясно вельможный	ясне—вельможний
—	—	Якубовскій (здѣсь и вездѣ)	Якубскій
—	—	слѣдовало бы	слѣдовало
—	290	онъ отъ души	отъ души
—	—	дастъ	даетъ
—	—	по совѣсти къ	по совѣсти, по
—	292	ни о чемъ не зналъ	ни о чемъ не знал
—	—	угодными	жадними
—	293	поражеія	пораженія

Прочія опечатки, состоящія преимущественно въ неправильности знаковъ препинанія, читатель можетъ исправить собственнымъ соображеніемъ.

13 листовъ.

Содержаніе 10-й книжки „Вѣстника.“

ОТДѢЛЪ I.

ОТДѢЛЪ II.

ОТДѢЛЪ III.

ОТДѢЛЪ IV.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи на 1863/64 годъ выходитъ съ іюля 1863 года по іюль 1864 года, **ежемѣсячно**, книжками отъ 13 до 15 листовъ обыкновенной печати. (По настоящее время редакція давала публикѣ отъ 16 до 20 листовъ, и болѣе, сжатой печати).

Подписка принимается:

Въ Кіевѣ, въ редакціи журнала, на Подолѣ, и въ конторѣ его, при книжномъ магазинѣ г. **Литова**, на Крещатикѣ; въ **С.-Петербургѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **А. Ф. Базунова**, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Ольхиной, противъ Милютиныхъ лавокъ, и въ книжномъ магазинѣ **С. И. Литова**, на углу Невскаго проспекта и Малой Садовой; въ **Москвѣ**, въ конторѣ журнала, при книжномъ магазинѣ **И. В. Базунова**, и коммиссіонера «Вѣстника» купца **Г. В. Барскаго**, на Садовой, у гостинницы Полтава, въ домѣ Быхова, въ **Варшавѣ**, у книгопродавца **П. В. Дутова**.

ЦѢНА ВѢСТНИКА ЗА ГОДЪ:

Для жителей Кіева, безъ доставки 6 руб. 50 коп., съ доставкою на домъ 7 руб. 50 коп., а съ пересылкою во всѣ города имперіи 8 руб.

Гг. иногородные благоволятъ относиться съ своими требованіями исключительно въ редакцію журнала Вѣстникъ Юго-западной и Западной Россіи, въ Кіевѣ.

Посылки и письма слѣдуетъ адресовать редактору «Вѣстника» Ксенофонту Антоновичу *Говорскому*, въ Кіевѣ.

Для желающихъ выписать «Вѣстникъ» за истекшій 1862/63 годъ дѣлается уступка: для жителей Кіева 6 р. а для иногородныхъ по 7 р. 50 к. съ пересылкою.